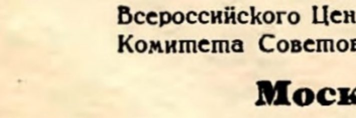

ВЕСТНИК ЖИЗНИ.

ИТОГИ ПОЛИТИКИ, НАУКИ, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА.

1918
№ 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Всероссийского Центрального Исполнительного
Комитета Советов Р., С., К. и К. Депутатов.

Москва. — 1918.

ВЕСТНИК ЖИЗНИ

1918 г. № 1

ОТ РЕДАКЦИИ.

В наши дни назрела потребность подвести итоги той грандиозной планомерной и методичной работе, которая произведена героическим российским пролетариатом во всех областях труда, мысли, творчества и борьбы за утверждение социалистического строя.

Каждая страница истории последнего года запечатлена не преодолимой властью пролетариата — этого класса-борца, класса-революционера, вечного и неутомимого героя, впервые в России разорвавшего фронт империалистской войны, превратив ее в гражданскую войну против желтого буржуазного интерационала — золота и биржи.

В плоть и кровь пролетариата уже вошли идеи мировой социалистической революции, он быстро изжил свою былую покорность империалистскому государству, и красный призрак коммунизма уже реет над прогнившим до основания буржуазным миром — уже явственно слышен стук в двери нового социалистического будущего.

Впервые в России была устранена от политической власти обанкротившаясяэкономически буржуазия, и вот уже скоро год, как российская коммуна, окруженная со всех сторон мировой контр-революцией, последовательно, шаг за шагом — закладывает фундамент будущей мировой Советской республики.

В этой борьбе пролетариату удалось организовать свою красную гвардию не только на поле брани, но и во всех областях труда, мысли и творчества.

Задача нашего журнала—подвести итоги всему, что сделано октябрьской революцией—произвести отбор всему значительному, что удалось уже достигнуть, дать теорию и практику юных форм пролетарско-крестьянского быта, осветить жизнь тех многочисленных организаций, которые создал пролетариат на своем победном пути для многообразного достижения своей великой цели — утверждения социализма.

Мы ставим своей посильной задачей на страницах нашего журнала не только доказать неизбежность социалистического строя, но и показать, как он осуществляется у нас усилиями Советской власти—органа пролетарской классовой диктатуры.

Редакция надеется на активную поддержку всех пролетарских культурных, художественных и научных организаций, — а также на помощь всех органов грандиозного хозяйственного и политического Советского аппарата, которые облегчат нам достижение наших задач присылкой статистических данных, сводок, обзоров и др. материалов—для возможно более полного и отчетливого освещения теории и практики Советской власти *).

---

*) В виду ряда технических затруднений выход в свет журнала сильно замедлился, этим об'ясняется устаревший характер некоторых сведений и фактов.

Отдел I.

ПОЛИТИКА. СОЦИОЛОГИЯ. НАУКА.

Отдел II.

ЛИТЕРАТУРА.

Отдел III.

ИСКУССТВО.

Отдел IV.

НОВОЕ В ЖИЗНИ.

Отдел V.

БИБЛИОГРАФИЯ.

Обзоры.

Отзывы о книгах.

С. С. ТРУСЕВИЧ (К. Залевский).

Еще задолго до выхода настоящего номера, редакция нашего журнала понесла тяжелую потерю—умер ея редактор-организатор С. С. Трусевич.

Жизнь этого старого революционера была сплошной борьбой за дело рабочего класса.

По происхождению литовец, С. С. Трусевич в девяностых годах появляется в Вильне и сразу с головой окунается в зачинающееся рабочее движение. Будучи уже в это время убежденным марксистом, он начинает организацию и воспитание масс в духе революционного социализма. Закипает горячая работа, организуются кружки молодежи, рабочие митинги, происходят пропагандистские собрания. Трусевич является душой всех этих начинаний, несмотря на то, что материальное положение его и его семьи было ужасным, и им приходилось существовать на 15 руб. в месяц, ютясь где-то на чердаке.

Между тем самоотверженная работа С. Трусевича начинает давать плоды, рабочие организуются и то на одном, то на другом заводе вспыхивает стачка.

Основными началами, проникавшими тогдашнюю работу С. Трусевича были: стремление вырвать рабочий класс из пут национализма, с особой силой владевшего тогда умами революционно настроенной буржуазной интеллигенции и стремление тесно связать его с польским и обще-русским рабочим движением.

Режим кровавого царя не мог, конечно, примириться с этим движением, развивавшимся исполинскими шагами.

В конце 90-х годов происходит разгром

польско-литовских социал-демократических организаций. Не избежал общей участи, конечно, и Трусевич. Поводом к его аресту послужила найденная при нем, собственноручно написанная им прокламация. Во время обыска он пытался проглотить ее, но жандармы, заметив это, бросились на него и стали давить его горло, пока бумага вместе с кровью не выскочила обратно.

Его томили два года в тюрьме, причем в это время умерла от нужды его единственная горячо любимая дочь, и затем отправили в ссылку в Сибирь.

В начале нового столетия ему удалось бежать из ссылки и он снова возвратился к насильственно прерванной революционной работе, ведя ее как в России, так и за границей. Это была тяжелая эпоха в истории польско-литовского рабочего движения. Разгромленное царским правительством, оно начинает все более и более проникаться националистическими тенденциями, проводником которых является польская социалистическая партия.

Только что вернувшись из ссылки, С. Трусевич тотчас же вступает в ожесточенную борьбу с этим социал-патриотизмом. Путешествуя, разумеется нелегально, по всей Польше и Литве, кочуя из города в город, он создает ряд социал-демократических эзоровых ячеек, пока, наконец, Польская социал-демократическая партия не возрождается заново. В эту эпоху С. Трусевич издает журнал Sprawa Robotnicza (Рабочее Дѣло), выпускает партийные прокламации (при помощи гутаперчевого карманного шрифта), принимает живейшее участие в заграничных социалистических съѣздах.

После удушения революции 1905 года, Трусевич вторично попадает в руки николаевских жандармов и, будучи освобожден под залог, — эмигрирует за границу.

Внутренние партийные неурядицы заставляют его на короткое время сойти со своего пути и вступить в связь с меньшевиками.

Находясь за границей, С. Трусевич опять переживает крайнюю материальную нужду, которая не мешает ему, однако, изучать европейское искусство, посещать все значительные музеи и заниматься оживленной литературной работой.

За время своей более, чем 30-летней политической работы, С. Трусевич написал массу статей и брошюр по вопросам политики, социологии и искусства, печатая их в польско-литовских нелегальных журналах, а также в «Современном Мире» и в «Вестнике Европы». Одними из последних его работ, написанными уже в России, после февральской революции, были: «Национальный вопрос и Интернационал», «Роль интеллигенции в развитии Интернационала» и еще не вышедшая брошюра «Пролетариат и искусство».

Революция 1917 года вернула С. Трусевича в Россию, а также в ряды революционного пролетариата. Снова, как и 15 лет тому назад, он погружается в самую гущу политической работы, вступив в ряды партии большевиков.

Он сотрудничает в «Правде», а затем, после октябрьской революции, в «Известиях Ц. И. К.», заведуя в последней газете отделом «В оккупированных областях», принимает горячее участие в создании московского «Пролеткульта», читает лекции в рабочих клубах и т. д. и т. д.

Приняв по приглашению Издательского отдела Ц. И. К. редактирование нарождающегося журн. «Вестник Жизни», он и туда внес дух кипучей энергии и широкой инициативы. Он привлекает ряд сотрудников, принимает живейшее участие в организации отделов (особенно отдела искусства, которое так любил покойный) и, наконец, пишет ряд статей для первого номера. Способность увлекаться работой и увлекать других, ровное, внимательное отношение ко всем сотрудникам способствовали установлению чрезвычайно сердечных отношений между последними и С. Трусевичем.

Работая по 24 часа в сутки, буквально не имея часа, чтобы как следует поесть или

отдохнуть, С. Трусевич окончательно расшатал свое здоровье, и без того надорванное десятилетиями непрерывной работы и безысходной нужды.

По его собственным словам, он начинал писать статьи с 5 часов утра, затем отправлялся в «Пролеткульт», оттуда в «Известия», затем в наш журнал, после чего шел в рабочие клубы, на партийные собрания и т. п.

24 августа, окончив свою работу в «Известиях, без отдыха, почти не пообедав, он отправился в Можайск, куда был приглашен прочесть лекцию народным учителям, собравшимся на с'езд. Прибыв в Можайск, С. Трусевич присутствует на вечерней лекции, принимает горячее участие в происшедшем собеседовании и, наконец, отправляется спать, условившись, что завтра утром он будет читать свою лекцию. Однако, ему не пришлось сделать этого. Часов в 6 утра он умер от разрыва сердца, как воин находящийся все время на своем революционном посту.

Тело С. Трусевича было перевезено в Москву, и 1 сент. состоялись его похороны. Масса венков, почетный отряд красноармейцев, большое количество публики, пришедшей проводить его останки до места погребения—таковы были внешние знаки внимания к памяти С. Трусевича со стороны революционного пролетариата, для освобождения которого он работал всю жизнь.

Под мощные звуки интернационала, его труп был предан земле и в полной гармонии с настроением собравшихся прозвучали напутственные речи целого ряда товарищей, охарактеризовавших С. Трусевича, как старого революционера и стойкого борца за коммунизм и «жившего и умершего за других».

ВЕСТНИК ЖИЗНИ

ЭПИЗОДЫ ПРОШЛОГО.

I. ПОБЕГ СТ. ТРУСЕВИЧА.

Станислав Станиславович Трусевич прибыл в ссылку в конце лета 1899 года. Трудно было встретить, даже среди ссыльных только что вырвавшихся из тюрьмы человека более изможденного, более нервного. В тюрьме ему пришлось пережить много тяжелого, вплоть до побоев. Но достаточно было небольшого знакомства с новым товарищем, чтобы убедиться, что не тюремные лишения, а внутренний огонь бессменных революционных забот и жгучего беспокойства за судьбы революции,—огонь, поглощавший без остатка все душевные силы Станислава,—превращал его, как говорится, в «комок нервов».

В довершение всего, он лишился сна и не мог обходиться без ежедневных крупных доз брома.

В ссылке каждый старается устроиться сколько-нибудь сносно,—как-нибудь просуществовать на свои грошевые заработки или на казенное пособие. Забота о куске хлеба отнимает не мало дум и времени. И мы с некоторым недоумением встретили заявление Трусевича, что все наши заботы о хлебе насущном—это буржуйские заботы. А затем последовало новое заявление:

— К зиме я должен быть в России: этого требуют интересы партии.

Следовательно, нужно было немедленно начать приготовления к побегу.

В те годы побеги из ссылки были редкостью: конечно, не было и недостатка в людях, желавших немедленно вернуться к революционной деятельности. Но самое революционное движение недостаточно еще окрепло для того, чтобы содержать и охранять нелегальных товарищей, исключительно занятых подпольной работой.

Трусевич хотел быть,—и не мог не быть, по всему своему душевному складу,—одним из первых «профессиональных революционеров», значительно раньше, чем тов. Ленин печатно дал лозунг «организации профессиональных революционеров», как неотложной задачи революционного момента.

Понятно, что заявление Трусевича о необходимости быть к зиме в России всколыхнуло всю ссыльную колонию Олекминска.

Не менее того внес он свежую струю и в идейную жизнь ссыльных. То было время, когда российская интеллигенция, после чуть не поголовного увлечения модным «легальным марксизмом», шарахнулась в сторону буржуазии и занялась на все лады «критикой марксизма». Опору «критикам» дала книга Эд. Бернштейна: «Предпосылки социализма». Возражения Бернштейну, исходившие от Каутского, Плеханова и других марксистов, еще не успели дойти в далекую Якутскую область. А легальные журналы с «критикой» читались. И книга Бернштейна переводилась в ссылке на русский язык, усердно переписывалась и в рукописях пересылалась из колонии в колонию.

Марксизм хоронили на все лады.

Помню, товарищ по ссылке Б. Ис. Гольдман говорил мне:

— Несчастный вы человек! Вечно опаздываете: во время расцвета марксизма вы держались за ветхое знамя Народной Воли и признали марксизм, когда он уже отжил свой век.

Появление Трусевича показало, что марксизм «отжил свой век» только в головах буржуазной интеллигенции...

Однако, при всем желании вернуть революции новую силу в лице Трусевича, приходилось очень задумываться насчет своевременности устройства побега для че-

ловека с таким расстроенным и, казалось, таким слабым здоровьем. Подробности побега обсуждались на все лады; делались все необходимые приготовления; и все-таки Станислав угадал сомнения товарищей. У него зародилось недоверие, явились подозрения. Он не стеснялся их высказывать. Но давал совсем другое об'яснение тому, что товарищи не хотят будто-бы его побега.

Дело в том, что побег из Якутской области до сих пор считался делом почти невозможным. Ссыльные жили под бдительным наблюдением полиции, точно под стеклянным колпаком. Отсутствие ссыльного тотчас замечалось.

А между тем путь из Якутской области только один—вдоль Лены. Свернуть в сторону от реки значит наверняка погибнуть в лесных (таежных) дебрях. По Лене все проезжие наперечет. Ямщики очень наблюдательны, хорошо запоминают и быстро определяют человека. И вот по этой единственной дороге нужно проехать больше двух тысяч верст. А вдоль дороги идет телеграф. Если полиция хватится раньше, чем беглец минует этот длинный путь, то телеграмма опередит его, и арест неизбежен.

В виду этих трудностей почти не случалось побегов из Якутской области, и полицейское наблюдение в Олекминске было сравнительно слабо. Но достаточно было бежать, хотя бы одному из какого бы то ни было пункта Якутской области, чтобы вся полиция поднялась на ноги. А разговоры о предполагавшихся побегах уже шли по колониям. И Трусевич думал, что хотят раньше пропустить кого-то другого, тем самым отрезывая возможность второго успешного побега.

Действительно, по первому зимнему пути из Якутска скрылся Юрий Михайлович Стеклов. Его провез до Олекминска офицер, в то время, как в постели, будто бы больного, Стеклова лежало другое лицо. В Олекминске об этом побеге мы узнали случайно. Офицер, привезший Стеклова, встретил на улице одного из ссыльных и сообщил, что Стеклов только что проехал дальше. Товарищ был крайне изумлен:

— Как же вы сообщаете об этом мне,— человеку, совершенно вам незнакомому?

— Ну, вот еще,—возразил смеясь офицер: ведь вашего брата ссыльного, в роде как спиртоноса, за версту можно узнать по лицу!

Эта наблюдательность местных жителей явилась лишним указанием на то, как труден здесь благополучный трехнедельный проезд по пустыне для товарища, скрывшегося из ссылки.

Несмотря на на что, Трусевич заявил, что он своего побега не откладывает. Но явная невозможность, — так скоро после проезда Стеклова, — скрывать в течение трех недель отсутствие Трусевича побудила в корне переработать план побега. Решено было так: пусть полиция как можно скорее хватится и поднимет тревогу по всему пути. Начнутся поиски, ловля. А Трусевич будет где-нибудь под Олекминском пережидать, пока не уляжется тревога, и потом уже двинется в путь.

Это был более сложный и более трудный план.

Нужно было найти место, чтобы прожить совершенно незаметно не менее месяца. И нельзя было скрываться в городе или близко от города: через месяц поиски могут затихнуть в более отдаленных уездах, но не здесь, где будут заинтересованы все жители и заинтересована вся уездная администрация, вплоть до старост, сотских, содержателей почтовых станций и даже простых ямщиков. Нужно было скрытно выехать за пределы уезда до начала розысков.

Удалось найти лиц (конечно не из числа ссыльных), которые согласились дать приют близ Нохтуйска (на границе уезда). Удалось найти и лиц, которые взялись скрытно провести Трусевича до этого приюта [1]). Добыли большие сани (кошеву). Сибиряки ездят в дальний путь не сидя, а лежа в санях, без сиденья. Чтобы скрыть человека, пришлось все-таки сделать сиденье из веревочного переплета и замаскировать его, заваливши остальную часть саней сеном и чемоданами.

Помню темную ночь, когда дыханье захватывало сорокаградусным морозом. На мою долю выпало оказать последнюю помощь. Укутали Трусевича во что только было возможно, и он лег под сиденье поперек саней. Закрыли его сеном, постлали кошму сверху и только после этого привели почтовых лошадей.

Предстояло сделать на перекладных 245 верст. Не менее суток, до следующей ночи, беглец должен был лежать неподвижно, не имея возможности даже обогреться стака-

[1]) Это были: древний старик, поляк-повстанец 1863 г. Митневич и жена С. М. Чижика— М. П. Чижик,—смелая, энергичная женщина. Скрывался Трусевич в квартире С. М. Чижика.

ном горячего чая, не смея пошевельнуться или звуком выдать свое присутствие.

Около часа прошло, пока запрягали лошадей, пока усаживались лица, сопровождавшие Трусевича.

Забирался уже мороз ко мне и под доху на двойном меху, и в меховые сапоги с высокими валяными галошами; куски льда, образующегося от дыхания, успели нависнуть на усах и бороде раньше, чем повозка двинулась за ворота.

А Трусевичу предстояло лежать неподвижно весь остаток ночи, и весь день, и, может быть, всю следующую ночь. И провожая глазами быстро понесшуюся тройку, весело гремящую бубенцами, я спрашивал себя:

— Над чем будут они звенеть будущей ночью? Над горячим, неуклонным революционером, не признающим преград по пути к цели, или же над его окоченевшим трупом? Да, прав Станислав: по сравнению с такими людьми, как он, мы являемся не более как жалкими, презренными буржуями!

Он не замерз. Дня через три мы подняли полицию на ноги:

— Трусевич пропал!

Произвели обыск в его квартире. «Допосчиком» по выбору колонии был тов. И. Браудо. Он уже присутствовал при обыске. И можно себе представить его волнение, когда он среди бумаг увидал забытый кем-то план местности под Нохтуйском, с отметкой того самого дома, где должен был Трусевич пережидать первую тревогу розысков! К счастью, план этот попал в карман Браудо раньше, чем был замечен полицией. А вместо плана в руки полиции попала записка Трусевича с просьбой никого не винить в его смерти. Повидимому, полиция поверила этой записке. Тем не менее, даны были телеграммы по всей линии; а относительно розыска трупа мнимого самоубийцы исправник сказал:

— Наверно его давно занесло снегом в лесу: весной откроется, и найдем по запаху.

Около месяца провел Трусевич в самых невероятных условиях, в комнате, где жила семья, где нередки были посетители и где случайный, неосторожный шорох или кашель мог выдать беглеца, разрушив весь план побега.

Наконец, мы узнали, что Станислав работает в России. А еще через несколько времени, — что он опять в тюрьме, и потом, — что он в ссылке в Енисейской губ.

Другие товарищи, чаще сталкивавшиеся с Трусевичем на работе, лучше и подробнее раскажут о нем, как о практическом работнике. Я же позволю себе сказать еще несколько слов о его личности.

Мало того, что он сам был совершенно не способен думать об удобствах своей жизни, — еще слепая судьба обрушивала на его голову всякие беды.

Например, в зиму 1906—7 года он жил близ Петербурга, на станции Куоккала (по соседству жил Ленин и некоторые другие товарищи). И Трусевичу пришлось переносить редкую для взрослых людей болезнь,— дифтерит. Не успел он оправиться, как случился пожар: дом сгорел до тла, и Станислава едва успели спасти.

Но всякие такие напасти проходили как будто бесследно для духа Трусевича: они не уменьшали его кипучей энергии.

В последний раз судьба столкнула меня с ним в феврале 1918 г., в поезде из Питера в Москву. Это был все тот же старый Трусевич, с кучей вопросов. Сейчас же заговорил он с соседями, и не прошло часа, как произошло чудо: среди невероятной давки, когда в отделение для четверых набилось до двадцати человек, люди не только не старались занять место каждый получше, а, наоборот, каждый уговаривал другого устроиться поудобнее, каждый уступал другому лучшее место. И вышло это без всяких уговоров, само собою, только потому, что Трусевич по всему своему характеру не мог не об'единить всех в одну семью, — вероятно сам не сознавая того, что делает.

Когда я узнал о внезапной смерти Станислава, почти в самый разгар его работы, я невольно подумал:

— Он и не мог умереть иначе. Как бы ни подстерегала его смерть, — она не могла бы застать его праздным, потому что у этого человека не было в жизни, кажется, ни одной минуты, свободной от служения делу освобождения пролетариата от его вековечных врагов.

II. М. С. УРИЦКИЙ.

В 1902 году трон стал заметно шататься под напором революции, и правительство начало метаться от репрессий к послаблениям, чтобы затем вернуться к усиленным репрессиям.

Против участников рабочего движения

пошли в ход розги (Екатеринослав), массовые расстрелы (Златоуст), каторга (за демонстрации в Саратове и Нижнем-Новгороде).

А к участникам студенческих волнении применили сдачу в солдаты. За протест против этого нового вида репрессии около сотни московских студентов было выслано в Восточную Сибирь.

Не успели студенты приехать на место, как в правительстве уже произошла перемена настроения, и за сосланными студентами стали ухаживать. Якутский губернатор самолично выехал их встречать на границу области, со списком вакантных мест врачей, фельдшеров, волостных и сельских писарей и т. п. Встретив арестантскую партию, он пригласил стать отдельно бывших студентов.

Не зная, в чем дело, в эту группу стал и М. С. Урицкий, тоже бывший когда-то студентом, а теперь шедший на 8 лет в ссылку вовсе не по-студенческим делам. Ему досталось место волостного писаря в Чекурской волости.

Чекурка—небольшое селение на Ленском тракте, верст на полтораста ниже Олекминска. Место глухое, но с почтово-телеграфной конторой, школой и волостной общественной лавкой. Волостной старшина Ив. Ин. Иванов давно уже находился под влиянием политиков, как и учитель, местный крестьянин.

Интерес положения увеличивался тем, что здесь, по старинному крестьянскому положению, волостной писарь был не вольнонаемным лицом, а должностным лицом, членом волостного правления и представителем от уездной администрации.

В Чекурское волостное правление одновременно пришли две бумаги: первая старшине—о назначении Урицкого на должность волостного писаря, и вторая—волостному писарю Урицкому о неослабном наблюдении за поведением политического ссыльного Урицкого. А из волостного правления за подписью писаря Урицкого стали поступать еженедельные рапорты о том, что ссыльный Урицкий ведет себя благопристойно и не замечен ни в какой пропаганде, кражах и дебоширстве.

Моисей Соломонович тотчас по прибытии Чекурку с головой погрузился в волостные дела. Началась раскопка полузабытых обид и беззаконий. Со всей волости потянулись крестьяне к новому писарю со всевозможными жалобами и просьбами. Изредка можно было видеть Моисея Соломоновича и в городе: окруженный толпой крестьян, ходил он из лавки в лавку, прицениваясь и выбирая товар для волостной общественной лавки.

Само собой разумеется, что эта идиллия не могла долго тянуться. И повод к решетельному конфликту характерен для личности Урицкого.

«Зимние партии политических отправлялись в Якутскую область в сопровождении жандармов, на почтовых лошадях. И жандармы, и политики старались возможно скорее одолеть этот безконечный переезд. Скакали день и ночь на тройках, останавливаясь через ночь, а то и реже.

Для крестьян поставка лошадей для провоза арестованных составляла натуральную повинность. Урицкий раскопал закон, которым определялось число лошадей, пропорционально числу арестованных. Оказалось, что законное количество лошадей значительно меньше того, которое было установлено полицейской практикой. Предстояло или стать на сторону крестьян, в ущерб товарищам-политикам, и итти на конфликт с администрацией, или пожертвовать крестьянскими интересами в угоду установившейся практике.

Моисей Соломонович решительно стал на сторону крестьянских интересов. Без всяких задержек скакала на тройках партия политических ссыльных, одолев уже почти две с половиной тысячи верст, — и вдруг в Чекурке машина застопорилась: не угодно ли дальше двигаться чуть не черепашьим шагом!

Застучал телеграф между Олекминском и Чекуркой. Исправник требует дать прежнее количество лошадей, а Урицкий отвечает:

— По закону не имею права.

Исправник принимает ответственность на себя, а Урицкий отказывается выполнить незаконный приказ. Кончилось дело, конечно, приказом на имя старшины отправить бывшего волостного писаря, политического ссыльного Урицкого в Олекминск.

Олекминской ссыльной колонии не пришлось жалеть о таком исходе конфликта. Живя в Чекурке, Урицкий был слишком оторван от колонии и казался поглощенным волостными интересами. И только по переезде его в город товарищи смогли ближе познакомиться с ним и оценить его личность.

По переезде его в Олексинск оказалось, что не на одни только волостные интересы ушло время, проведенное в Чекурке: Урицкий успел, сидя там, наладить и развить постоянные сношения с Россией,—и колония в сильнейшей степени стала жить текущими интересами общероссийского революционного дела. А интересы эти были велики и жгучи. Неслышно для стоящих далеко от дела, клокотала уже лава в груди многомиллионного пролетарского вулкана. Переживался канун революционного 1905-го года.

Уже раздавался в «Искре» мощный голос тов. Ленина, указывавшего, «с чего начать» и «что делать», призывавшего создать и фактически организовавшего «общерусский центр» из «профессиональных революционеров».

Группой «Искры» и «Зари» уже разоблачены были до конца буржуазные провокаторы, прикрывавшиеся именем марксизма и выступавшие с «критикой» Маркса. А под ударами «Искры» теряли позицию за позицией герои приспособления и малых дел—«экономисты». На очередь дня становились вопросы боевых массовых выступлений,—политических демонстраций и всеобщей забастовки.

Трудно было в такое время сидеть за тысячи верст такому человеку, как Моисей Соломонович,—сидеть с 8 годами впереди. Мне не приходилось говорить с ним об его побеге: ясно было, что он сделает то, что будет требоваться интерессами партии, как только это станет возможным.

В Урицком никогда не замечалось желания руководить, влиять. Но само собою выходило, что человек обращался именно к нему, чтобы проверить правильность своих действий. И Моисей Соломонович, видя ошибку, не упрекал, не горячился; с своей неизменной доброй улыбкой он замечал только:

— Мне кажется, что правильнее было бы поступить вот как и вот почему.

После ссылки мне не лучалось сталкиваться с ним в работе. И только в январе 1918 года пришлось быть случайным свидетелем одной беседы. После тяжелой и неблагодарной работы в связи с Учредительным Собранием, на него, не дав передышки, возложили другую, не менее тяжелую и неблагодарную работу.

И как раз при мне начался разговор о том, чтобы он взялся за это дело. Мгновенная тень на лице Моисея Соломоновича дала мне возможность заметить, насколько эта работа ему не по душе. Но он даже не сказал:

— Нужно, значит должно быть сделано.

Нет,—он прямо перешел к выяснению задачи, возложенной на него, и к ознакомлению с подробностями.

Меньше всего возможно было ожидать, зная Моисея Соломоновича, чтобы он мог вызвать против себя чью-либо личную вражду или злобу. Но в то же время нет ничего удивительного, что озлобление буржуазии против победоносного пролетариата избрало своей жертвой именно тов. Урицкого.

Он был часовым пролетариата, всегда готовым занять самый беспокойный, самый ответственный пост. И враги пролетариата считали, что нужно начинать нападение с того, чтобы снять такого часового с его поста.

Нападение отбито, несмотря на гибель часового. Но как жаль, бесконечно жаль, что нам не дано больше видеть этой милой, бесконечно доброй улыбки незабвенного Моисея Соломоновича!

М. Ольминский.

Марксизм и революция.

«Война или смерть, кровавая борьба или уничтожение»—такова неотразимая постановка вопроса,—пишет К. Маркс, цитируя Жорж Занд в конце своей книги «Нищета философии», направленной против соглашательских тенденций французского анархиста П. Прудона.

С тех пор, как была издана «Нищета философии», прошло больше семидесяти лет. И однако современное политическое положение в России и в ряде других стран доказывает правильность этих слов. Революционная Россия, свергнувшая иго не только царизма, но и капитала, окружена железным кольцом империалистической контр-революции разных стран и народов, угрожающей не только ей, но и всему мировому пролетарскому движению.

И перед трудящимися массами России и равно как и перед всем международным пролетариатом стоит задача кровавой, беспощадной борьбы на жизнь и смерть с об'единенными силами их врагов.

В этой борьбе революционный лагерь, передовым отрядом которого является современная Россия, обладает крупным преимуществом перед лагерем империалистов. Ибо последние расчитывают только на свою военную силу. На стороне же революции, кроме пушек и пулеметов находятся и законы развития человеческих обществ, доказывающие неизбежность ее торжества, а также колоссальная духовная сила—следствие ее великой роли в развитии человечества. Это—орудие, без которого пушки и пулеметы не могут иметь решающего значения. Сознание их исторической роли дает революционным трудящимся массам учение Карла Маркса и Ф. Энгельса, выясняющее им законы истории и предоставляющее им возможность «планомерного пользования этими законами для своих целей».

Марксизм это—цельное стройное мировоззрение. Правильность его метода, его приемов исследования природы и человеческих обществ, и тех выводов, к которым пришел К. Маркс в своих научных произведениях подтверждается всей наукой новейшего времени, всеми данными развития природы и человечества.

Метод марксизма это—метод диалектический *). Пользоваться им, это значит рассматривать все предметы и явления «в их движении, в их развитии, в их взаимной борьбе, в их образовании и уничтожении, в их отражении в понятиях, в их взаимной связи».

В своем учении К. Маркс является материалистом, монистом, детерминистом. Он материалист, ибо он признает «первоначалом» всего существующего конкретный, материальный, вечно развивающийся мир», ибо, согласно его учению, **«не бытие определяется сознанием, а сознание—бытием»**. Он—монист, ибо его учение устанавливает полное единство между суб'ектом и об'ектом, между человечеством и природой, между личностью и обществом, между бытием и сознанием, рассматривая их в их развитии, в их действии.

Он—детерминист, ибо, согласно его учению, каждое явление—лишь момент в непрерывном развитии вселенной, свобода же воли человека состоит не в независимости человека от законов развития, а в познании этих законов и использовании их для своих целей.

Марксизм, по словам самого К. Маркса представляет собой не обобщение принципов изобретенных тем или иным ученым, а выражение «совершающегося на наших глазах исторического движения». Но задачу пролетариата К. Маркс видит не в бездеятельном выжидании результатов этого движения, а в активном участии в нем, как

*) Слово «диалектический» происходит от греческого слова «диалог», что значит споръ двух лиц между собой; в исследовании же природы и общественной жизни это слово означает борьбу двух сил—старой отживающей и новой, которой принадлежит будущее.

части в целом, — не только в том. чтобы «исследовать мир, а в том, чтобы изменить его».

Эти последние слова ярко отражают живой дух марксизма и пролетарского движения, в обстановке которого он развился. И основная особенность индивидуальности К. Маркса, как ученого и политика, в которой кроется его величие, его безсмертие, это то, что он по всей сущности своего внутреннего мира,—пролетарий, что он—родоначальник новой эпохи, новой культуры, культуры пролетариата. Вышедший из буржуазной среды, проведший в этой среде свои юношеские годы, выступавший в течение нескольких лет в роли борца революционной буржуазии, он затем сжег все мосты, соединявшие его с нею, «отряхнул ее прах от своих ног» и органически сросся с пролетарским миром.

Он, как исследователь и политический деятель, стоит не вне, а внутри, в среде пролетарского класса, является атомом (частицей) пролетарского организма. Это его резко отличает от громадного большинства социалистов, и прежде всего от всех его предшественников, ибо последние извне рассматривали условия пролетариата, и с своей личной, развившейся в буржуазно-интеллигентной среде, точки зрения строили планы его освобождения.

Какова же была та общественная обстановка, в которой К. Маркс развил свое учение?

Непосредственными предшественниками К. Маркса были в философии—Борух Спиноза, Гегель, Фейербах и французские материалисты XVIII в., в экономии—А. Смит и Д. Рикардо, и социалисты-утописты—Р Овен, Сен-Симон, Ш. Фурье, и К. Г. Бабеф

Время К. Маркса в Англии—это было время развития капитализма и порожденного им развития профессионального, а затем Чартистского движения.

Во Франции на глазах К. Маркса и Ф. Энгельса произошел ряд революций. В Германии в это время происходила борьба буржуазии за конституцию и обнаружились первые проявления рабочего движения.

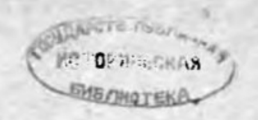
К. Маркс был учеником Гегеля, но он принадлежал, к так называемому, левому крылу его учеников, далеко не во всем согласных с ним. Маркс принял метод Гегеля, изменил его по-своему и при его помощи создал свое пролетарское, материалистическое учение, отвергнув идеалистическую, буржуазную,философскую систему своего учителя.

Перейдем теперь к изложению основных положений учения К. Маркса. Учение это находится в самой тесной связи с учением его современника Ч. Дарвина о развитии органического мира—мира растений, животных и людей. «История человеческих обществ со времени распадения первобытной общины,—пишет К. Маркс,—это—история борьбы классов». Но человечество с его внутренней классовой борьбой—лишь часть вечно развивающейся природы.

«Люди сами,—читаем мы в предисловии к I т. «Капитала», делают свою историю», но они делают ее, как выясняет К. Маркс, в той обстановке, которая создана прежними поколениями.

История человечества в ее целом это так же, как, согласно дарвинизма, и история всего органического мира—борьба за существование. Но,—говорит К. Маркс,—ссылаясь на известное выражение ученого Франклина,—борьба эта в человеческом мире отличается от борьбы за существование в органическом мире в его целом, тем, что человек ведет ее не только при помощи естественных орудий, органов своего тела—когтей, зубов, но и при помощи искусственных им самим изобретенных орудий труда и борьбы.

Воздействуя в этой борьбе на природу вне его, частью которой он сам является, он изменяет свою собственную внутреннюю природу. В борьбе за существование развиваются производительные силы: развивается рабочая сила людей; изобретаются и совершенствуются орудия труда; земля и ее продукты приспособляются к потребностям людей, наконец, подчиняются воле людей и эксплоатируются ими силы природы—пар, электричество. «В общественном производстве своей жизни,—пишет К. Маркс,—люди вступают в определенные, необходимые, от их воли независящие—производственные отношения, которые соответствуют данной определенной ступени развития их материальных, производительных сил... Способ производства материальной жизни обусловливает общественный, политический и духовный процессы жизни. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. Совокупность производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальную его основу, на которой возвышается юридическая (правовая) и политическая надстройки, и которой отвечают

определенные формы общественного сознания». Развитие борьбы за существование— процесс диалектический, полный внутренних противоречий.

В нем действует закон отрицания. В недрах каждого организма, каждого общественного строя развиваются элементы нового организма, нового общественного строя. Когда развитие новых элементов, либо общественных сил тормозится старыми формами, эти формы распадаются, образуются новые, отвечающие новому содержанию. Количество изменяется в качество. Неизбежным следствием развития является, таким образом, переворот. В этом выяснении неизбежности переворотов в развитии природы и человеческих обществ состоит глубокое различие между диалектическим пролетарским и эволюционистским буржуазным мировоззрением.

В процессе хозяйственной деятельности людей возникали и под ее влиянием развились: общинный, а затем государственный строй, семья, искусство (прежде всего искусство ритмического танца и пения, а затем музыки—в дальнейшем же легенды, архитектуры, живописи, скульптуры), религия, нравственность, наука, правовые понятия, политические и общественные идеи.

Развитие производительных сил в первобытной общине создало в недрах ее новые, противоречащие господствовавшим в ней интересам и понятиям силы, как то: разделение труда, обмен продуктов, разделение людей на классы, с противоречащими друг другу интересами, борьбу между ними, одним словом, элементы общественного строя, основанного на неравенстве. Когда общинный быт стал стеснять его развитие, произошла революция: община распалась. С тех пор борьба людей за существование развивается в обстановке борьбы классов. Борьба классов, развитие которой обусловлено развитием производительных сил, определяет собой развитие государственных форм, семьи, нравственных и правовых понятий, науки, искусства, общественных и политических идей. В древнем мире велась борьба мелких собственников с крупными, рабов с рабовладельцами; в Средние Века— боролись горожане и крестьяне с феодалами-помещиками, и борьба их закончилась Великой Французской революцией. В эпоху буржуазного строя, юридические основы которого были созданы последней, пролетариат борется с буржуазией. Развитие производительных сил обеспечивает ему победу в этой борьбе. Это происходит следующим образом.

В недрах капиталистического строя развивается зародыш нового, новые противоречащие ему общественные силы. Это новые производительные силы. Их развитие принимает международный характер, об'единяя все страны и народы в одно мировое торгово-промышленное целое. Их дальнейшее развитие тормозится частной собственностью на орудия производства и порождаемыми последней конкуренцией, анархией в производстве, кризисами, скоплением в немногих руках всех капиталов. Их развитием обусловлены численный рост пролетариата, и его воспитание для роли руководителя производством, происходящее в обстановке новых производственных отношений—в обстановке обобществления труда. Под влиянием этих производственных отношений в среде пролетариата развиваются новая психика—общественные чувства, международная классовая солидарность, организованность, самодисциплина, новые правовые понятия в форме стремления к общественной собственности на орудия производства, и его классовая борьба, в процессе которой он об'единяется в один мировой рабочий класс.

В процессе этой борьбы все более обостряются противоречия интересов буржуазии и пролетариата. Орудием их борьбы становится государственная власть. Сначала, пока буржуазия сильнее пролетариата,—государственная власть является ее классовой диктатурой. Когда пролетариат становится крупной общественной силой, он стремится к учреждению своей классовой диктатуры. Он завладевает государственной машиной и пользуется ею для осуществления, при ее помощи, социалистического строя. Марксизм развился в процессе борьбы пролетариата. Научный социализм является обобщением его стремлений в этой борьбе. Он научно обосновывает неизбежность социалистического переворота. Свои доводы К. Маркс завершает следующим образом в конце I тома «Капитала»: «Концентрация средств производства и обобществление труда достигает такой степени, при которой они становятся несовмѣстимыми с их капиталистической оболочкой. Оболочка эта разрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Происходит переворот. Экспроприирующих экспроприируют. Количество переходит в качество. Капиталистический строй заменяется социалистическим».

С социалистическим переворотом не закончится борьба за существование, она лишь перейдет в высшую форму развития. Уничтожение борьбы классов и об'единение всех стран и народов в одно целое даст людям возможность сосредоточит все свои силы на борьбе с природой, и сделает, определяемыя ныне развитием производительных сил, его действия—свободными. Будет дан мощный толчок развитию познания природы, подчинения ее сил человечеству.

Чем более развивается борьба пролетариата, тем более сама жизнь подтверждает правильность основных положений марксизма, тем более обнаруживаются его мощь и значение и в пролетарском движении, и в развитии науки. Буржуазные ученые ведут против него ожесточенную борьбу, но и они вынуждены считаться с его выводами, пользоваться его завоеваниями в науке, особенно в политической экономии.

Его диалектический метод начинает применяться и в других науках; так это проявилось, между прочим, в создании в Ботанике—голландским ученым Гуго де-Фризом, его теории мутаций. Теория эта составляет одно из проявлений постепенного преобразования дарвинизма из эволюционистского в диалектический.

Обосновав научно неизбежность социалистического переворота, К. Маркс и его ближайший друг и сотрудник Ф. Энгельс, обратились, как известно, к рабочим с призывом: «пролетарии всех стран, об'единяйтесь» Они впервые и заложили основы той организации пролетариата, которой предстоит совершить социалистическую революцию. Первой такой организацией была небольшая группа наиболее передовых рабочих,—международный союз коммунистов; второй—«международное товарищество рабочих», т. н. «Первый Интернационал», об'единивший уже широкие массы. Тип их внутреннего устройства и общий характер политики отвечали основным принципам марксизма и формулированным им тенденциям в развитии капиталистического строя и рабочего движения. Они были основаны на началах демократического централизма и обладали единой, международной политической ориентацией. Следуя основным положениям приветственного адреса К. Маркса, Первый Интернационал обладал своей самостоятельной, классовой, пролетарской внутренней и внешней политикой: он руководил борьбой рабочих разных стран, забастовками в Англии, Америке, Швейцарии, Бельгии, отстаивая права угнетенных народов—польского, ирландского, подчиняя все эти задачи общей цели пролетариата всех стран—делу мировой социалистической революции.

И союз коммунистов, и I-й Интернационал, как известно, просуществовали недолго, II-й же Интернацион., возникший уже после смерти К. Маркса—в 1889 г., был фактически не Международным Обществом рабочих, а очень слабым об'единением вполне самостоятельных социалистических партий разных государств и сам упразднил себя в первые дни нынешней империалистической бойни. Причины такой судьбы международных пролетарских организаций кроются, как в условиях развития этих международных об'единений пролетариата, так и в частности в составе и основных принципах их организации.

К. Маркс создал свою теорию научного социализма и всю свою стройную философскую систему, подметив, благодаря своему гению и своему диалектическому методу, лишь общие, еще неоформленные, еле намечавшиеся в то время тенденции развития капитализма и рабочего движения. В эпоху деятельности I-го Интернационала начался процесс углубления капиталистического развития в каждой отдельной стране и приспособления к его запросам—государственного строя каждой из них; началась также борьба широких народных масс за демократизацию этого строя. Внимание последних было повсюду всецело сосредоточено на вопросах внутренней политики. Классовая борьба пролетариата получила вследствие этого не международный, а государственно-национальный характер. Этому способствовала и руководящая роль интеллигенции и рабочей бюрократии в пролетарском движении.

Те общественные отношения, которые во время К. Маркса находились лишь в зародыше, к настоящему моменту развернулись во всей полноте. Война открыла новую эпоху в развитии капитализма и условий пролетарской борьбы. Это—эпоха боевого империализма, эпоха непрерывных острых конфликтов и войн, острой экономической нужды народных масс, роста идейной и политической реакции. Это—эпоха решения всех важнейших вопросов общественной жизни на мировой политической арене и в то же время развития национализма буржуазии, усиления ее диктатуры, под флагом сильной власти и государственного капитализма, жестокого единодушного во всех странах преследования классовой борьбы пролетариата. Развитие всех этих особенностей современ-

вой нам эпохи уже вызвало повсюду революционное брожение, которое неизбежно закончится заменой диктатуры буржуазии диктатурой пролетариата и социалистической революцией. России, где диктатура буржуазных классов была облечена в форму варварской деспотии, выпала на долю роль авангарда в этом великом деле. И потому и папа римский, и радикал Клемансо, и проходимец Ллойд-Джордж, и лицемерный вождь американского империализма Вильсон, и германские и доморощенные украинские империалисты и русские социалисты-соглашатели дружно выступили против Советской власти. Дело российской революции стало делом пролетариата всего мира. Наступает момент его международного революционного действия, момент осуществления лозунга К. Маркса и Ф. Энгельса: «пролетарии всех стран, соединяйтесь». Приближается время, когда международный пролетариат станет хозяином всего мира. Чем всестороннее будет его умственное и духовное развитие, тем скорее и успешнее он выполнить свою историческую роль «могильщика» капиталистического, и творца нового социалистического строя. Марксизм, представляющий собой цельное, стройное мировоззрение, овладев сознанием пролетарских масс, станет могучим орудием их революции, облегчить им задачу учреждения классовой диктатуры пролетариата и великое дело социалистического строительства. Ибо марксизм доказывает пролетарским массам всего мира, что только они сами могут освободить себя, он им выясняет, что их стремления к социализму неминуемо должны осуществиться, он, благодаря этому, возбуждает в них ничем непоколебимую уверенность в собственных силах и воодушевляет их на борьбу.

Марксизм показывает пролетарским массам, что ничто в мире не совершается без борьбы. Марксизм диктует пролетариату всех стран об'единение для международного революционного действия. Марксизм говорит ему и в частности русским трудящимся массам: «Война или смерть, кровавая борьба или уничтожение».

К. Залевский

Судьбы пролетарской культуры.

Российская революция переживает один из наиболее тяжелых моментов в своем развитии. Советская Федеративная Республика окружена со всех сторон врагами, которые, с одной стороны, выдвигают против нее военные силы, с другой, силятся вдохнуть жизнь в издыхающую гидру внутренней контр-революции. Различные части последней стараются использовать угнетающий трудящиеся массы экономический кризис, отравляя их сознание ядом буржуазной, религиозной либо псевдо-социалистической идеологии.

Советская власть делает геройские усилия, ведя неуклонно свою социалистическую политику, борясь с экономическим кризисом, отсекая одну за другой головы контр-революционной гидры, организуя военные силы революции, работая над подъемом культурного уровня широких масс.

Последняя—культурно-просветительная—деятельность, способная сыграть колоссальную роль в деле упрочения и дальнейшего развития завоеваний революции и обеспечения ее от внутренних и внешних врагов.

Культурное развитие масс составляет неиссякаемый источник энергии, питающий и дело социалистического строительства и вооруженную защиту революции.

Но, ведя культурно-просветительную деятельность, коммунистам предстоит иметь в виду основные особенности эпохи, в которую происходит российская революция.

Успех всякой революции обеспечен развитием самодеятельности широких масс. Самодеятельность масс играет особенно важную роль в социалистической революции, которая является «революцией огромного большинства в интересах этого большинства». Она лежит в основе пролетарской социалистической революции.

Во всех странах в настоящий момент развивается самодеятельность пролетарских масс, рвущих давно истлевшие цепи гражданского мира, наскоро спаянные вначале современной хищнической войны агентами империализма—соглашателями.

Происходит на почве этого развития мобилизация пролетарских сил, сил социалистической революции.

В такую эпоху культурно-просветительная деятельность может успешно развиваться и выполнить свою великую задачу, только будучи основана на началах самодеятельности пролетарских масс.

В такую эпоху она неизбежно сопровождается развитием пролетарской духовной культуры. И коммунистам предстоит занять вполне определенную позицию в вопросе о пролетарской культуре. Правда, русские социалисты, в частности, социал-демократы - реформисты, ныне соглашатели, работающие на пользу контр - революции, еще до войны утверждали *), что духовная культура может быть лишь современно буржуазной, либо будущей социалистической, но ни в коем случае не пролетарской, ибо пролетариат в тяжелой обстановке капиталистического строя не способен создать основ своей духовной культуры. Среди же части коммунистов еще жив взгляд, якобы идея пролетарской культуры по самому своему существу—идея реформистская. Обе враждебные стороны исходят из одной и той же неправильной предпосылки. По мнению и реформистов и прямо противоположных им по своим взглядам наших товарищей, только политическая идеология предшествует в своем развитии социалистической революции, облегчая роды нового общественно-экономического строя. Новая духовная культура,—писали в свое время теоретики реформизма,—может явиться лишь надстройкой на фундаменте новых экономических отношений,—социалистическая культура—на фундаменте социалистического строя.

Идея пролетарской культуры,—говорят

*) См. «Наша Заря», статьи А. Потресова и др.

революционеры, ее противники,—порождение теории медленного, постепенного врастания современного общества в социализм—теории, враждебной идее социалистического переворота.

Пользуясь марксистским диалектическим методом, мы находим совершенно иной ответ на вопрос о пролетарской культуре.

В недрах капиталистического общества развиваются новые производительные силы, развивается крупное машинное производство на всемирный рынок.

Развитие машинного производства с одной стороны вызывает численный рост пролетариата и обобществление его труда, с другой—порождает развитие его классовых интересов, противоположных интересам других классов, его классовой борьбы, его классовых организаций—профессиональных союзов, политической партии.

Вследствие обобществления труда пролетариата в его среде, в процессе его классовой борьбы, развиваются общественные чувства и революционность, составляя основу его классовой психики, и идея социализма, являющаяся обобщением в сознании его чувств и стремлений, неизбежным, естественным следствием его психического развития.

Раз пролетариат составляет класс, обладающий вполне определенными классовыми интересами, классовой психикой и сознанием, то в его среде не могут не развиться элементы его классовай, духовной пролетарской культуры. Они являются следствием овладения пролетарскими массами, культурными завоеваниями предыдущих эпох и претворения таковых в их классовой индивидуальности.

Культура пролетариата: его классовая пролетарская этика—этика международной классовой солидарности, его классовая наука, его классовое искусство.

Пролетарская этика—естественное следствие его психического развития. Пролетарская наука—естественное следствие развития классового сознания пролетариата, организация его опыта. Пролетарское искусство является обобщением в образах его чувств и стремлений.

Отрицать неизбежность развития пролетарской культуры это значит отрицать развитие новых сил в недрах капиталистического строя, со всеми порождаемыми им последствиями.

Развитие ее составляет богатый источник сил, питающих развитие классовой политической борьбы пролетариата за учреждение его диктатуры и осуществление социализма.

Развитие элементов пролетарской культуры особенно неизбежно в России, где пролетариат уже захватил государственную власть и приступил к социалистическому строительству.

И здесь оно обладает особенно важным значением в процессе отстаивания пролетариатом всех его революционных завоеваний и, в частности, его социалистического строительства.

Но необходимо отличать понятия пролетарской и социалистической культуры. Первая развивается в недрах капиталистического строя и в переходную эпоху от капиталистического к социалистическому строю, в процессе классовой борьбы и имеет строго классовый характер. Вторая может развиться лишь в обстановке социалистического строя, строя чуждого разделения на классы, и, естественно, будет отличаться общечеловеческим характером. Она в обстановке социалистического строя будет естественным следствием развития классовой пролетарской культуры.

Творцами ценностей пролетарской культуры могут быть представители интеллигенции, охваченные мощью пролетарского движения, насквозь проникшиеся духом этого движения, либо рабочие—непосредственные представители пролетариата.

II.

Элементы пролетарской культуры—уже налицо и на Западе и отчасти в России. Пролетарская этика—этика международной классовой солидарности—проявляется в массовых выступлениях пролетариата и в деятельности разнородных его классовых организаций.

Пролетарскую науку мы видим в лице марксистского мировоззрения—диалектического метода, приобретающего постепенно право гражданства не только в общественных, но и в естественных науках, иллюстрацией чего является теория мутаций Гуго де-Фриза. Марксизм, как известно, имеет целые кадры представителей и из среды интеллигенции, и непосредственно из среды пролетариата, как в области на-

уки, так и в публицистике, и в практической организационной деятельности

Наконец, медленно, постепенно развиваются и элементы пролетарской изящной литературы, пролетарского театра, пролетарских изобразительных искусств — скульптуры, живописи, архитектуры.

Конечно, воспроизведение в образах чувств пролетариата гораздо более сложное дело, чем организация его опыта. Оно вполне доступно только пролетариям, сохраняющим тесную связь с пролетарскими массами. Но выделение талантов из среды пролетариата несомненно сильно затрудняется условиями его существования. Представителям же интеллигенции в высшей степени трудно проникнуть во внутрь пролетарской души, так как психика интеллигенции резко отличается от классовой пролетарской психики.

Интеллигенция, как это неоднократно выяснялось, обнимает собой те общественные элементы, в профессиональной деятельности которых преобладает мозговое напряжение, которые сознают свою обособленность от сферы физического труда. Крупная роль интеллигенции в буржуазной революции и в развитии капиталистического строя тесными узами связала ее с буржуазией. Из ее среды рекрутируются организаторы производства и руководители государственной жизни. Нынешняя же государственная власть, за исключением России, по правильному выражению К. Маркса, является лишь комитетом для заведывания делами буржуазии. Правда, в среде интеллигенции происходит процесс распадения на буржуазную интеллигенцию и умственный пролетариат. Но последний остается долго под влиянием интеллигентской среды в ее целом. Обобществление его труда, поскольку оно происходит, проявляется в форме, более близкой к домашнему производству, чем к фабрично-заводскому. Вследствие этого, основной особенностью его психики, так же как и психики интеллигенции в ее целом, является крайний индивидуализм.

В некоторых вопросах, как в вопросе о всеобщем образовании, его интересы расходятся с интересами фабрично-заводского пролетариата. Живет интеллигенция, главным образом, на счет промышленной прибыли, ренты, государственного бюджета. Наконец, в то время как физический рабочий продает на рынке лишь свою физическую силу, умственный рабочий в процессе капиталистического развития все более закабаляется духовно; на рынке, где господствует буржуазия, подвергается оценке не только продукт его труда, но и его убеждения и его чувства.

По всем этим причинам даже среди убежденных идеологов пролетариата из среды интеллигенции замечается раздвоение индивидуальности. По своим взглядам интеллигент является социалистом, а по чувствам, часто кроющимся в недрах его подсознательной жизни,—индивидуалистом. И поэтому очень редко попадаются художники, всецело проникшиеся духом пролетарского движения, да и те нередко временно или совершенно отдаляются от пролетарского мира.

И все же, величайший из поэтов новейшей эпохи, Э. Верхарн, в один из периодов своего творчества явился родоначальником пролетарской поэзии, а его драма «Зори» служит богатым вкладом в репертуар развивающегося пролетарского театра.

Великий же бельгийский скульптор и живописец К. Мэнье заложил основы пролетарского искусства. Все его творчество и по духу, и по сюжетам, и по форме является эпопеей рабочего класса. В творчестве многих писателей и художников, как О. Мирбо, скульптора Кордонье, живописцев—Е. Лярмэнса, Стэнлена, Брэнгвина, В. Крэна, сильно отразилось влияние рабочего движения.

Но постепенно выдвигаются художники и непосредственно из среды пролетариата. Таков ряд русских писателей, из которых первое место принадлежит А. Гастеву. Таковы бельгийский скульптор Ван Бисбрюк, французский живописец Макс Люс, наконец, целый кадр живописцев — швейцарских рабочих, выставка произведений которых была организована в 1914 г. в Цюрихе. В лице многочисленных любительских рабочих театральных кружков мы видим зародыши пролетарского театра.

Таким образом, развитие пролетарской духовной культуры — несомненный факт, оно—естественное, неизбежное следствие развития новых производительных сил в недрах капиталистического строя, продукт и вместе с тем один из богатых источников не ослабления, а обострения и углубления классовых противоречий и классовой борьбы пролетариата,—одна из сторон процесса этой борьбы.

Тяжелые жизненные условия пролетариата в обстановке капиталистического строя тормозят ее дальнейшее развитие. Но чем успешнее оно будет происходить, тем энергичнее, интенсивнее будет развиваться его классовая борьба в ее целом, тем скорее наступит момент завоевания им политической власти, тем успешнее будет происходить процесс социалистического строительства.

И задачей коммунистов является не отрицание этого вполне очевидного факта, а содействие, в процессе их культурно-просветительной деятельности, развитию пролетарской культуры.

Задача эта особенно важна и актуальна в России.

Чем успешнее будет происходить в последней развитие элементов пролетарской культуры, тем больше будет самодеятельность широких масс русского пролетариата, тем прочнее будет его гегемония в среде трудящихся масс, тем успешнее будет развиваться дело социалистического строительства, тем больше будет сила сопротивления пролетариата в борьбе с контр-революцией, тем быстрее будет развиваться его боевая способность, тем сильнее, тем шире будет воздействие революционной России на пролетарские массы всех стран.

К. Залевский.

Что такое империализм?

Империализм в его современном понимании представляет собой политику новейшего капитализма, эпохи финансового капитала. Финансовый капитал—вот та почва, на которой вырастают все цветы и ягоды политики господствующих классов в последние десятилетия. Понять сущность империализма можно поэтому, только изучив его экономический фундамент, только ознакомившись с строением буржуазного общества в его новейшей формации.

Старый, отживший уже капитализм представлял собой царство свободной конкуренции. Движимый безудержным стремлением к наживе, предприниматель улучшением техники, расширением предприятия и бесчеловечной эксплуатации рабочих, стремился понижать издержки производства, путем уменьшения цен захватывать все возрастающую массу покупателей и побивать таким образом своих конкурентов. Прибыль отдельных капиталистов могла при этом упасть ниже среднего уровня, типичного для данной страны. Подобное падение прибыли данного предприятия влекло за собой передвижение вложенного в него капитала в другую отрасль, более доходную. Но это было возможно при **низком** органическом строении капитала, когда подавляющая масса средств, вложенных в то или другое дело, состояла по-преимуществу из сумм, которые шли на заработную плату рабочим, когда, следовательно, капитал, замурованный в стены, затраченный на машины и на сырье, составлял лишь незначительную долю всего капитала предприятия. При таких условиях капиталисту нетрудно было ликвидировать свои старые предприятия: распустив рабочих, он сразу же мог из'ять подавляющую часть своего капитала и употребить ее, например, в другой отрасли промышленности.

Подобные передвижения («миграции») капитала становятся, однако, все более затруднительными по мере развития капитализма. Дело в том, что развитие капитализма идет рядом с развитием техники, которое обусловливает рост органического состава капитала. Все большая часть вкладываемых в предприятие средств, затрачивается на постоянный капитал (на средства производства) и все меньшая часть—на переменный капитал (на заработную плату). Если при низком состоянии техники на заработную плату шло 800 р. из каждой затраченной тысячи, то теперь из той же тысячи идет на заработную плату 200 рублей, а, быть может, и того еще меньше. Обширные мастерские «с толпами рабочих, теснящихся около многочисленных мелких машин», превращаются в «современную фабрику, где за исполинскими телами автоматов, кажется, все более исчезают крошечные люди, которые виднеются только в немногих местах» [1]).

Благодаря этому, вложенный капитал не всегда может быть извлечен и перенесен в другую сферу его приложения. Капитали-

[1]) Особенно важно то обстоятельство, что рост постоянного капитала сопровождается увеличением части его, вложенной в машины и в здания и составляющей, так называемый основной капитал. Чрезвычайно показательны в этом отношении данные американской статистики. Так, например, с 1880 г. по 1905 год основной капитал в производстве продуктов непосредственного потребления увеличился на 224 проц. (больше, чем в 3 раза), а заработная плата только на 115 проц. (в 2 с лишним раза); в производстве средств производства основной капитал увеличился за тот же период на 315 проц., а заработная плата—всего лишь на 192 проц. (цитировано по книге П. Маслова: «Теория развития народного хозяйства». СПБ. 1910 г., стр. 262 — 263). Другой пример тоже из американской жизни приводит основоположник учения о новейшем капитализме Р. Гильфердинг (см. «Финансовый капитал». Петр. 1918 г., стр. 265). Оказывается, что в Америке на тонну (60 пудов) фабриката в рельсопрокатном производстве в 1880 г. приходилось заработной платы 15 центов (3 коп.), а в 1900 г.—1 цент.: при вытягивании проволоки в 1880 году на тонну затрачивалось 212 центов заработной платы, в 1901 году — 12 центов и т. д.

стические предприятия (в особенности, предприятия, так называемой тяжелой промышленности) могут с развитием конкуренции надолго оставаться в таком положении, что процент прибыли упадет непомерно низко. Капиталисты ищут выхода из подобного положения и находят его в создании **частно-капиталистических** монополий. Эти монополии представляют собой отрасли промышленности (синдикаты) или даже полное их слияние в единое гигантское предприятие (тресты).

Назначив определенные цены, синдикат или трест выступают в качестве полных и безраздельных хозяев над рынком, которому они властно диктуют свои условия: они подобны в этом отношении царской «монопольке», сосредоточившей в своих руках «казенную продажу питей». Правда, синдикату не всегда удается завладеть сразу целой отраслью промышленности, но ему достаточно об'единить 30-40% производства чтобы справиться с так называемыми «дикими», т.-е. предпринимателями, почему-либо не пожелавшими вступить в состав его членов. Такие непокорные конкуренты не страшны синдикату: он об'являет на время искусственно пониженные «боевые цены», убивает этим своих врагов или же заставляет их войти в общую стачку. Достигнув монопольного положения, синдикаты приступают к непрерывному взвинчиванию цен. В этом деле они знают только одно препятствие, а именно, сокращение количества продаваемого продукта или даже уменьшение числа покупателей, которые под влиянием дороговизны начинают целиком или частично отказываться от продуктов, производимых данным синдикатом [2]). Такое явление может привести, наконец, к уменьшению прибыли и остановить синдикат от дальнейшего повышения цен.

Уничтожение свободной конкуренции дает, таким образом, синдикату (или тресту) возможность продавать свои товары значительно выше тех пределов, вокруг которых колеблются товарные цены при наличности неограниченной конкуренции, столь типичной для капитализма, исследованного Марксом. Цены производства, т.-е. издержки производства, плюс средняя прибыль, перестают быть фактором, определяющим рыночные цены товаров: на потребителя налагается **косвенный налог,** который в целом ряде случаев является вычетом из заработной платы рабочего-потребителя [3]).

Барыши синдикатов и трестов увеличиваются еще тем, что они устраняют посредника-купца и присваивают себе всю торговую прибыль. Но и в том случае, когда они пользуются помощью купца, доля, которая достается последнему, ограничивается весьма значительно. Так, у нас, в России, до организации «Общества для продажи изделий русских металлургических заводов» (синдиката «Продамета») агенты отдельных заводов за свои услуги по посредничеству получали по 5—6 коп. с пуда, тогда как торговые расходы заводчиков, вместе с потерями от банкротств, составляли после организации «Продамета» всего-навсего $1\frac{1}{2}$—2 к. с пуда [4]). **Все это способствует огромному накоплению прибылей в руках тех финансовых групп, которые, как мы увидим ниже, стоят во главе об'единенной промышленности.**

Не вникая сейчас в экономические и политические последствия этого факта, мы хотим лишь пока отметить, что монопольное положение на рынке дает синдикатам и трестам громадные преимущества над единичными, необ'единенными предприятиями. Этим и об'ясняется гигантский рост синдикатского движения последних десятилетий.

Наиболее внушительных размеров этот процесс достиг в Северо-Америк. Соединенных Штатах. Размеры статьи не позволяют нам приводить примеры из той массы

---

[2]) Здесь могут иметь место те же явления, которые наблюдаются в истории косвенного обложения. Чрезмерное увеличение акциза заставляет нередко потребителя ограничивать свои потребности, сокращать производство об ложенного товара до таких пределов, что повышенная ставка принесет правительству уменьшенную сумму поступлений.

[3]) Понимая под заработной платой ту часть общественного продукта, которая идет на воспроизводство рабочей силы, некоторые экономисты, напр., Н. И. Бухарин, считают нелогичной самую постановку вопроса об эксплуатации рабочего, как такового и как потребителя. Если это даже так, то картельные цены (т.-е. цены, назначенные синдикатами), во всяком случае, увеличивают эксплуатацию рабочего. Они уменьшают реальную заработную плату так же, как и расплата товарами, как обязательная покупка продуктов в фабричных лавках и т. п.; процесс уменьшения реальной заработной платы при наличности картельных цен принимает, однако, гораздо более широкий масштаб, чем при расплате товарами.

[4]) Л. Б. Кафенгауз. Синдикаты в русской железоделательной промышленности. Москва, 1910 г., стр. 161

частно-капиталистических монополий, которая уже два десятка лет тому назад овладела американской промышленностью, но мы отнюдь не впадем в преувеличение, если скажем, что Соединенные Штаты рисуются наблюдателю страной, покрытой несколькими десятками крупнейших заводов, с их филиальными отделениями: нефть здесь доставляет одна монополия, спирт—другая, сталь—третья, ткани—четвертая и т. д., и т. д. [5])

В Германии, накануне войны, насчитывалось около 400 предпринимательских об'единений, из которых особенно выделялся Рейнско-Вестфальский угольный синдикат. Этот синдикат в 1912 году выбросил 5.640 миллионов пудов угля—93 проц. всего русского и 54 проц. всего германского производства. Крупнейшую роль играет и эссенский чугунный синдикат, который в последний довоенный год дал свыше 200 миллионов пудов чугуна, то-есть ¾ производства всей российской промышленности.

Для Англии процесс синдицирования менее типичен, чем для Соедин. Штатов и для Германии, но и здесь можно назвать целый ряд крупнейших трестов. Таковы, например, тресты портландского цемента, обойный, кабельный, соляной, красильный, ситцепечатный, табачный и друг. Они захватили в свои руки от 90 до 98 проц. (!) всего производства соответственных отраслей промышленности.

Россия в капиталистическом отношении страна молодая, но и в ней синдицирование достигло в свое время весьма значительных размеров. Наиболее видное место среди русских синдикатов занимал «Продамет». В 1912 году этот синдикат об'единял производство и контролировал продажу 83 проц. всего сортового железа, изготовляемого в стране, 81 проц. листового железа и т. п.[6]). Рядом с «Продаметом» стояли: «Продуголь», «Медь», «Платина» и ряд других синдикатов.

Создание капиталистических монополий не ограничивалось, однако, об'единением предприятий одной и той же отрасли промышленности; оно шло, как говорится, не только в горизонтальном, но и в вертикальном направлениях: об'единялись не только однородные предприятия, но и родственные. Железоделательные заводы вступали в теснейший союз с вагоностроительными и с паровозостроительными заводами, с каменноугольными копями и даже с пароходными компаниями. Прядильные фабрики об'единялись, с одной стороны, с предприятиями ткацкими и, с другой стороны, с хлопковыми плантациями. Возникали гигантские комбинированные предприятия с десятками тысяч рабочих, с собственными рабочими поселками, с собственными железнодорожными ветками и с собственными гаванями.

Эти тенденции вели капитализм передовых стран к созданию «национально-государственных трестов» [7]), т.-е. к об'единению всей промышленности страны в одно могучее предприятие, охватывающее железным кольцом всю хозяйственную жизнь соответствующего государства. Власть над монополиями, шедшими и продолжающими идти по этому пути, находилась и находится в руках так называемых финансовых групп, могущественных банков, возглавляющих «национально-государственные тресты».

Для новейшего капитализма вообще характерна своеобразная роль банков, которые, как видно будет из дальнейшего, необыкновенно сильно ускоряют намеченные выше тенденции. Но для того, чтобы осветить эту роль банков, необходимо сделать небольшое отступление и познакомиться с сущностью тех элементарных ячеек современного капитализма, которые называются акционерными обществами.

Постройка крупнейших заводов, пароходов, железных дорог, копей и других грандиозных предприятий нашего времени не под силу отдельным предприятиям. Достаточно указать, например, что оборудование башмачной фабрики, расчитанной на 180—200 человек, обходится в Германии в ¼ миллиона рублей, что организация комбинированного чугуно-литейного завода требует в той же стране не менее двадцати миллионов,—чтобы понять, что учредителями таких крупнейших предприятий могут быть лишь груп-

[5]) Интересующиеся американскими трестами могут прочитать несколько устаревшую, но прекрасную брошюру П. Лафарта: «Американские тресты». СПБ. 1906 г., изд. 2-ое (Поповой).

[6]) Желающим ознакомиться с синдикатским движением в России можно рекомендовать содержательный и популярный очерк Г. Цыперовича. «Синдикаты и тресты в России». Петр. 1918 г., изд. «Социалист».

[7]) Это выражение принадлежит тов. Бухарину. См. его в высшей степени содержательную работу: «Мировое хозяйство и империализм». СПБ. 1918 г., изд. «Прибой».

пы капиталистов, или же банки, которые. подобно насосу, собирают все наличные средства страны и затем употребляют их на различные операции, в частности, на организацию промышленных предприятий.

Учреждение банком или финансовой группой акционерного предприятия дает им полную власть над этим предприятием, но этого мало: бывают случаи, когда они, оставаясь хозяевами «своего» детища, через год-два выручают с избытком всю затраченную на него сумму. Поясним это на примере. Положим, что «учредители» организовали завод и вложили в него миллион рублей, который они распределили на 10 тысяч акций, стоимостью в 100 рублей каждая. Положим далее, что этот завод стал через год давать 200 тысяч рублей прибыли, т.-е. по 20 рублей на 100-рублевую акцию. Продаст ли учредитель свою акцию за 100 рублей? Безусловно, нет. Ибо сто рублей, внесенные в банк или отданные в рост, принесут лишь, допустим, 5 рублей. Держатель акции в таком случае потребует за нее 400 рублей, как раз столько, сколько нужно внести в банк, чтобы получить 20 рублей доходу [8]). Если бы учредители захотели продать все свои акции, то они при указанных условиях выручили бы, вместо затраченного миллиона, четыре миллиона рублей: они выручили бы весь затраченный капитал и вдобавок еще три миллиона барыша, который носит название **учредительской прибыли.** Сбыв еще треть акций, они возвращают себе ассигнованную сумму и оставляют за собой полное распоряжение предприятием.

Некоторые экономисты полагают, что акционерная форма предприятий приводит к «демократизации капитализма». Они рассуждают следующим образом: акцию, стоимостью в 200—300 руб., может купить и человек небогатый, даже рабочий, а если это так, то он может стать и участником капиталистического предприятия, хотя бы того самого завода, на котором он работает. Но это, конечно, вздор. Во-первых, держатель акции превращается в обыкновенного **ссудного** капиталиста: он получает, как мы видели, лишь средний рыночный процент — предпринимательская прибыль, т. е. сливки предприятия—раз навсегда поступает в карманы учредителей. Во-вторых отдельная акция не дает ее держателю никакой возможности принимать хотя бы косвенное участие в управлении предприятием. Дело в том, что управление акционерного общества выбирается собранием акционеров, обладающих не одной, двумя акциями, а целыми пачками. Мелкие акционеры обычно на собрания и не являются, не только потому, что они своими единичными голосами не могут оказать никакого влияния на судьбу предприятия, но и потому, что отдельные акции бывают разбросаны по всей стране и даже по всему миру: не приезжать же, в самом деле, за тысячи верст, чтобы подать своих один-два голоса. Господство над акционерными предприятиями находится поэтому в руках немногочисленных крупных держателей акций или банков, которые выбирают директорами акционерного общества своих поверенных [9]).

В руки банков попадают не только созданные ими акционерные предприятия, но и предприятия, учрежденные отдельными группами капиталистов. Промышленная история последнего времени характеризуется завоеванием фабрик и заводов банковым капиталом. Банки собирают в свои портфели $1/4$ или $1/3$ всех акций намеченного ими предприятия, и это оказывается достаточно, чтобы получить при выборахъ правления большинство голосовъ, и чтобы выбрать своихъ директоров.

Практика новейшего капитализма знает и целый ряд других способов подчинения торгово-промышленных предприятий банковому капиталу; таковы, например, система дочерних акционерных обществ,—«оздоровление» предприятий и проч.

Так устанавливается господство **финансового капитала, который представляет собой сращение банкового капитала с капиталом промышленным.** Господство финансового капитала не надо, однако, понимать в том смысле, что промышленники становятся рабами банков. Это было бы неверно.

[8]) На самом деле этот вопрос значительно сложнее, но мы для ясности сознательно упрощаем его. Популярное изложение этого вопроса можно найти в книге Ю. Каменева: «Экономическая система империализма». Петр. 1916 г. Есть и новое издание, дополненное другими статьями того же автора.

[9]) Чтобы дать представление о роли акционерных обществ в современной промышленности достаточно привести следующие примеры: в начале XX века 60 проц. всех фабрикатов, поступавших на северо-американский рынок исходили из акционерных обществ: в то же самое время $5/6$ двигательной силы всех германских заводов и фабрик находились в руках акционерных компаний.

При развитии новейшего капитализма происходит процесс, глубоко отличный, например, от процесса завоевания ремесленника или кустаря купцом-ростовщиком. «Сращение» же банковского капитала с промышленным есть явление, если можно так выразиться, двустороннее: заправилы промышленности входят в правления банков, а представители банков входят в руководящие органы акционерных обществ, синдикатов и трестов [10]).

Раз создается такая заинтересованность банков в промышленности, то вполне естественно, что падение прибыли или же, наоборот, ее повышение отражается прежде всего на самых крупных акционерах. Отсюда естественное стремление со стороны банков к об'единению промышленности в синдикаты и тресты. Крупные банки являются поэтому самыми ярыми поборниками синдицирования и трестирования. В этом деле банки всегда выступают заправилами. Так, например, создание «Продамета» было делом об'единенных усилий четырех банковых групп (русской, французской, немецкой и бельгийской); организация русского табачного треста, захватившего при своем возникновении (в 1912 году) 70% всего производства и слившего такие крупные предприятия, как т-во Дукат, т-во Лаферм и т-во А. Н. Богданова, была проведена Русско-Азиатским и Торгово-Промышленным Сибирским банками.

Вместе с об'единением промышленности идет и централизация банков. В Германии этот процесс накануне войны привел к господству над всей промышленной жизнью страны 8 крупнейших банков. В Соед. Штатах главенствуют всего лишь два банка. Число английских банков в одно десятилетие (1903-1912) уменьшилось больше, чем на половину (с 159 до 73). Уменьшение это шло за счет их постепенного слияния, что, однако, не помешало увеличению их операций свыше, чем на 60%.

Наподобие тому, как об'единение промышленности ведет к созданию единого треста, слияние банков ведет к единому банку. «С развитием банкового дела,—говорит Гильфердинг,—с возрастающей глубиной связей между банками и промышленностью усиливается тенденция, с одной стороны, к устранению конкуренции между банками, с другой—к концентрации всего капитала в форме денежного капитала, и к тому, что производительные капиталисты получают его в свое распоряжение лишь при посредстве банков. В своем последовательном развитии эта тенденция привела бы к тому, что **один банк или одна группа банков стала бы располагать всей совокупностью денежного капитала.** Такой «**центральный банк**» осуществлял бы контроль над всем производством»

Таково направление развития финансового капитала. Он стремится, как мы видели, к созданию «национально-государственных трестов»; но дело нередко идет еще дальше этого. Мы имеем в виду международные синдикаты и тресты,—создание единой капиталистической организации, господствующей над всем миром. Но это последнее устремление капитализма неминуемо наталкивается на такие противоречия между «национально-государственными синдикатами», которые ведут к военным катастрофам. На этих противоречиях мы и должны остановить свое внимание.

«Национально-государственные тресты» стремятся к непрерывному повышению таможенных пошлин. Но зачем им это нужно? Нуждаются ли такие страны, как, например, Германия и Соед. Штаты, в защите своей промышленности от иностранной конкуренции? Нет никакого сомнения, что на этот вопрос нужно ответить отрицательно.

Правда, было время, когда промышленность этих стран не могла, благодаря превосходству английской техники, конкурировать с английскими товарами. В эту пору была выдвинута идея **воспитательных** пошлин,—воспитательных в том смысле, что они должны были способствовать развитию «отечественной» промышленности и опекать ее до тех пор, пока цены производства внутри страны не сравняются с ценами производства в более развитых промышленных странах. С этого момента пошлины, по мысли основоположника учения о так называемом воспитательном протекционизме, должны были быть совершенно уничтожены. Но этого, однако, не случилось. И если со-

[10]) Для того, чтобы дать представление об этом процессе достаточно указать на следующие примеры. Уже в 1903 году 7 наиболее крупных немецких банков обладали 751 местом в наблюдательных советах промышленных акционерных обществ, и, наоборот, в наблюдательных советах этих банков состоял 51 промышленник (последняя цифра относится к 1910 году). В Америке 89 лиц занимали в 1908 году 2.000 директорских мест и т. д. (См. Н. Бухарин, указ. работа, стр. 42).

временные передовые страны неуклонно ведут политику повышения таможенных ставок, если Соед. Штаты доводят ставки на некоторые товары до 150 проц. их стоимости, если Франция в один прием повышает ввозные пошлины на 25 проц., то это, конечно, не потому, что им угрожает конкуренция других стран. Соответствующие страны этим преследуют не цели обороны, а наступления.

Пошлины новейшего времени, или, как их называют, картельные пошлины, имеют своей непосредственной задачей взвинчивание цен внутри страны, эксплоатацию внутреннего потребителя, с тем, чтобы развязать себе руки на иностранном рынке и сбывать туда товары, нередко ниже издержек производства. Чем больше этот внутренний рынок, тем крупнее синдикатские прибыли внутри страны, тем легче и завоевание рынков тех стран, вокруг которых борются «мирным» путем национальные капиталисты передовых стран. Отсюда—стремление расширить таможенные перегородки внутреннего рынка, отсюда стремление к увеличению территорий, тех вотчин, где безраздельно царствуют «национально-государственные тресты». Это одно из проявлений империализма, одна из предпосылок современных империалистических войн.

Далее: развитие сельского хозяйства, как общее правило, не поспевает за развитием промышленности. Это вызывает в последние десятилетия непрерывный рост цен на всякого рода сырье и создает, вместе с тем, стремление передовых «национально-государственных синдикатов» к тому, чтобы обеспечить себя рынками сырья. Рынками же сырья являются отсталые страны, на которые мировые хищники и направляют свои стрелы. Англии, например, нужен хлопок: она ищет себе соответствующее «хозяйственное» дополнение и находит его в Египте; Германии нужен хлеб, и она распространяет свои щупальцы на Украину. И совершенно прав Н. И. Бухарин, когда он в своей блестящей работе рассматривает подобного рода анексии, как частный случай вертикальной централизации производства, как дальнейший шаг в развитии комбинированных национально-государственных трестов, возглавляемых банковыми акулами [11].

Подобную же роль играют и рынки сбыта. Производительные силы капитализма растут непрерывно, количество товаров, выбрасываемых современными капиталистическими гигантами, увеличивается все больше и больше, но товары эти не находят сбыта, потому что покупательная сила широких народных масс ограничивается всей политикой финансового капитализма. Какой же отсюда выход? Ответ один: рынки слабо развитых промышленных стран—страны «дикие» и «полудикие», юго-восточная Африка и бельгийское Конго, Турция и Персия, Австралия и Канада. Но все «национально-государственные синдикаты» обладают более или менее одинаковыми аппетитами. Отсюда —новые источники для столкновений, для разрешения конфликтов в области «мирной» конкуренции силою оружия

Не менее важные предпосылки империалистических войн вытекают из так называемого экспорта капитала. Мы указывали выше на целый ряд фактов, которые служат источниками обогащения магнатов финансового капитала. Это, с одной стороны, колоссальные учредительские барыши, с другой стороны, картельные цены, присвоение торговой прибыли, обогащение дополнительными барышами за счет таможенных перегородок, которые дают «национально-государственному» тресту полную возможность поднимать цену на всю величину ввозной пошлины, и т. д. Все эти факторы способствуют накоплению огромных капиталов, которые внутри страны обречены на бездействие. Дело в том, что новейший капитализм держит в напряжении рынок: он стремится к тому, чтоб расширение производства (упаси, Господи!) не повлекло за собой увеличение предложения товаров и неизбежное при этом падение цен и прибыли. Расширение же производства за счет внешнего рынка тоже находит определенные границы, потому что эти рынки «защищены» нередко китайской стеной таможенных перегородок. Это толкает избыточные капиталы в отсталые страны, где они сразу же насаждают грандиознейшие предприятия нашего времени. Достаточно указать, что передовые страны имели накануне войны вне своих «отечеств» десятки миллиардов рублей, чтобы

[11]) Основная научная заслуга книги тов. Бухарина, по нашему мнению, заключается именно в том, что он рассматривает политику государства, этого исполнительного комитета господствующих классов, как **средство простого и расширенного воспроизводства данных производственных отношений**. Стремясь к популярности, мы, к сожалению, не имеем возможности следовать этому единственно научному методу освещения рассматриваемых явлений

знать, каких крупных размеров достиг экспорт капиталов в новейшее время. Вывозимые капиталы вкладываются в недра земли, в копи и рудники, в железнодорожные насыпи, в каналы, в колоссальные оросительные сооружения и т. д. Все эти предприятия расчитываются на барыши, которые, во всяком случае, не меньше прибылей, реализуемых внутри страны, в территориях «национально-государственных трестов». Но если это так, то каждый «национальный» капитализм стремится к подобным пунктам, каждый добивается «концессий»—права устройства железной дороги и эксплуатация полосы отчуждения, права разработки руды и т. д., и т. д. Это, естественно, рождает столкновения, которые в определенный момент выливаются в аргументацию силою оружия. Завоевание же самих эксплуатируемых стран идет «мирным» путем: оно выражается либо в постепенном подчинении их государственной власти воле «национально-государственного треста» эксплоататоров, как это имеет место в Турции, попавшей в полную зависимость от Германии, либо в порабощение местных «дикарей», в отбирании у них земель, как это наблюдается, например, в Бельгийском Конго...

Но само развитие новейшего капитализма готовит ему собственную гибель. Класс капиталистов из промышленных предпринимателей, принимавших раньше участие в процессе производства, становится акционерами, классом **«лиц, живущих стрижкою купонов, лиц, совершенно отделенных от участия в каком бы то ни было предприятии, лиц, профессией которых является праздность»** [12]). Начинают сказываться явные признаки загнивания класса капиталистов, который превращается в паразитов, подобных феодалам-крепостникам времен их упадка.

Но этого мало. Капитализму начинает угрожать не только собственное загнивание, но в гораздо большей степени рост того могильщика, который расправляет уже свои могучие плечи. Мы говорим, конечно, о пролетариате. Он выносит на своей шее и ярмо налогов, идущих на вооружение, и высокие цены, и беспримерную эксплуатацию, и всю тяжесть империалистических войн. Все шире и шире разверзается глубочайшая пропасть, лежащая между трудом и капиталом. «Жирные крохи со стола» буржуазии оказываются уже не в силах привлекать рабочих, соблазнившихся интересами минуты и надеждами на получение медвежьего ушка делимой добычи. Срываются всякие вуали, маскирующие истинную физиономию империализма, и перед пролетариатом встает вопрос о последней схватке с капиталом.

Так, «в мощном столкновении враждебных интересов, диктатура магнатов капитала превращается, наконец, в диктатуру пролетариата». «Бьет последний час капиталистической частной собственности. Экспроприаторы экспроприируются...».

Ш. Дволайцкий.

---

[12]) Вл. Ильин: «Империализм, как новейший этап капитализма». Петр. 1917 г. 97.

Империализм и Восток.

1. ДВА ИЗДАНИЯ МИРОВОГО ИМПЕРИАЛИЗМА.

Существуют как бы два издания мирового империализма во всем различествующие одного от другого. Первое издание, отпечатанное на «роскошной бумаге» и снабженное художественно исполненными заставками и виньетками, предназначается исключительно для просвещенного европейского читателя.

Издание второе, отпечатанное кое-как, на серой плохонькой бумаге рассчитано на невзыскательного читателя мира империалистических колоний, главным образом— Востока. Империализм первого порядка любит изливаться в сентиментальных фразах о «праве каждой нации на самоопределение», о «самостоятельности маленьких государств»—империализм второго рода сухо сообщает нам о беспредельном господстве 700.000 французов над 5 миллионами арабов в Алжире и около полутораста тысяч англичан над 315 миллионами индусов в Индии.

Империализм мировой чрезвычайно охотно распространяется на тему о создании «лиги народов», которая сделала бы невозможными впредь какие-либо насилия и захваты в международном масштабе; империализм восточный коммерчески деловито, под покровом дипломатической тайны составляет в то же время подробный план раздела Турецкой Империи между пятью союзными державами, а также принимает все меры к пресловутому размежеванию «интересов» великих держав в Китае.

Империализм колониальный является, таким образом, как бы деловой изнанкой империализма европейского, окрашенного во все оттенки права, гуманности и цивилизации. Он не говорит, подобно второму, о праве и свободе наций, а цинично заявляет, что Турция это—«больной человек», которого надо прикончить, что Китай—представляет из себя «желтую опасность», которую надо предотвратить энергичными хирургическими мерами, наконец, что Индия и Персия это страны анархии и культурного разложения», а посему они нуждаются в спасительной опеке европейцев. Ежели в капиталистической Европе основой деления общества на избранное меньшинство, и на обделенное большинство является **кость**—«белая» — господская и «черная»—рабочая, то на Востоке такой основой является **цвет** человеческой кожи, причем все народы «цветные» обрекаются на безусловное рабство ничтожной кучке «белых людей».

Мировой империализм, как мы видим, на Востоке чувствует себя гораздо свободнее, «привольнее», нежели в Европе, он не должен здесь ходить в узких и неудобных конституционных и гуманитарных обличиях, а устраивается, если можно так выразиться, нараспашку, запросто и без лишних, стеснительных церемоний.

Эта интимность проявлений мирового империализма на Востоке, позволяющая совершенно точно установить его истинную, подлинную природу и заставляет нас ближе присмотреться к нему в окружающей его причудливой обстановке Востока.

2. ЕВРОПЕЙСКОЕ КУЛЬТУРТРЕГЕРСТВО.

Правда, производя свои безпримерные захваты и насилия над народами Востока, империалисты прикрываются при этом целой идеологией, превращающей их из международных хищников чуть ли не в рыцарей-героев всего человечества.

По их словам, они направляются на Восток не в качестве купцов-завоевателей, а как «культуртрегеры» (буквально: носители культуры), преследующие единую миссию приобщения отсталого, в экономически-культурном отношении, Востока к цивилизованному европейскому миру.

Исходя из этих утверждений, мировой империализм не прочь полицемерить и надеть на себя личину безкорыстия и пол-

нейшего уважения к культурным ценностям народов, которые являются предметом его вожделений.

Так, как известно, Япония начала войну с Россией в целях «защиты Китая» от хищнических поползновений первой на Манчжурию; но лишь только она одержала победу, как началась безудержная эксплоатация и даже колонизация Манчжурии японцами, которые, как оказалось, «унаследовали» от России всякого рода железнодорожные и экономические привилегии [1]). В настоящее время Соединенные Штаты заявляют, что они совершенно «безкорыстно» будут защищать интересы Китая и стоять на Пекине на страже принципа, так называемых **открытых дверей**—решительно для всех наций. Однако, цена этого безкорыстия достаточно выясняется из, хотя бы, только что переданного телеграфного извещения о том, что Соединенные Штаты согласились финансировать Китай, но «при непременном условии, чтобы Китай аннулировал все свои прежние займы» [2]).

Наконец, даже в безпримерном по откровенности и цинизму февральском соглашении Англии, Франции и России по поводу раздела между ними Турции, все же содержится стыдливое указание на необходимость обезпечения религиозных интересов ограбленных турок, с каковою целью их священные места должны и впредь остаться под «независимым мусульманским владычеством» [3]).

Какова же цена империалистического культуртрегерства, драпирующегося в столь благородные и красивые заявления и манифесты?

Ответить на этот вопрос на основании исследования всей политико-хозяйственной жизни огромных монархий Востока, конечно, было бы чрезвычайно трудно, а для настоящего времени, прямо-таки, и невозможно. Однако, сквозь чащу безгранично разнообразных фактов и явлений государственно-экономической жизни государств Востока, эксплоатируемых европейцами,—одна тенденция постоянно дает себя чувствовать, являясь как бы общим фоном для всей «культуртрегерской» деятельности империализма.

Тенденция эта сводится к всемерному поддержанию государств Востока на возможно низком культурном уровне, к ревнивому сохранению того отсталого хозяйственного и общественного состояния, в котором они находятся уже в течение многих столетий.

Наиболее яркой иллюстрацией подобного положения вещей является хозяйничанье англичан в Индии. Несмотря на то, что англичане владеют фактически последней более полутораста лет [4]), в ней нет до сих пор ни одной корабельной верфи, ни одного технологического или горного института [5]): банковское дело находится в зачаточном состоянии так же, как и туземная мануфактурная промышленность; грамотность стоит на необычайно низкой ступени развития; в 1899 году в начальных школах Индии всего обучалось 3.500,000 учеников, т.-е. не многим больше 1 проц. всего населения.

Политический строй Индии представляет из себя нечто еще более уродливое, нежели государственный строй до-революционной России.

Всего лишь в прошлом году была выработана и принята национальным конгрессом индусов программа реформ, которая содержит в себе такие азбучные требования, как: «полное городское и земское самоуправление» (§ 7), допущение коренных жителей, хотя бы в половинном количестве, в законодательные и исполнительные центральные и провинциальные органы (§ 1, 2), предоставление законодательному совету при вице-короле права вводить пошлины и налоги (§ 9) и т. д., и т. д. [6]).

Правда, в лице последнего учреждения, Индия имеет призрак чего-то, в роде парламента, но перед ним даже наша Булыгинская дума является каким-то идеалом представительного строя. Большинство членов Совета (36 из 68) не избираются, а назначаются наместником короля из рядов местного английского чиновничества и, таким образом, за всякой мерой, вносимой правительством, заранее обезпечено большинство:

---

[1]) Lancelot J. W. Lawter. «The Powers in the East». (Fortnightly Review may. 1911).

[2]) См. «Известия В. Ц. И. К.» от 1 июля 1918 г.

[3]) Сборник секретн. дипломатическ. документов. Соглашения, телеграммы и справки по вопросу о «Константинополе и проливах»

[4]) Планомерное завоевание Индии началось в 1757 г. победами полк. Клайва и Уоррена Гастингса.

[5]) См. «Записки» Роджаят Рая (1915 г.) об Индии.

[6]) См. статью «Реформа Индии» в «Русск. Ведомостях» от 18 ноября 1917 г. (№ 4).

туземные же представители присутствуют лишь для «поправок» [7]).

Интересно, что совсем на-днях телеграф принес нам ответ Великобританского правительства на этот более, чем скромный проект реформ.

20-го июля Палата Общин приняла проект реформ в Индии, намечающий: «**постепенное** привлечение индусов в административные учреждения, **подготовительные** мероприятия к введению в Индии принципа ответственности правительства и **возможно более** широкое развитие местного самоуправления».

Проект этот одинаково интересен, и как показатель той «постепеновщины», которая характеризует всю «прогрессивную» политику англичан в Индии, и как косвенное показательство роста национального революционного движения в Индии, вырвавшего у Парламента эти полу-реформы.

Политика англичан в Индии, однако, не является чем-то исключительным в практике международного империализма. Французские культуртрегеры в своих колониях ухитрились создать режим, перед которым бледнеют даже английские порядки в Индии. Достаточно сказать, что в Алжире туземцы или совсем отстранены от участия в коммунальных советах, или же присутствуют там, но без права участия в выборах членов муниципалитетов. Туземцы же, заседающие в законодательном собрании всей колонии—в 90 проц. являются французскими чиновниками и в качестве таковых, конечно, совершенно лишены свободы голосования [8]).

Затрагивать вопрос о культурной миссии рухнувшей русской империи на Азиатском континенте, конечно, можно лишь в шутку. Система парализования всех живых народных сил и приведения живой государственной ткани в омертвелое состояние, столь характерное для всей политики ея, безразлично, внутренней или внешней, быть может, нигде не проявилась так ярко, как в ее отношениях к Турции.

Вся деятельность России заключалась в систематических препятствиях, которые чинились политико-экономическому прогрессу Оттоманской Империи. Русское правительство доходило здесь до неподражаемых уловок: так, получив в 1899 году от Турции исключительное право на постройку железных дорог на севере и северо-востоке Анатолии, «Россия с той поры не только не построила с помощью русских или иностранных капиталов, ни одного километра железных дорог в Турции, но, наоборот, воспользовалась этой концессией лишь для того, чтобы не позволить союзной Франции, или дружественной Англии приступить к какимлибо железнодорожным постройкам в этих областях...» [9]).

Больше всего любят указывать на свое культуртрегерство сами изобретатели этого слова,—немцы.

Однако, что касается до культурной миссии, осуществляемой германским империализмом в самостоятельных или полусамостоятельных странах Востока, а отчасти и Дальнего Запада (так, например: в Турции, Китае, Аргентине, Боливии), то она вся исчерпывается присылкой военных инструкторов и крупповских пушек и снарядов.

Мы видим, таким образом, что культурная деятельность, которою так эффектно драпируется мировой империализм, в переводе на язык фактов оказывается: установлением рабства политического (Индия, Алжир), искуственным приведением страны в состояние экономического паралича (Турция, Персия), или же, наконец, внедрением культуры стали и крови, т.-е империализма (Турция, Китай).

3. РЕЛИГИОЗНАЯ ЭКСПЛУАТАЦИЯ.

Мы уже имели случай убедиться, что империализм не прочь, при случае, порисоваться своим глубоким уважением, своим предупредительным отношением к религиозным ценностям, которые играют такую огромную роль в жизни Востока, особенно мусульманского.

Когда началась война, Россия, Франция и Англия, немедленно об'являют о неприкосновенности священных мест Ислама; типичный представитель русского империализма, бывший великий князь Николай Николаевич, прибыв в Тифлис, первым долгом выстаивает богослужение в христианских церквах всех исповеданий, а также в шиитской и суннитской мечети и т. д.

Немцы и тут пошли гораздо дальше своих врагов.

Уже за много лет до войны, величайший германский империалист Вильгельм II-й разыгрывает целую комедию, имеющую целью

[7]) Синяя книга. Стр. 48 — 49.

[8]) P. Millet. La condition des musulmans a l'etranger 1913 г.

[9]) М. Павлович (Вельтман) «Азия». 1918 г. Стр. 57.

убедить мусульман, как он глубоко уважает их религию. Неоднократно, он оффициально рекомендует себя как защитника и «друга 300 миллионов мусульман, рассеянных по всей земле», в 1898 г. он даже предпринимает целое опереточное путешествие к гробу султана Саладина, наконец, уже во время войны, он усиливает выражение своих симпатий к мусульманской религии до того, что в Афганистане возникает слух, будто германский император... принял Ислам...

Конечно, заранее можно сказать, что вся эта религиозная политика империализма является чистейшей декорацией, имеющей целью прикрыть планы и вожделения совсем иного порядка. И действительно, Франция, торжественно провозглашающая «неприкосновенность священных мест Ислама», в то же время еще до войны систематически запрещает своим подданным магометанам алжирцам посещать их (в 1911, 12, 13 гг.).

Конечно, все это делается под чрезвычайно благовидным предлогом... из-за санитарных опасностей, связанных с посещением Мекки. Любопытно, что веротерпимые англичане проделывают то же самое, но на этот раз с русскими подданными бурятами, совершающими паломничество в Лхассу, которых систематически задерживают на Тибетской границе.

Мы видим, таким образом, что религиозные симпатии, в которых изливается империализм, являются лишь средством для наилучшей эксплуатации легковерных и подчас фанатически верующих жителей Востока. Наиболее выпукло, хотя и в анекдотическом обличии, эта черта выступила в знаменитом выступлении ташкентского губернатора Гиппиуса, который выступил в мечети, в платье муллы с целью агитации среди правоверных предполагавшегося призыва их на военную тыловую службу.

Политика немцев является здесь наиболее последовательной, циничной и вредной. При помощи своего заигрывания с мусульманами на почве их религии, германские империалисты имели целью вызвать не более не менее, как «джихад», т. е. религиозную войну против неверных, которя предписывается в нескольких местах Корана. Они пытались, таким образом, наэлектризовать и натравить мусульманские массы на русских и англичан не только в Персии, и в Афганистане, но и на их территории, т. е. в Индии и в Закавказьи.

В тех же случаях, когда Ислам не пригоден для немцев в их политических целях, или даже вреден им, мы сразу узнаем истинную цену их «защиты 300 миллионов магометан». Существует любопытнейший циркуляр генерал-губернатора германской Восточной Африки Шнее, в котором он рекомендует своим подчиненным принять ряд мер для противодействия распространению мусульманской пропаганды.

Циркуляр не только проектирует запрещение обрезания и проповеди в мечетях, но считает самым действительным средством «издание регламента совершенно запрещающего Ислам». Как реальное же средство борьбы с ним, он рекомендует поощрение туземцев... к разведению свиней», как известно, воспрещенных мусульманам в пищу.

Все эти факты наглядно доказывают, что уважение к религии народов Востока, демонстрируемое империализмом, является лишь маской, прикрывающей самые циничные планы и человеконенавистнические вожделения.

Империалисты здесь производят такую же спекуляцию на религиозной психологии, которую на бирже они ведут на ценных бумагах, а в политике на тайных дипломатических документах.

4. РАСОВАЯ ВРАЖДА И ГРАЖДАНСКОЕ ПРИНИЖЕНИЕ.

Соответственно с общим эгоистическим и эксплуатационным характером империализма по отношению к жителям Востока, гражданское положение их является необычайно низким, напоминающим спартанских илотов, римских колонов или же русских крепостных. Колониальная администрация, рекрутируемая обыкновенно из самых малокультурных, но «предприимчивых» в служебном отношении кругов, на подобие наших пресловутых чиновников «обрусителей», совершенно не желает усвоить, что и в Индии, и в Китае, и в Алжире она имеет дело с людьми древней, своеобразной культуры, а привыкает трактовать их с точки зрения «цвета кожи», считая их всех людьми низшей расы, чуть-ли не какими-то человекоподобными существами.

Недаром, один крупный английский чиновник Вебб пишет: «К несчастью многие белые колонисты Южной Африки никогда не бывали в Индии и не знают ни ее истории, ни современного освободительного движения в ней. Они склонны ставить всякого

индуса на одну доску с некультурными кафрами и готтентотами [10]).

С другой стороны, сами же правительства империалистических государств создают ряд унизительных стеснений и ограничений, которые вырывают непроходимую пропасть между туземцами и их «белыми» господами и покровителями. Не перечисляя сколько-нибудь подробно всех этих правовых из'ятий, достаточно указать, что до самого последнего времени индусы были лишены права носить оружие, получать офицерские чины, а также разного рода отличия (вроде Victoria Cross) и т. п.

В большинстве английских чиновничьих клубов Индии существует параграф о недопущении в них туземцев; наконец, совсем недавно существовало неписанное правило, по которому индус, каково бы ни было его общественное положение, при встрече с англичанином, должен был сходить с тротуара и уступать ему дорогу! В отношении использования труда местной интеллигенции существует до сих пор возмутительное неравенство, не имеющее никаких разумных оснований. В то время, как 8.000 английских чиновников и офицеров, часто полуграмотных и мало пригодны для службы в Индии, получают в год 14 миллионов фунтов стерлингов,—130.000 индусов служат на третьестепенных должностях и получают годичное вознаграждение всего в 3½ миллионов фунтов стерлингов [11]).

Благодаря такому ненормальному порядку вещей, в 1910 г. в Бенгалии числилось более 40.000 безработных индусов с высшим или средним образованием; в случае же получения ими заработка, он оказывался ничтожным, ниже поденной платы поденщика-туземца. Однако, всякое стремление Высшего Индийского Правительства даже самое скромное, привлечь местные силы к административной службе, встречает глухой ропот и противодействие среди белых колонистов, обвиняющих свое начальство, что оно «гладит индусов по головке» и распускает их.

Правовое положение туземцев во французских колониях, однако, еще более тяжело и унизительно. Не вдаваясь в подробности, достаточно сказать, что в Алжире они уплачивают специальный земельный налог, от внесения которого из'яты все европейцы, кроме того, для них существуют даже некоторые виды **барщины** (лесная и дозорная).

Все безправие туземного населения Востока, однако, всего ярче проявляется в той специальной судебной процедуре, которая для них установлена, а также в исключительных законах, могущих быть примененными к ним, когда этого пожелает белая колониальная администрация.

Вот что пишет о судебном положении туземцев Алжира известный французский публицист Ф. Милле на страницах французского оффициоза «Temps». Существуют три степени взысканий, специально применяемых к туземцам. За мелкие проступки они судятся не мировыми судьями, а представителями администрации, облеченными в этом случае дисциплинарными полномочиями. В случае серьезных нарушений закона, они предаются суду, специально учрежденных для этой цели карательных трибуналов и уголовных палат (tribunaux repressiff et cours criminelles). Наиболее же тяжело отражается на правовом положении туземцев третья система исключительных взысканий, буква в букву согласующаяся с административной практикой, процветавшей в до-революционной России.

«Простой приказ об аресте генерал-губернатора Алжира, состоявшийся без предварительного следствия и не могущий быть обжалованным, достаточен, чтобы подвергнуть туземца нескольким годам административного заключения (l'internement administratif). Насколько широко администрация Алжира использует это право, видно из того, что за 13 лет (с 1899 по 1911 включительно), согласно французской оффициальной статистики, состоялось 2872 случаев административного заключения или отдачи под усиленный полицейский надзор.

Читая эти правила и цифры, мы точно присутствуем при отвратительном зрелище, как республиканская Франция у себя дома, распевающая марсельезу и гордо об'являющая демократические принципы равенства и свободы, в то же время в укромном местечке, на заднем колониальном дворике,—совершенно хладнокровно насаждает такую практику безправия и административного насилия, перед которой блекнет террористический режим царской монархии.

Ряд конституционных навыков и уваже-

10) См. Статью «India o. XIX Centuryend After» 1913 г.

11) См. Синяя книга. Вступление II, стр. 89.

ние к законности, с колыбели прививаемое в метрополии, не позволяют англичанам вводить в Египте или в Индии подобную практику неслыханного судебно-административного произвола. И, однако, в Индии существует ряд чрезвычайных законов, серьезно ограничивающих права туземцев. Так, в силу старинного закона, изданного индийской комиссией в 1818 г (Bengal State Prisoners Regulation), генерал-губернатору предоставляется право без суда подвергать заключению индусов, обвиняемых в политической агитации.

Более действительное значение имеют специальные законы, сильно стесняющие туземную прессу (вроде закона 1909 [12]). В силу подобных ограничений, например, индусским газетам запрещено под страхом крайне суровых наказаний, защищать Великое Индийское возстание (т. н. Mutiny 1857 г.), писать о неправильностях, допущенных в отчетах индийского правительства и т. п., и т. п.

Когда же колониальным британским властям угрожает серьезная опасность они не останавливаются перед применением самых террористических мер. Так. например, когда весной 1915 г. в Пенджабе началось сильное революционное движение среди населения, а также в армии, правительство спешно издало закон об ускоренном судопроизводстве (The public safety bill), [13]) которому, по меткому замечанию русского консула Набокова, «наиболее соответствует наша усиленная охрана» В силу этого закона, полицией в течение нескольких месяцев было схвачено свыше 4000 человек, из которых несколько десятков было предано смертной казни, конечно, без соблюдения обычных судебных гарантий. Последнюю ноту в этом мрачном концерте берет Германия: Известны «охоты» на туземцев, которыми тешат себя наряду с охотами на слонов и крокодилов, прусские офицеры в немецкой Африке; отношение германцев к китайцам лучше всего характеризует то напутствие с которым обратился Вильгельм II к экспедиционному корпусу, отправляемому в 1900 г. на театр военных действий в Северный Китай. Благословляя их на военные подвиги, он называл их «воинами Атиллы долженствующими подвергнуть безпощадной смерти и уничтожению своих желтых врагов».

Останавливаться на приемах германского колониального владычества, впрочем, в настоящее время не представляет никакого интереса, так как полное и систематическое осуществление их мы можем до сего времени наблюдать в Финляндии, Бельгии и на Украине.

Предшествующие наблюдения над фактами позволили нам уяснить ту истинную роль, которую играет мировой империализм на Востоке: спекуляция на религиозных чувствах туземцев, внутренняя политика расовой вражды и гражданского принижения, «культурная деятельность», сводящаяся к поддержке всемерного застоя в области политики и экономики, наконец, деятельная пропаганда милитаризма—таковы зловещие итоги деятельности «великих» держав на Востоке. Немудренно, что с каждым годом, а в последнее время с каждым месяцем там зреет глубочайшее недовольство этой культурной европейской опекой, которая на самом деле представляет из себя чудовищную банку, приставленную к народам Востока для высасывания из них всей крови, всех живых соков.

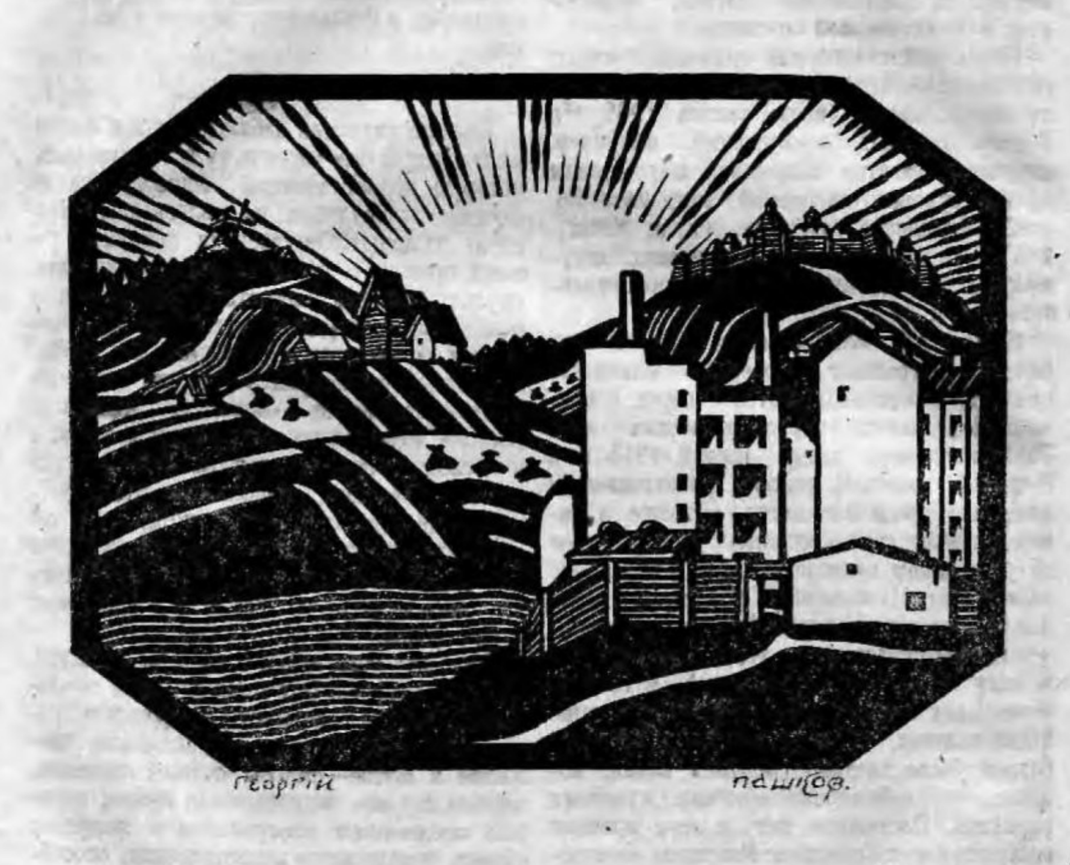
Рост революционного движения в Индии, развивающаяся с огромным успехом пропаганда в Персии, Афганистане, Турции и Туркестане, наконец, рост национального движения в Китае—таковы первые признаки, первые глухие, подпочвенные громы, которые предвещают наступление в грядущем общего грандиозного землетрясения, способного поколебать весь древний материк Азии и поглотить в недрах своих паразитов мирового империализма.

В. Кряжин.

---

[12]) См. J. Challay—L'Inde Britannique.

[13]) Синяя книга. Стр. 48, 53, 54, 57, 58, 63, 98

Георгій
Пашков.

ИСПОВЕДЬ СТРАННИКА.

Творчество Максима Горькаго выросло из одного основного умонастроения, из одной господствовавшей в его душе идеи.

Перед ним всю жизнь носился (Володя, Маня), и вдохновлял—один образ, сначала в очертаниях неясных, потом все более выявляясь, и, наконец, засиял ослепительным блеском. То был образ человека, сильного и самоотверженного, борца с хаосом и тьмою, творца на земле жизни разумной и светлой.

Вдохновенно и ярко начертал он этот образ в стихотворении в прозе, подписанном „Человек".

При слове „человек",—говорит он здесь—в груди моей словно солнце загорается. Я вижу его гордое чело, его глубокие спокойные глаза. Затерянный в пустыне вселенной, движется он мужественно вперед и выше по пути к небесам над всеми тайнами земли и неба, и, шествуя к своей заветной цели сквозь тьму преград, он восклицает:

„Я создан для того, чтобы разрушить все старое, все мелкое и злое и новое создать на выкованных мыслью незыблемых устоях свободы, красоты и уважения к людям. Смысл жизни вижу в творчестве, оно же безпредельно".

Редко кому из писателей удавалось начертать такой гигантски-величавый образ человека-борца, человека-творца, победителя хаоса, соперника богов.

А кругом Горький видел совсем иных людей, людей, занятых устроением своего благополучия, людей, мелочно-расчетливых, людей, ушедших в погоню за наживой и комфортом, или—как выразился потом один из его героев—„тусклых человеков", которые все просят „дешевенькаго счастья, удобства, тишины".

Волнуясь и негодуя, поспешил он занести на страницы своих творений это противоречие между тем, чем стал человек в наши дни, и тем, каким он должен был бы быть.

„Хоть плохи мои глаза",—говорит, качая седою головой, старуха Изергиль,—но все я вижу. И вижу я, что не живут люди, а все примеряются и примеряются, и кладут они на это всю свою жизнь. Всяких людей я также вижу, но нет сильных, где они?". А старухе Изергиль вторит в расказе „Читатель" таинственный собеседник героя (писателя): „человек теперь уже не царь природы, а раб жизни: он не борется, а только приспособляется, и двигает им не дух, а похоти".

Из этой, в груди Горькаго никогда не угасавшей пламенной тоски по человеку, творцу на земле жизни разумной и радостной, и вылились его главнейшие произведения.

Эта тоска и вела его пером, когда он писал свои сказки и песни о соколе и чиже, о буревестнике и юном герое Данко. Ужам, благоденствующим в гнилых ямах, пингвинам, самодовольно переваривающим пищу, гагарам, дорожащим своим сытым покоем, противопоставлены здесь, как идеал, натуры сильные и любящие, стихия которых борьба и гроза; борцы, зовущие людей от мелких будничных забот к самоотверженным подвигам, ведущие их из мрака леса, из мрака жизни туда, где солнце и простор, готовые осветить им путь-дорогу к счастью своим собственным, из груди вырван-

ным сердцем, зажженным, как факел. Все эти образы—сокол и буревестник, чиж и Данко — они все лишь разные символы горевшей в груди Горького мечты о человеке-борце, человеке-творце, который, шествуя к своей заветной цели вперед и выше, сквозь тьму преград, сквозь сонм врагов, восклицает:

„Смысл жизни вижу в творчестве, оно же безпредельно. И вот иду, чтобы сгореть, как можно ярче и глубже осветить тьму жизни. И гибель для меня награда. Иных наград не нужно для меня“.

Но ужели,—спрашивает себя Горький,— этот образ, чарующе-светлый, живет только в сказке, рожденной из пены грез, или в песне, что вырвалась из груди, прозвучала в воздухе и растаяла бесследно в пустоте вдаль уходящаго горизонта? Ужели нет таких людей в жизни, в окружающей нас действительности?

И вот он берет в руки посох странника и идет искать по всей русской земле ответа на волнующий его вопрос.

Творчество его и есть (в его наиболее ярких проявлениях) ничто иное, как исповедь странника о том, что он видел и слышал, о том, как он шел от разочарования к разочарованию, и как ему, наконец, блеснул яркий луч надежды. И по мере того, как он переходил с посохом странника в руках из одной социальной среды в другую, перед ним все шире развертывалась картина русской действительности. На досуге, отдыхая от своих скитаний, он заносил на бумагу свои впечатления и свои переживания, но, занося их на бумагу, он всегда помнил свой завет писателю, данный им в рассказе „Читатель“, а именно, что поэзия не простая фотография жизни, не протокол действительности, что поэзия—это прежде всего „бодрое слово, окрыляющее душу“ это прежде всего немолчный „призыв к творчеству жизни“. В своей „Исповеди“ он не стремился поэтому быть бесстрастным летописцем, фотографом - протоколистом — картина, которую он рисовал, отдыхая от своих скитаний, она не совсем соответствует оригиналу, с которого она списана—кое-где слишком много тени, в других местах слишком много света, и порою вместо живых людей из плоти и крови выведены отвлеченные образы—идеалы.

Не фотографический снимок с русской действительности дал Горький в своей исповеди, а скорее сказку-быль, и притом сказку-быль о строителях жизни, и, как волны морские, в которых погиб смелый сокол, сын солнца, звучат страницы его исповеди, исповеди странника, прежде всего „призывом гордым к свободе, к свету“.

Свои поиски носившагося перед ним идеала наш странник начал с той среды, которая по обстоятельствам его личной жизни была ему роднее остальных, со среды босяков.

Вот он видит, скитаясь по большим и малым дорогам российской действительности, в степи—костер, а возле него отдыхают несколько бродяг. Он подсаживается и прислушивается.

„Люблю я эту бродяжную жизнь“,— говорит один из босяков.— „Оно и холодно и голодно. Зато свободно уж очень. Нет над тобой никакого начальства. Сам ты своей жизни хозяин. Вот я лежу, смотрю в небо звезды мигают, словно говорят: ходи себе знай по земле, не поддавайся. И хорошо на душе“.

И показалось на мгновение нашему страннику, что, быть может, именно эти бесприютные люди, не дорожащие удобствами жизни, ни перед кем не гнущие шеи, что именно они и призваны возродить жизнь И бодро зашагал он дальше. На своем пути он встретил Челкаша, встретил Мальву и невольно залюбовался их красочными фигурами. Но вот однажды поздно вечером заглянул он усталый в ночлежку („Бывшие люди“).

Среди присутствовавших шел горячий спор. И он невольно прислушался. Спорили как раз о том вопросе, который промелькнул в его голове там, ночью, в степи, у горевшого костра. Хозяин ночлежки, опу-

стившийся на дно дворянин. доказывает босякам, что они—явление новое в истории—(на самом деле старое) и призваны обновить жизнь. Слушатели сначала очарованы, но потом один за другим они освобождаются от сковавшого их гипноза. На что в самом деле способны бывшие люди?—усмехается один из них. Разве только на нарушение общественной тишины и спокойствия. И дружный хохот вторит его словам.

Отрезвило меткое замечание бывалого босяка и странника Горького. Рассеялся красивый мираж. Сразу потускнели яркие образы Челкаша и Мальвы, и недавнее увлечение босяцким миром сменилось в его душе безграничной жалостью к этим людям, отверженным и обреченным, «бывшим людям». И чем дальше он шел, тем все росла эта жалость. Пригвожденные к зловонной яме, не увидят света солнца ни Клещ, ни Бубнов, ни барон, ни актер, ни Настя, ни Анна („На дне“). Так они и умрут с искалеченною душою, искалеченные жизнью. И тогда Горький обернулся странником Лукою и бросил на прощанье им пригоршню ласковых слов. Но, покидая навсегда этот мир отверженных и осужденных, покидая навсегда среду, где протекла его собственная безрадостная юность, он вынес отсюда еще одно яркое и бодрящее воспоминание. Среди искалеченных обитателей вросшей в землю гнилой ямы перед ним промелькнуло лицо, невольно обратившее на себя его внимание, мужественное и энергичное лицо Сатина, и еще долго потом, когда он стоял уже на улице, залитой светом солнца, в ушах его звенели его гордыя слова: «человек—это великолепно. Это звучит гордо. Человек — вся правда жизни“.

И снова, испытав свое первое разочарование, взял он в руки свой посох странника и отправился дальше.

Из мира босяков поднялся он теперь наверх — в царство буржуазии, и все, что он здесь видел и испытал, записал он в виде повести „Фома Гордеев“. В лице Маякина перед ним стоял представитель молодой русской буржуазии, еще мало культурной, но уже преисполненной самосознания, уже убежденной, что она призвана вершать судьбы страны. „Не в деньгах, дело“—ораторствует купец Маякин, „а во власти. Вот куда наш брат должен курс держать“. Маякин не только представитель сознавшей свою политическую мысль буржуазии, но и человек, усматривающий в своем классе—в буржуазии—прирожденнаго строителя жизни. Когда один из богатеев-купцов устраивает праздничное катанье на Волге, Маякин во время пира произносит речь. Указывая на реку, по которой взад и вперед сновали пароходы, на оставленные пристани, где разгружались и погружались баржи, он воскликнул в упоении своею силой:

«Это мы сделали. Мы жизнь строим».

При этих словах странник Горький весь насторожился. Уже не впрямь ли перед ним тот, в поиски кого он отправился в путь-дорогу, тот, кто из неустроенной нашей жизни выстроит чудо-дворец, полный простора и света. Но, чем внимательнее вглядывался он в эту среду, для него новую, тем все острее жгло его разочарование. Он скоро понял, что здесь человека ценят лишь как обладателя капиталом или как рабочую силу, что здесь всевластно царит девиз Маякина: «Или других грызи или сам лежи в грязи». Он понял очень скоро, что именно эти люди и превратили жизнь из арены творчества—в базар наживы, из царства всеобщей гармонии—в войну всех против всех. Он видел, как душно в этом мире молодому Фоме Гордееву, как он чувствует себя здесь заживо замурованным, и болью отзывался в его ушах этот крик задыхающегося, крик о помощи—«Спасите, жить хочу!»

И вот, когда Маякин во время пира на пароходе произносит свою речь во славу русской буржуазии, Фома не выдерживает и гневно протестует: «Вы не жизнь строили, а помойную яму создали. Грязище и ду-

хоту развели вы вашими делами. Пятак ваш бог, а совесть вы прогнали. Почтенное купечество, строители жизни, о дьяволы»!

Так понял странник Горький, что он снова ошибся, и отправился он дальше, недоумевающий и разочарованный. Где же человек свободный и сильный? Где строитель жизни, разумной и светлой? Из мира купечества перешел он теперь в мир интеллигенции. И сначала эти люди показались ему прекрасными и светлыми, как «дети солнца». Но потом, всмотревшись повнимательнее, он решил, что они скорее походят на «дачников», бесцельно и бездельно коптящих небо, а порою и на «варваров», бессмысленно и безжалостно ломающих жизнь («Дети солнца», «Дачники», «Варвары»). Снова поник он головой и уже готовился стряхнуть с ног своих прах этой среды, как вдруг его внимание было привлечено небольшой группой интеллигентов иного склада ума и души, стоявшей поодаль в стороне. Дети «простых людей», они чувствовали себя не по себе на этой ярмарке мещанских интересов. Страстно мечтая о новой жизни, они, однако, сознавали, как Степан в «Варварах», как Влас в «Дачниках», что не им пересоздать мир,—слишком для этого они слабы, и слишком для этого они сами связаны еще с существующим. Но всем своим существом они верили, что возможна на земле иная жизнь, очищенная от несправедливости и освобожденная от лжи.

Путь к этой новой жизни лежит через народ, а цѣль пути—благо народа. Прислушиваясь к речам этих интеллигентов - демократов, наш странник чувствовал, как после стольких неудач и разочарований снова надежда окрыляет его сердце, и стало для него ясно, что мечта его может стать жизнью. Перед ним сверкнул в ярком сиянии, носившийся дотоле перед ним лишь в неясных очертаниях, образ победителя хаоса, творца света, образ того титана, который, шествуя к своей заветной цели сквозь тьму преград, сквозь сонм врагов, восклицает (в стихотворении в прозе „Человек“):

„Я призван для того, чтобы распутать цепи всех заблуждений и ошибок, сковавших людей в противный и кровавый ком животных, пожирающих друг друга. Хочу, чтоб каждый из людей был человек. Все в человеке, все для человека“.

И напутствуемый речами Власа и Степана, пустился странник Горький снова в путь - дорогу, на этот раз окрыленный надеждой, и все, что он видел и пережил в этой новой среде— в рабочей среде, составило новую и лучшую главу в его исповеди, его сказки—были о строителях жизни.

Скитаясь с посохом странника в руках по большим и малым дорогам русской жизни, Горький встретил сначала пекаря Коновалова — невежественного, забитого труженика, и однако уже въ его голове неотвязно мелькал вопрос: как быть? Не найдя ответа на него, пекарь махнул на все рукой и ушел в босяки. Потом, в большом приволжском городе, Горькій познакомился с наборщиком Гвоздевым („Озорникъ“), представлявшем уже более высокую ступень сознательности. Понимая всю ненормальность своего положения, всю несправедливость существующего социального строя, наборщик испытывал властную потребность протестовать, но не зная, как протестовать осмысленно, он только скандалит, только „озорничаетъ“. Следя в том же большом приволжском городе за судьбой Фомы Гордеева, Горький видел его однажды в непривычной для него компании, на пирушке, устроенной наборщиками. Прислушиваясь к их разговорам, Фома был удивлен и поражен. „Просты ерабочие, а вдруг скажут что-нибудь такое—и вовеки бы не выдумать. Да, около них любопытно“. Но поглощенный своей душевной драмой, Фома прошел мимо этих „любопытных“ людей.

Покинув царство купца Маякина, наш странник на мгновение заглянул в квартиру ремесленника Бессеменова („Мещане“) и здесь, среди семейных дрязг, среди хмурого нытья, его привлекло одно лицо. То был машинист Нил. Между тем как дети мещанина (Петр и Татьяна) не любят жизни, Нил не знает большего удовольствия

как вмешаться „в самую гущу жизни“, „месить ее так и этак“. Как кузнец, готов он перековать неустроенный мир в чудо-дворец, полный простора и света Пусть неподатлив материал, над которым приходится работать, пусть расплавленная масса металла жжетъ ему лицо, грозит выесть глаза.

„Смелыми ударами сплеча делаешь ты из нея все, что хочешь“. И радостным биением отзывалось сердце странника на эти боевые слова. А потом над страною пронеслась весенняя буря и вся она всколыхнулась сверху донизу, от края и до края. На историческую сцену выступила масса, рабочая масса, и отчасти ея изобразителем стал наш до того бесприютный странник. Эти страницы своей исповеди он озаглавил: „Мать“ и „Враги“. В художественном отношении оба эти произведения имеют тот недостаток, что не вполне удовлетворительно решают проблему массовой психологии, не дают достаточно яркой картины массового движения. Отдельные лица слишком заслоняют толпу, и мотивы индивидуального, а не коллективного характера предопределяют и здесь ход событий. Но в исповеди странника это любопытная и замечательная глава. Обвеянные сознанием, что выше отдѣльной личности их—об'единенный класс, роман „Мать“ и драма „Враги“ изображают этот класс в один из наиболее героических моментов его истории. Если в речах более ранних горьковских рабочих слышалась или недоуменная растерянность или стихийное озлобление, то здесь, в этих двух произведениях, голоса рабочих сливаются в ликующий гимн человеку, творцу новой жизни на земле светлому сыну бессмертных богов Присматриваясь к этой новой для него среде, странник Горький видел, как здесь растет чувство круговой поруки, и чем внимательнее вглядывался он в окружавшую его небольшую для него среду, тем все более стало ему казаться, что именно это чувство коллективного мироощущения, это чувство товарищеской солидарности и обновят мир, подготовив почву для рождения человека могучего и прекрасного, как бесмертные боги.

И тогда он написал последнюю главу своей исповеди, своей сказки-были, о строителях жизни и озаглавил ее „Исповедь“.

Это вершина его творчества.

Все, что им создано потом, не идет в сравнение с этой повестью. Она—бессмертна, как бессмертна идея, из недр которой она выросла.

Снова перед нами странник—каким был сам Горький—крестьянин Матвей, символ крестьянской Руси. Как Горький, так и он думает горькую думу над жизнью, и предстает она перед ним вся обрызганная грязью, вся залитая кровью, вся изуродованная себялюбием и враждой. „Где же добро, где правда и любовь?“—спрашивает он в тоске. И вот он берет в руки посох странника и идет искать, как сам Горький, по всей по русской земле, ответа на волнующий его вопрос. Сначала Матвей ищет эту правду там, где искони ее искал весь наш народ, в вере, в религии. Смешавшись с толпой паломников, он с ними переходит от обители в обитель, но чем внимательнее он вглядывается в лица этих смиренномудрых, тем все более убеждается он, что не от них идет возрождение жизни. Так, бредя с посохом странника в руке по дорогам русской жизни, дошел он до большого уральского завода. Новые здесь предстали перед ним люди, непохожие на недавних его спутников-богомольцев. И чем ближе он с ними сходится, с ними, работавшими в огне и громе завода, тем все „любопытнее“ казались они ему.

„Речи у них разные, и у каждого свое лицо“,—размышляет он,—но вера у них одна и намерение одно. Не торопясь, дружно и усердно строят они нечто“.

Строят они из мира нынешнего, раз'единенного себялюбием и враждою, мир будущего, спасенный чувством всеобщего братства. Из хаоса распыленных и враждующих одиночек строят они царство равноправных товарищей. Прислушиваясь к их горячим спорам, странник Матвей невольно соглашается с рабочим Михаилом, что современная жизнь по-

тому так неустроена, что «личность» оторвалась от «массы», «матери своей» и, оторвавшись от нея, «сжалась в ничтожный и злой комок мелких желаний». «Нищая духом, глухая к жизни, бессильная в творчестве», эта оторвавшаяся от массы личность провозгласила единственной целью жизни—«самозащиту, покой и уют».

Таков человек, каким он стал в наши дни, человек—продукт индивидуалистической, буржуазной культуры.

Только если обособившееся «я» снова вернется в лоно массы, „матери своей", только если личность снова растворится в коллективе, превратится жизнь из войны всех против всех в об'единенное творчество всех на благо всех и каждому. Пусть осуществление этого коллективного строя дело будущего, уже теперь—по убеждению рабочего Михаила—необходимо в подрастающем поколении воспитать чувство взаимной и всеобщей связанности. Вот почему на последних страницах исповеди нашего странника так много места уделено детям,—опоре грядущих времен.

А по мере того, как отдельные обособленные ныне личности все более проникаются сознанием своей со всеми об'единенности, тем сильнее станут они, как целое, и мощи их уж не будет ни конца ни предела. Безсильные в состоянии своей от'единенности, они—воедино спаянные—совершат и невозможное, сотворят чудо. Так исцеляет, на глазах странника Матвея, неизлечимобольную народ, воедино слив отдельные разрозненные воли. Этой символической сценной подчеркнута непобедимая мощь коллективной психики, проникнутой одним высоким и самоотверженным порывом. Как здесь народ сосредоточенным устремлением своим дарит здоровье умирающей, так некогда, спаянный единой волей, единой мыслью-вольет он свежую кровь в усталые жилы мира, новую жизнь в старое сердце вселенной.

И тогда на земле родится Бог. Не о религиозном понятии божества говорит рабочий Михаил. Под этим словом «бог» он подразумевает человечество, перешедшее из состояния современного его разделения на обособленные и враждующие личности, классы и нации, в состояние об'единенного гармонического единства, где каждое «я» будет сознавать свою связанность с другими такими же «я» и свою подчиненность общему, свою подчиненность коллективу. Это и есть то человечество, воспетое Горьким в стихотворении в прозе «Человек», не раз здесь процитированном, то человечество будущего, которое, забыв навсегда о прежней индивидуальной, классовой и национальной борьбе, все свои освободившиеся богатые силы сосредоточит на одной задаче, на покорении природы, на устроении вселенной, на превращении хаоса в космос; то гармонически примиренное и об'единенное человечество, которое, шествуя вперед и выше к победе над всеми тайнами земли и неба, огласит мироздание, им преобразованное и одухотворенное, ликующим гимном:

«Настанет время, в груди моей сольются в великое и творческое пламя мир чувства моего с моей бессмертной мыслью, и этим пламенем я выжгу из души все грязное, все темное и злое и стану я подобен тем богам, которых мысль моя творит».

Так завершается исповедь странника Горького, его сказка-быль о строителях жизни, апофеозом человечества, которое, перейдя от индивидуалистического хаоса на высоты коллективистического жизнеустройства, осуществит свое исконное предначертание, стать прекрасным и могучим, как могучи и прекрасны бессмертные боги.

Наш странник всю жизнь искал, как видно, тех, кто перестроит жизнь на началах коллективизма, ибо только при условии коллективизма может зародиться человекбог. Он искал этого творца света, строителя космоса, в босяке, в буржуазии, в интеллигенции и постоянно разочаровывался. Он нашел этого строителя, наконец, в рабочем классе и воздвиг ему—борцу и творцу—нерукотворный памятник.

В. Фриче.

Поэты из народа.

I.

Наше время—рассветное: в нем начинается день новой культуры. культуры пролетарской. На наших глазах зарождается новая пролетарская поэзия: намечаются новые, непривычные для мысли, темы, возникают новые, лишь ныне переживаемые настроения, звучат неслышанные ранее слова. Неожиданно, с разных сторон, пересекаются с линией социалистического движения и недавние, смешанные с ужасом, славословия бельгийского поэта Верхарна капиталистическому городу—спруту, и мирообъемлющие мечты американца Уитмэна о мощи грядущей демократии, и дерзкие искания современных революционеров искусства,—и не всегда бывает легко угадать, что в этих перекрещивающихся течениях мысли и творчества принадлежит будущему, что—только настоящему или даже прошлому.

Пролетарская поэзия будет носительницей резко очерченного классового самосознания пролетариата. Достаточно ясен и общий дух ее: вместо упадочного индивидуализма—целостный коллективизм, вместо расслабленного уныния и скептицизма—мужественная и сознательная бодрость, вместо созерцательности—действенность, вместо пассивного и тусклого живописания мелочей жизни—резкие очертание, пламенные краски. Уясняется мало-по-малу и та отправная точка, от которой, повидимому, начинается движение к этой новой поэзии: это

> Город шумный и суровый.
> Где зачатки жизни новой,

завод, фабрика, где „целый миллион берет молот в одно и то же мгновение", чтобы слиться в едином напряжении неистомной, пристальной работы. Не следует, однако, забывать, что пролетарская поэзия еще в зародыше; мы видим лишь один из истоков ее—„поэзию машины", и сейчас неизвестно, до каких отдаленнейших областей жизни раздвинет она свои берега, какие иные ручьи и притоки примет еще в свое расширившееся русло. Между тем, ограничь мы рамки нашего обзора лишь теми поэтами, в стихах которых с безупречной чистотой уже теперь выдержан классовый пролетарский дух—и такая математическая точность сразу выключит из нашего кругозора всех поэтов, кроме „певцов машины". Это было бы тем более досадно, что наблюдение над тем, как пролетарская поэзия, постепенно теряя в чистоте классового духа, нечувствительно переходит в поэзию неопределенно—классовую, или даже просто в интеллигентскую или крестьянскую поэзию—это наблюдение развертывает перед нами радугу любопытнейших оттенков и красок, порой играющих неподдельным поэтическим огнем; да и действительно, оценить своеобразие произведений чисто-пролетарской поэзии, можно лишь рассматривая их на фоне произведений смежных, постепенно удаляющихся от них по духу и форме. Руководствуясь этими соображениями, мы решили включить в наш обзор всех современных более или менее значительных поэтов, вышедших из трудящихся масс; просмотрев этот обзор. читатель, помимо общей картины того расцвета творческих сил народа, которым эти годы отмечены, получить и понятие о различных разновидностях рабочей и крестьянской поэзии. Этот обзор—предварительный; к отдельным, более крупным поэтам мы вернемся впоследствии.

Из представителей народнически-крестьянской поэзии остановимся на Н. Клюеве, С. Есенине, С. Клычкове, А. Ширяевце, П. Орешине; с оговоркой можно прибавить к этим именам имя И. Морозова.

Крестьянин Зарайского уезда, потом (и доныне) рабочий, И. Морозов, в своей книге „Разрыв Трава",—типичный интеллигент, скромный, честный, мечтательный—но и только. Более всего любит он свой „мирный уголок", где находит отдых своей „больной груди" и „усталой душе", вдали от „суетной жизни"; в этом уголке он и мечтает о счастье, свободе и т. п.—все это в бледных, книжных, подражательных стихах. Счастливым исключением, позволяющим ожидать от него более простых и художественных созданий, является его стихотворение „Лен", в котором есть крестьянски-безыскусственная задушевность и любовь к природе.

Схожая судьба—подчинение влияниям интеллигентских навыков мысли и творчества—постигла, до некоторой степени, и Н. Клюева, поэта, гораздо более одаренного. За Н. Клюевым—довольно долгий поэтический путь; он выпустил 3 книги стихов („Сосен перезвон", „Братские песни", „Лесные были"), и печатается во многих сборниках и журналах. Уже в первой книге Н. Клюева, крестьянина северных губерний, мало что было крестьянского: одинокие раздумия автора, его мистические устремления к „загадочному", „неведомому", его слова о „пустыне" его души, где бездонным эхом „бродят отзвуки жизни"—все это говорило скорей об интеллигентском строе мысли и чувства,—и следует признать, что некоторые стихотворения Н. Клюева могут служить интересными образцами поэзии этого рода (одно из них напечатано ниже). Однако Н. Клюев вознамерился сделаться подлинным крестьянским поэтом: в его стихах замелькали „подойники", „кринки", „сытовые хлеба", затейливые, мало употребительные, народные словечки и выражения. Это, конечно, не приблизило его к простоте и цельности крестьянской мысли и восприятия: он остался полу-крестьянином, полу-интеллигентом, перемежающим народную речь с напыщенными книжными выражениями, переплетающим несложные представления крестьянского мировоззрения с такими вычурными измышлениями, как „Душа Земли" (свершающая какой-то „брачный пляс"), „Бездна и Зенит» и т. п. При всем том, в те редкия мгновения, когда Клюев отрешается от своей полуинтеллигентской спутанности и надуманности, в нем воскресает живое понимание и чувство крестьянского быта, оживают фантастические образы народных поверий и сказок, на ряду с традиционными образами религии—и тогда ему удаются яркие, сильные стихи, проникнутые истинной любовью к крестьянской жизни и труду.

С. Есенин моложе Н. Клюева, но он также выпустил уже 2 книги стихов („Радуница" и „Голубень"), и печатается в целом ряде органов. С. Есенин—безпорно талантлив, как кажется, даже талантливее Н. Клюева, но, главное, он проще и цельнее. В нем сохранилось то, к чему лишь изредка пробивается Н. Клюев: крестьянская простота и свежесть восприятия. В его устах естественны сочная крестьянская речь, старорусские выражения и обороты. Даже природу он рисует красками крестьянского быта: заря для него кобылица, взмахивающая по воздуху красным хвостом, солнце—овсяный сноп, месяц—ягненочек. Он более нежен и задушевен,—чем силен, более мечтает—чем наблюдает, действует:

Песня, лугъ, реки затоны,
Эта жизнь мне только снится.
Свет от розовой иконы
На златых моих ресницах.

Поэтому он охотно преображает окружающую действительность, населяет ее сказочными образами, либо образами, почерпнутыми из области религии, как, кудрявый мальчик

Иисус, Дева Мария, проливающая золотые волосы на нивы и т. п.*).

К сожаленію, С. Есенин, неприметно поддаваясь влиянию интеллигентской среды и еще не находя в себе сил творчески переработать это влияние, начинает впадать в ложный, надуманный тон полуинтеллигента, преждевременно и самоуверенно подступающего к таким вопросам, к разрешению которых он еще далеко не подготовлен.

От этого соблазна свободен А. Ширяевец (стихи его печатались в „Рабочем мире", „Ежемесячном Журнале", „Красном Звоне", „Знамени Труда" и др. органах). Размах, удаль в нем преобладают над оттенками чувства. А. Ширяевец берется лишь за темы, близкие и привычныя ему: незатейливое приветствие Революции, удачная рыбная ловля, любовь доброго молодца и красной девицы—и пишет на эти темы свежие, звучные стихи.

П. Орешина выделяет из среды его сотоварищей та горькая и гневная нота против социальной неправды, которая звучит в его порой несколько косноязычных, безыскусственных, но своеобразных и почти всегда ярких строках (его сборник стихов озаглавлен „Зарево").

П. Орешин — крестьянин Саратовской губернии, изведавший в Петрограде всю тяжесть „волчьей жизни"— бездомного, голодного, осиротелого пролетария. Ему веришь, когда он говорит:

> Вижу себя порой на огромном кресте
> распятым,
> Душу мою—давно изошедшею кровью...

Но бедствуя в Петрограде, он остался крестьянином, с преданностью заповедной православной вере, с крепкой и глубокой любовью к земле, к деревенскому быту; революция для него, как и для других крестьянских поэтов, это прежде всего—Земля и Воля.

*) Въ существенномъ, эта характеристика может быть отнесена и к С. Клычкову, интересному поэту-крестьянину, выпустившему въ 1910 — 12 г. две книги стихов («Песни» и «Потаенный Сад»), но за последние годы скрывшемуся с литературного горизонта. С. Клычков, поэт сказочник, еще менее касается реальной действительности, чемъ С. Есенин.

II.

От этой крестьянской поэзии отлична поэзия пролетарская. Поэты-крестьяне чувствуют себя дома в хате, в лесу, в поле; в их воображении живет деревня, природа. Город не привлекает их, а скорей отталкивает; им тесно и жутко в его суровой, размеренной жизни. Мечтатели, они населяют действительность привычными образами религии, легенд, сказок, их поэзия вообще питается древними формами и приемами народной поэзии, заповедным, выраженным в последней, народным мировоззрением; в их произведениях часто слышны отзвуки былины, заплачки, сказки. Революцию, социальный взрыв — их фантазия причудливо преломляет в привычных для них традиционно-фантастических образах: характерно откликнулся на нее Клюев легендой о трех огненных дубах на пупе земном, Есенин—поэмой о мечтателе-мальчике, к которому сошел с иконы младенец Иисус, чтобы принять участие в борьбе „за волю".

Совершенно иные черты отличают пролетарских поэтов. Мир их поэзии—мир города, фабрик, машин, людских масс, брошенных в работу. Их мало привлекает покой и приволье деревенской жизни, им более свойственно стремление „дальше, дальше от равнин... от убогих деревушек—в город исполин", ибо

> Только в городе возможны
> И движенье, и борьба,
> А равнины безнадежны—
> Такова равнин судьба.

(А. Логинов).

Гастев даже рисует нам вторжение города в деревню: стальные чудовища машины, бороздящие и равняющие поля, тысячеверстные селения, пересекающие сибирскую тундру и степь двумя прямыми линиями домов.

Стихи пролетарских поэтов отражают будни рабочей жизни—дымящиеся трубы, пляску и шелест фа-

бричных ремней, грохот молотов, голоса товарищей; здесь чувствуется им дыхание рабочего коллектива, возрастание его мощи, и если эта жизнь порой принимает в их глазах чудесные, фантастические очертания, то фантастика пролетарского поэта, рожденная из кипения этой новой, дотоле неведомой жизни, не может, разумеется, найти себе выражения в прежних, традиционных образах, а ищет для себя иного, нового облика (как то видим мы, напр., у Гастева). Пролетарские поэты чужды „сладостным, но пассивным молитвам", „раздольным, но ленивым песням", завещанным им прошлым, они ищут образца для своих созданий не в древне-русской поэзии, а у Верхарна, Уитмена...

Раньше, чем перейти к поэтам чисто-пролетарским, остановимся на поэтах переходного типа: И. Ионове, А. Гмыреве, М. Герасимове.

И. Ионова, автора книги „Алое Поле", печатавшегося тоже во многих сборниках и журналах, можно было бы, равно как и А. Гмырева (молодой поэт рабочий, погибший несколько лет тому назад на каторге), назвать представителем «неопределенно-классовой» поэзии—поэзии не крестьянской и не рабочей собственно, а только «революционно-демократической», отражающей черты психологии нескольких классов вплоть до некоторых слоев интеллигенции. Отметим лишь значительное превосходство А. Гмырева, как художника, над И. Ионовым.

Не может быть назван пролетарским поэтом, в точном смысле этого слова, и М. Герасимов, автор книги „Вешние Зовы". На фабрике он чувствует себя «рабом», болванки кажутся ему «гробами», грохот машин—воем и криком затравленных волков.

Ритм фабричной жизни не захватывает его, он и на фабрике остался крестьянином, мечтающим о «родных раздольях», «земле в цветах», и оттого почти всегда чужды пролетарскому духу его часто сильные и живописные стихи.

Меньшее дарование, но большая чистота пролетарского духа, нежели у М. Герасимова, отличает И. Логинова, издавшого в 1917 г. тоненькую книжку стихов «У станка», а также печатавшегося в нескольких сборниках.

Стихи И. Логинова наивны, неумелы, бледны, но иногда, когда он касается своих любимых тем: города, фабрики, коллектива—ему удается найти простые, и не лишенный выразительности, верные слова.

Наиболее яркий и самобытный представитель русской пролетарской поэзии, наиболее убежденный и восторженный „певец машины"—А. Гастев, петроградский рабочий металлист (его книгу, характерно озаглавленную „Поэзия рабочего удара", издал Пролеткульт; произведения Гастева есть в журналах „Грядущее", „Пролетарская культура" и др.). Фабрика, завод для А. Гастева обнимает весь мир; он влюблен в свой „дорогой завод", он „полон солнца"; входя на его двор, его мечты о грядущем превращении всей земли в единый гигантный завод, наполненный „бурей труда". Но А. Гастев, главным образом, прозаик; его стихи, в общем, гораздо обычнее, тусклее его прозы. Ниже мы печатаем лучшее стихотворение Гастева („Я полюбил"), значительное мощью своих образов и тяжелой величавостью ритма, в котором как бы слышатся размеренные удары „бурного моря колес и валов".

К Гастеву примыкают поэты-рабочие, сгруппировавшиеся, вместе с ним около Пролеткульта и его журнала „Грядущее": В. Кирилов, Самобытник, А. Поморский,—поэты еще неустановившиеся, иногда впадающие в полуинтеллигентскую надуманность и книжность, но безусловно одаренные. Читатель оценит чистоту пролетарского духа, так же как энергию ритма и выражения в нижепомещенных стихотворениях: Самобытника („Новому товарищу") и В. Кирилова („Грядущему"). Пламя одушевления теми же идеалами в стихотворении А. Поморского—„Похороны", местами несколько растянутом, риторичном, но пленяющем той подлинностью вдохновения, с которой поэт почувствовал и передал „огнезарную думу", „спаявшую воедино"

многотысячную толпу и приподнявшую ее над уровнем „обычного“, повседневного.

К этим именам пролетарских поэтов надлежит присоединить и имя Демьяна Бедного, автора ряда книг „Всяк Еремей про себя разумей“, „Всякому свое“, Мошна туга, всяк ей слуга“, „Правда и Кривда“, „Сытый голодного не разумеет“, „Повесть про землю, про волю, про рабочую долю“, „Сказка о Попе Панкрате“, „Земля обетованная“, „В огненном кольце“. Демьян Бедный пролетарский сатирик, давно заслуживший себе в пролетарских кругах широкую известность. В своих колких баснях, сатирических повестях и пародиях, он неутомимо высмеивает различнейших представителей буржуазных партий, классов, представителей „соглашательских“ течений социализма и т. п. Но есть у Демьяна Бедного произведения, где он отрешаясь от юмора и сатиры, дает иные повествования, гражданскую лирику (см., например, книгу „В огненном кольце“) [1])

М. Торов.

---

[1]) В рамки этого краткого обзора не вместился еще ряд выступивших за последние годы поэтов-стихотворцев, чьи произведения, иногда отмеченные проблесками таланта, появлялись на страницах новременой печати или отдельных сборников: таковы Ив. Филипченко, Андрей Никиш, К. Хохлов, К. Одинцов, М. Арбалюнов, Х. Худяков и др.

Антология пролетарско-народнических поэтов.

И. МОРОЗОВ.

Лен.

Ах ты лен, ты мой батюшка седенький,
Дай-ка я расчешу тебе бороду!..
И зачем же ты маленький, реденький,
Ни к селу уродился, ни к городу!

Сколько дум я заветных лелеяла,
Сколько пота потратила кровного,—
Ведь сама я, сама тебя сеяла,
Дожидалась высокого, ровного...

Нынче летом—чуть зоренька алая
Опояшет восток позолотою—
Словно ранняя птичка, вставала я,
Проводила весь день за работою.

А как небо вечерними красками
После долгого дня загоралося,
Я твоими дремотными глазками,
Уходя, как дитя, любовалася.

На твою ли рубашку зеленую
Все глядела я с думою скрытою,—
Чтоб не знали меня утомленною,
Не видали—нуждою забитою...

Только вышел ты маленький, реденький
Да спружился на грех с повиликою...
Ах ты лен, ты мой батюшка седенький!
Над тобой ли я горе размыкаю?!...

(Из «Сборника пролетарскихъ писателей»).

Н. КЛЮЕВ.

Завещание.

В час зловещий, в час могильный
Об одном тебя молю:
Не смотри с тоской бессильной
На восходную зарю.

Но верна словам завета
Слезы робости утри,
И на проблески рассвета
Торжествующе смотри.

Не забудь за далью мрачной,
Средь волнующих забот.
Что взошел я новобрачно
По заре на эшафот.

Что, осилив злое горе,
Ложью жизни не дыша,
В заревое пала море
Огнекрылая душа.

(Из книги «Сосен перезвон»).

* * *

Распахнитесь, орлиныя крылья.
Вей, набат, и гремите, грома,—
Оборвалися цепи насилья
И разрушена жизни тюрьма!
Широки черноморские степи,
Буйна Волга, Урал златоруд!
Сгинь, кровавая плаха и цепи,
Каземат и неправедный суд!

За Землю, за Волю, за Хлеб трудовой
Идем мы на битву с врагами.—
Довольно им властвовать нами!
На бой, на бой!

Пролетела над Русью жар-птица,
Ярый гнев зажигая в груди...
Богородица наша Землица—
Вольный хлеб мужику уроди!
Сбылись давние думы и слухи,
Пробудился Народ-Святогор;
Будет мед на домашней краюхе
И на скатерти ярок узор.

За Землю, за Волю, за Хлеб трудовой
Идем мы на битву с врагами,—
Довольно им властвовать нами!
На бой, на бой!

Хлеб да соль, Костромич и Волынец,
Олончанин, Москвич, Сибиряк!
Наша Волюшка—Божий гостинец—
Человечеству светлый маяк!
От Байкала до теплаго Крыма
Расплеснется ржаной океан...
Ослепительней риз серафима
Заревой Святогоров кафтан.

За Землю, за Волю, за Хлеб трудовой
Идем мы на битву с врагами,—
Довольно им властвовать нами!
На бой, на бой!

Ставьте-ж свечи Мужицкому Спасу!
Знанье-брат, и Наука-сестра,—
Лик пшеничный, с брадой солнцевласой, —
Воплощенье любви и добра!
Оку Спасову сумрак несносен,
Ненавистен телец золотой:
Китеж-град, ладан Саровских сосен—
Вот наш край вожделенный, родной.

За Землю, за Волю, за Хлеб трудовой
Идем мы на битву с врагами,—
Довольно им властвовать нами!
На бой, на бой!

Верьте же, братья, за черным ненастьем
Блещет солнце—Господне окно;
Чашу с кровью—всемирным причастьем —
Нам испить до конца суждено.

За Землю, за Волю, за Хлеб трудовой
Идем мы на битву с врагами,—
Довольно им властвовать нами!
На бой, на бой!

(Из сборника «Красный звон»).

С. ЕСЕНИН.

Марфа Посадница.

Не сестра месяца из темного болота
В жемчуге кокошник в небо запрокинула,—
Ой, как выходила Марфа за ворота,
Письменище черное из дулейки вынула.

Раскололся зыками колокол на вече,
Замахали кружевом полотнища зорние,
Услыхали Ангелы голос человечий,
Отворили на-скоро окна-ставни горние.

Возговорит Марфа голосом серебряно:
— Ой ли внуки Васькины, правнуки Микулы!
Грамотой Московскою извольно повелено
Выгомонить вольницы бражные загулы!

Заходила буйница выхвали старинной,
Бороду как молнии выпячили грозно:
— Что нам Московия, как поставник блинный!
Там бояр-те жены хлыстают загозно!

Марфа на крылечко праву ножку кинула,
Левой помахала каблучком сафьяновым:
— Быть так,—кратко молвила, черны брови сдвинула,—
Не ручьи брызгатели выцветням росяновым...

* *
*

Не чернец беседует с Господом в затворе—
Царь московский Антихриста вызывает:
— Ой, Виельзевуле, горе мое горе,
Новгород мне вольный ног не лобызает!

Вылез из запечья сатана гадюкой,
В пучеглазых бельмах исчавелье ада:
— Побожися душу выдать мне порукой,
Иначе не будет с Новгородом слада!

Вынул он бумаги—облака клок,
Дал ему перо—от молнии стрелу.
Чиркнул царь кинжалищем локоток,
Расчеркнулся и зажал руку в полу.

Зарычит Антихрист земным гудом,
— А и сроку тебе, царь, даю четыреста лет!
Как пойдет на Москву заморский Иуда.
Тут тебе с Новгородом и сладу нет!

— А откуль гроза, когда ветер шумит?—
Задает ему царь хитрой вопрос.
Говорит сатана зыком черных згит:
— Этот ответ с собой ветер унес...

* *
*

На соборах Кремля колокола заплакали,
Собирались стрельцы из дальних слобод:
Кони ржали, сабли звякали;
Глас приказный чинно слухал народ.

Закраснели хоругви, образа засверкали,
Царь пожаловал бочку с вином,
Бабы подолами слезы утирали,—
Кто-то воротится невредим в дом?

Пошли стрельцы, запылили по полю;
— Берегись ты теперь, гордый Новгород!
Пики тенькали, кони топали,—
Никто не пожалел и не обернулся назад.

Возговорит царь жене своей;
— А и будет пир на красной браге!
Послал я сватать неучтивых семей,
Всем готова постель в темном овраге!

— Государь ты мой,—шомонит жена,—
Моему ль уму судить суд тебе!...
Тебе власть дана; тебе воля дана,
Ты челом лишь бьешь одней судьбе...

* *
*

В зарукавнике Марфа Богу молилась,
Рукавом горючи слезы утирала:
За окошко она наклонилась,
Голубей к себе па колени сзывала.

— Уж вы, голуби, слуги Боговы.
Солетайте-ко в райский терем,
Вертайтесь в земное логово,
Стучитесь к Новградским дверям!

Приносили голуби от Бога письмо,
Золотыми письменами рубленое;
Села Марфа за расшитою тесьмой:
— Уж ты счастье мое загубленное!

И писал Господь своей верной рабе:
— Не гони метлой тучу вихристу:
Как московский царь на кровавой гульбе
Продал душу свою Антихристу...

* *
*

А и минуло теперь четыреста лет.
Не пора ли нам, ребята, взяться за ум,
Исполнить святой Марфин завет,
Заглушить удалью Московский шум?

А пойдемте, бойцы, ловить кречетов,
Отошлем дикомытя с потребою царю:
Чтобы дал нам царь ответ в сечи той,
Чтоб не застил он новгородскую зарю.

Ты шуми, певуяный Волхов, шуми,
[illegible]збуди [illegible]ко с Буслави на-торгищь!
Выше, выше вихорь тучи подыми!
Ой ты Новгород родимый наш!

Как по былънице тропинка пролегла;
А пойдемте стольный Киев звать!
Ой ли вы с Кремля колокола,
А пора, небось, и честь вам знать!

Пропоем мы Богу с ветром тропарь,
Вепским белую попончу,
Загудит нам с веча колокол, как встарь.
Тут я, ребята, и покончу.

(Из сборника „Скифы").

С. КЛЫЧКОВ.

Выезд Бовы.

Пролетела бирюзою
Стая трепетных зарниц—
И серебряной слезою
С тихо дремлющихъ ресниц
Голубеющих небес
Месяц канул в дальний лес!

У царевны па окне
Золотые кружева...
В раннем сумраке Бова
Выезжает на коне.

Конь скакнул—стоит гора,
Под горою озера,
По долинам, меж травы
Пики, копья, булавы.
И пред каждым великаном,
Сладко спящим возле гор—
На ковре золототканном,
Чаши пенные озер:
Дожидаяся зари,
Сладко спят богатыри.

(Из книги „Песни").

А. ШИРЯЕВЕЦ.

* *
*

По заре наша ватага
Уплывала на улов.
— Будет рыба—будет брага
И в обновах рыболов!

Легко лодочка смолена
Словно птица понесла.
— Волга-матушка студена,
Много-ль рыбки нагнала?..

— Ой вы, рученьки могучи,
Невода тянуть пора!
— В неводах-то рыбы—кучи,
Словно груды серебра!

Поклонились Волге с лодки
За удачливый улов...
— Будет пьяна вся слободка,
При колечке рыбалов!

(Из журн. „Рыбачий мир." № 9. 1918 г).

П. ОРѢШИН.

Ночью.

Глянет синий из-за гор,
Улыбнется криво;
Озарит уснувший двор,
Зазвенит крапивой.

В тихом поле, за селом—
Выгоны и пашни.
В синих звездах—Божий Дом:
Башенки и башни.

Скажет матушка-земля
И услышит небо:
— Вы-ль не мучили меня,
Люди, из-за хлеба?

Вы-ли грудь мою сохой
Не избороздили?
Вы ли брата в час лихой
Хлебом накормили?

Тихо в сумраке ночном
С края и до края.
Над распаханным бугром—
Зорька золотая.

Дулейка.

В камышах шишикает шишига;
— Не купайся, сгинешь за копейку!
Дал шишиге хлеба я ковригу,
А шишига мне дала дулейку.

На дулейке только заиграю,
Все поля, вздохнув, заколосятся.
Потемнеет нива золотая,
Зашуршит—и сны ей тут приснятся.

Позабудут странники убоги
Долгий путь к угоднику Николе.
Соберутся, сядут при дороге,
Во широком златозванном поле.

Я возьму чудесную дулейку,
Заиграю звонким переливом.
— Ой ходила туча-лиходейка
По родным невыхоженным нивам!

— Ой, гуляли буйные ватаги,
Русь ковали въ тяжкие оковы.
— Ой, гуляли хмельные от браги
По Руси опричники царевы!

— Ой томились пойманные птахи
По родному, радостному краю,
Отрубали голову на плахе
Всенародно парню краснобаю!

— Ой, взгляните, люди, за покосы,
Не столбы ли виселицы видно?
— Ой, не волк ли пьет Господни росы,
Не седой ли плачется ехидно?

Зашумело вызревшее просо.
Распахнула зорюшка шубейку,
Положивши голову на посох,
Хвалят слезно странники дулейку.

В камышах шишикает шишига:
— Не купайся, сгинешь за копейку!
Дал шишиге хлеба я ковригу,
А шишига мне дала дулейку.

(Из книги „Зарево").

И. ИОНОВ.

Прощание.

Помни, славный, путь тернистый
И далекий пред тобой,
Но следи за серебристой,
Путеводною звездой.
Не гаси в борьбе с судьбою
Духа смелого огни...
Верь, за бурною грозою
Будут солнечные дни.
Если ж меньше станет силы,
Верен будь своей мечте,
И вернись, вернись, мой милый,
Со щитом иль на щите.

Много раз снега белели
На равнинах и холмах,
Много белых заблестело
Нитей в черных волосах,
Но из жизненного горна
Вышел крепким я, как сталь,
И стремлюсь вперед упорно
В перламутровую даль.
Не иссякла молодая
Верность пламенной мечте...
Я вернусь, вернусь, родная,
Со щитом иль на щите.

(Из книги „Алое поле").

М. ГЕРАСИМОВ.

Крест.

Трубит заводская сирена—
Зовет свободного раба...
У горнов огненная пена,
Болванок красные гроба.

В листах багрового железа
Читаю зов в межзвездный путь...
Плеснул из знойного разреза
Чугун, разжиженный как ртуть.

Внезапный крик. Один, распятый,
Лежал на золотом листе,
Змеистым пламенем объятый,
Горел на огненном кресте.

Он умер при машинном звоне;
Кипел чугун, сверкала сталь.
Лишь скованный на дымном троне,
Кровавый ангел рвался вдаль.

(Из «Сборника пролетарских писателей»).

И. ЛОГИНОВ.

В город.

Дальше, дальше от равнин.
От убогих деревушек,
Пошатнувшихся избушек,
От кручин
Путь один:
Только в город-исполин.

Только в городе возможны
И движенье и борьба.
А равнины безнадежны—
Такова равнин судьба.

Дальше, дальше от равнин,
В царство фабрик и машин,
В город шумный и суровый.
Где зачатки жизни новой.

На заводе.

В каждом звуке, в каждом стуке,
В каждом взмахе колеса,
Как в народе, как в природе,
Есть особая краса.

Не стыдиться, а влюбиться
Надо в молота удар,
В эти стоны, перезвоны,
В нестерпимый горна жар.

Шум заводов—мощь народов
Я давно уж полюбил...
Клич призывный, коллективный
Мне до смерти будет мил...

(Из книги «У станка»).

А. ГАСТЕВ.

Я полюбил.

Я полюбил тебя, рокот железный,
Стали и камня торжественный звон,
Лаву... Огонь беспокойный, мятежный
Гимнов машинных, бравурный их тон.

Я полюбил твои вихри могучие
Бурного моря колес и валов,
Громы раскатные, ритмы певучие,
Повести грозные, сказки без слов.

Но полюбил я и тишь напряженную,
Ровный и низкий и сдержанный ходъ.
Волю каленую, в бой снаряженную,
Мой дорогой, мой любимый завод.

(Из книги «Поэзия рабочего удара»).

САМОБЫТНИК.

Новому товарищу.

Вихрь крутящихся колес,
Пляска бешеных ремней...
Эй, товарищ, не робей!

Пусть гудит стальной хаос,
Пусть им взято море слез,
Много сгублено огней—
Не робей!

Ты пришел от мирных рос,
Светлых речек и полей...
Эй, товарищ, не робей!
Здесь безбрежное—слилось.
Невозможное—сбылось...
На заре грядущих дней—
Не робей!
Наше счастье поднялось
По верхам седых гребней...
В царстве скорби и теней
Солнце мощное зажглось,
И горит оно сильней—
Не робей!

Словно каменный колосс,
Сталь у бешеных ремней...
Пусть сильнее шум колес,
В цепь еще звено вплелось,
Рать сомкнулася плотней—
Не робей!

(Из журнала «Пролетарская культура», № 1, 1918 г.).

В. КИРИЛЛОВ.

Грядущему.

Я подслушал эти песни близких, радостных веков
В гулком вихре огнеликих, необъятных городов.
Я подслушал эти песни золотых грядущих дней
В шуме фабрик, в криках стали, в злобном шелесте ремней.
Я смотрел, как мой товарищ золотую сталь ковал.
И в тот миг Зари Грядущей лик чудесный разгадал.
Я узнал, что мудрость мира—вся вот в этом молотке,
В этой твердой и упорной и уверенной руке.
Чем сильнее звонкий молот будет бить, дробить, ковать,
Тем светлее будет радость в мире сумрачном сиять.
Чем проворней будут двигаться приводы, шестерни,
Тем пленительней и ярче загорятся наши дни.
Эти песни мне пропели миллионы голосов,
Миллионы синеблузых, сильных, смелых кузнецов.
Эти песни—зов мятежный, властный, красный, ясный звон,
Он вещает всем, что кончен долгой ночи мертвый сон.
Эти песни—зов могучий к солнцу, жизни и борьбе.
Это вызов гордый, гневный—злобной, тягостной судьбе.

(Из журнала „Грядущее", № 1, 1918 г.).

А. ПОМОРСКИЙ.

Похороны.

Безбрежный океан обнаженных голов,
Бурлящим потоком сомнения смяты...
Море цветов—
Венков...
Плакаты, плакаты...
Рвутся к неосознанным высям сердца,
Неумолимы людские прибои...
На алых флагах: борись до конца,
Слава павшим героям.

Уходят, приходят Армии Красной взводы,
Растет беспрерывность железных шагов.
То армия вечной свободы,
Войска грядущих веков.
Вьются флаги на стальных штыках,
Революционная мощь в сомкнутых рядах.

В музыке непоколебимаго строя,
Войско чествует память героя.
Гроб героя несут на руках,
Гроб утонул в цвѣтах.

Над ним багряность шумящих знамен,
Безпрерывность людских колонн,
Торжественность многоликих масс...
Хоронит трибуна рабочий класс.

На лицах людей страданье,
Как клинок кинжала блещет их взгляд.
Молчат дворцы угрюмо, соборы и здания.
Молчат, молчат...

Кроваво-сверкают на башнях часов циферблаты,
Роняют часы осторожные звоны.
В тумане сером людские колонны...
Цветы, венки, плакаты...

Заостренные грустью блещут усталые взоры,
Горячею жутью схвачены мощные груди,
Но нераздельною сталью спаяны во-едино люди,
Где-то гремит гром орудий...

Все вздрогнули при звуках хора,
Забились новым ритмом сердца,
В новых чувствах ступают массы им следом...
А эхо доносит: борьба до конца.
К победам, к победам...
При этих звуках плотнее сомкнулись штыки,
Колокол затрезвонил протяжный где-то...
Знамена, знамена, венки
Союзов, Союзовъ, Советов, Советов...

Грусть въ сердцах расплавлена,
Грудь тисками сдавлена,
Но все лучезарно, необычно, светло,
Обычное сжалось, куда-то ушло.

Улицы, площади, дома, магазины,
Все кипит в народной пучине,
Все потонуло в многомиллионном шуме,
Все забылось в огнезарной думе.

Все горело в циклонах стремления,
Все трепетало в огне достижения,
Стирая безумие безумных поверий,
Свергая твердыни закона.

В домах открылись окна и двери.
Темнеют от наших врагов балконы.
Им страшен народных ликований вал,
Робкие души страхом об'яты.

Интернационал.
На перекрестке оратор
Льет в груди огненных слов железо.
Где-то гремит марсельеза.

Острым мгновеньем звучит каждый шаг,
Кто-то поднял флаг,
Что-то поют, поют...
Салют, салют, салют...

В глубоком молчании на изломе улиц застыли
Пролетки, автомобили.
Знамена склонились. Борца схоронили.
Вечная память!..

(Из журнала «Пролетарская культура», № 2, 1918 г.).

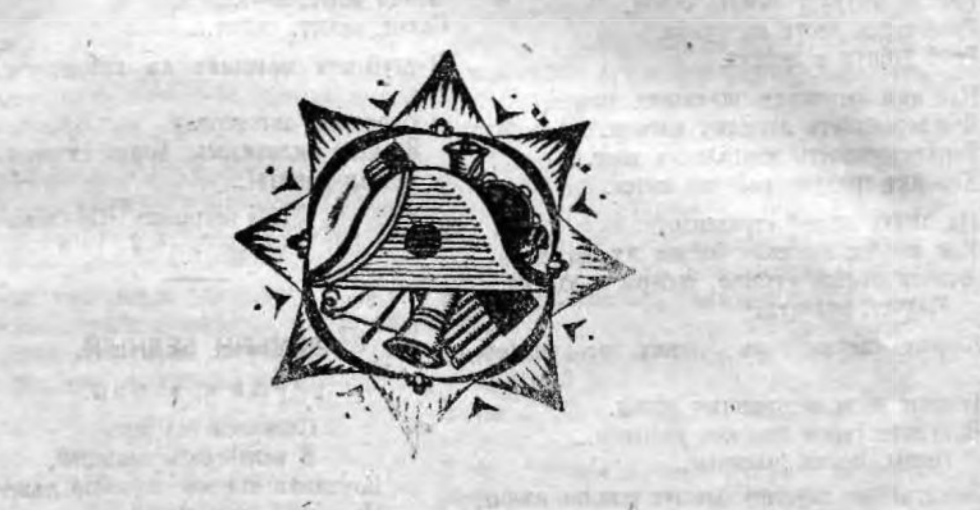
ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ.

Ерши и вьюны.

Слоняяся без дела
В реке средь камышей,
Компания вьюнов случайно налетела
На общий сбор ершей.
(«Случайно», говорю, — а может — «не случайно?»)
Ерши решали тайно,
Как им со щукою вести дальнейший бой?
Каких товарищей избрать в Совет ершиный
Для руководства всей борьбой
И управления общиной?
Достойных выбрали. — «Все любы вам, аль нет?»
— «Все любы!» — «Все!» — «Проголосуем».
— «Согласны, что и подписуем».
— «Позвольте! Как же так? Уж утвержден Совет?»
Пищит какой-то вьюн: «Да я-ж не подписался!»
— «Ты к нам откуда притесался?»

Кричат ерши:
«Не шебарши!»
«Чего не шебарши? Вьюны, чай, тоже рыбы.
Вы на собрание и нас позвать могли бы.
Есть промеж нас. вьюнов, почище вас умы.
Со щукой боремся и мы».
— «Вы!?»—«Чем напрасно горячиться
Да подыматься на дыбы.
Вам у вьюнов бы поучиться
Культурным способом борьбы».
— «Каким?»—«Сноровке и терпенью.
Уметь мелькнуть неслышной тенью.
Где—попросить, где погрозить,
Где аргументом поразить.—
Зря не казать своих колючек:
Колючки—это уже старо!»
— Постой. Наплел ты закорючек.
Да у вьюнов-то есть перо?»
— «Есть».—«Без колючек все?»—«Вестимо».
— «Тогда... плывите. братцы, мимо!»

(Из книги „Всякому свое").

ИСКУССТВО

ИСКУССТВО И ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

На востоке занялась заря новой жизни. Пролетариат России, во главе ее многомильонных трудящихся масс, сверг тяжелое иго капитала у себя в своей собственной стране и вступил в бой с эксплоататорами и угнетателями всего мира.

«Какое отношение это имеет к искусству?»— спросят художники,—«какое отношение имеет искусство к нашей борьбе?»—могут спросить некоторые товарищи. Ответ на эти вопросы может быть лишь следствием спокойного научного исследования сущности искусства в процессе его развития. Искусство—плод свободного развития человеческих чувств, вопрнятия впечатлений, всего, что нас окружает. Искусство, начиная с эпохи Возрождения, непосредственно, на первый взгляд, является воспроизведением в образах внутреннего мира художника. Но научное исследование не может удовлетвориться таким его общим определением. Преследуя задачу определения сущности искусства, оно проникает вглубь души художника не только в его сознательный, но и в его подсознательный мир и обозревает художественное творчество с момента его возникновения. И в результате взору исследователя представляется несколько иная картина.

С момента своего возникновения, в процессе хозяйственной деятельности первобытной общины, вплоть до эпохи Возрождения, искусство в большей или меньшей степени было плодом коллективнаго творчества, либо, по крайней мере, самого тесного, непосредственнаго общения между художником и народной массой. В последующие эпохи общение это постепенно ослабевает, но все же остается, несмотря на все усиливающееся на первый взгляд обособление художника от «толпы», ибо художник обыкновенно обладает сильно развитой чуткостью, восприимчивостью ко всему его окружающему, и не может не подвергаться воздействию извне. Он родится, воспитывается, живет, творит в данной, определенной общественной среде, в данной культурной обстановке, данной исторической эпохе, находящейся в преемственной связи с предшествующими ей эпохами¹. Раньше—художники воспитывались и творили в среде дворянства, мещанства, в эпоху развития городской жизни, и борьбы третьего сословия за освобождение личности от цепей феодальнаго строя,—в новейшее время—в среде буржуазии либо пролетариата, в эпоху капитализма, в обстановке борьбы пролетариата за освобождение его самого и всех обездоленных от ига капитала. Человечество же, членом которого он является, составляет часть природы, ведя с момента своего возникновения борьбу за существование с природой, стоящей вне его.

Внутренний мир художника—его психика, его понятия—не могут поэтому не отражать, в той либо иной форме окружающей его природы и общественной среды. Иногда эти впечатления воспринимаются им сознательно, иногда они, независимо от его сознания, проникают вглубь его души, в недра его подсознательной жизни. Так или иначе, внутренний мир художника—естественный продукт этой природы и этой среды. И поэтому фактически искусство является обобщением, организацией человеческих чувств. Точнее: оно составляет обобщение в образах—чувств той общественной среды, в обстановке которой родится, воспитывается, живет, творит художник. Чем сильнее, непосредственнее общение между художниками и окружающею их средой, чем сильнее воздействие на них общественных движений и идей, тем богаче цельнее и величественнее их творчество, тем определеннее, ярче стиль эпохи, тем теснее взаимная связь между собой различных отра-

---

¹) Эпоха «Возрождения» началась в искусстве в начале XIV в. и продолжалась в течение 200 лет приблизительно

слей искусства — архитектуры, живописи, скульптуры, музыки, театра, литературы. И в то же время чем сильнее воздействие общественных движений и идей на искусство, тем сильнее воздействие искусства на широкие массы.

Как каждая идея, так и каждое общественное движение со времени распадения первобытной общины и разделения человеческих обществъ на классы, имеет классовый характер. А потому и искусство является классовым, отражает в себе стремления и идеалы того или иного общественного класса и, воздействуя на чувства и сознание масс, служит, независимо от намерений художника, делу об'единения, сплочения этих масс во имя их классовых стремлений и идеалов. Мы сказали: независимо от намерений художника, ибо настоящее искусство, как плод свободного чувства, не может быть надуманным, руководимым извне, тенденциозным; но если оно не может быть тенденциозным, то зато оно не может не быть идейным. Ибо чем более чуток и восприимчив художник, тем более он любознателен, тем более он культурен, тем легче он проникается той или иной идеей, тем богаче его внутренний мир. Чем более чуток и восприимчив художник, чем богаче его внутренний мир, тем сильнее, ярче, величественнее его творчество. Великое искусство расцветает пышным цветом обыкновенно в обстановке буйной общественной жизни, в эпохи богатого культурного развития. Его двигателем бывает великая, мощная, всеоб'емлющая идея, порожденная вещественной обстановкой данной эпохи. Она охватывает всецело существо художника; под ее могучим влиянием усиливается темп его духовной жизни, его восприимчивость к красотам природы, к проявлениям общественной жизни. Она вполне естественно отражается во всем его творчестве; под ее влиянием он избирает те или иные сюжеты; она вдохновляет его на создание сильных, ярких образов, красивой, сильной, гармонической внешней формы, регулятором которой в общем и целом не может не быть природа.

Неоднократно случается, что художником овладевает не идея, а лишь сила буйной общественной жизни, воздействуя не на его сознание, а лишь на его чувство, на его подсознательный мир.

Многочисленные примеры из истории искусства подтверждают правильность высказанных нами положений. Двигателем в развитии греческого искусства был идеал полной жизни, физической и духовной красоты. В развитии творчества средневековых мастеров, начиная художниками катакомб и кончая итальянскими живописцами—Джиотто и Фра-Анжелико, и фламандскими живописцами—братьями Ван-Эйками было глубокое религиозное чувство, оплодотворенное идеей христианства. В эпоху Ренессанса ту же роль играет идея свободы человеческой личности. На Востоке пантеизм является живительным источником художественного творчества. Какое крупное значение в развитии этого творчества имеет умственнное развитие художника, его интерес к науке, либо общественной жизни, видно на примере таких мастеров, как бр. Ван-Эйки, великий японский художник Гокусаи, один из крупнейших ученых — живописец эпохи Возрождения — Леонардо да-Винчи, выдающийся ученый и политический борец, скульптор и живописец той же эпохи Микель-Анджелло, видный деятель Великой Французской революции Давид, коммунар 1871 г.— Курбэ и др. В Средние Века искусство служит стремлениям духовенства и интересам феодального строя, ибо внутренняя обстановка и внешний вид готических Соборов, воздействуя на психику масс, усиливают их религиозные чувства, их преклонение перед богом и их подчинение его «представителям» на земле—папам, епископам, ксендзам, а затем и господствующим классам вообще. В эпоху Возрождения оно отражает стремления и идеалы буржуазии—наиболее жизнеспособного, сознательного, активного и влиятельного тогда класса в борьбе народных масс против феодального строя. Но в эпоху господства буржуазии начинается процесс упадка художественного творчества, постепенно усиливавшийся по мере развития империализма и завершившийся в течение последнего десятилетия развитием в нем идей и течений, отражающих полное вырождение буржуазных классов.

Причины упадка кроются в самом характере буржуазного строя. В основе его лежит принцип частной собственности, производства на всемирный рынок и свободная конкуренция. Его развитие ведет к анархии в производстве, ослаблению общественного начала, порождает дух торгашества, стремление к наживе, ряд внутренних противоречий, крайний индивидуализм, проявляющийся не в стремлении к обезпечению провозглашенных французской революцией прав каждой личности, а в развитии прав одной личности на

[1]) Пантеисты считают божеством всю природу.

счет остальных; он подчиняет запросам рынка не только качество художественных произведений, но и их идею и методы творчества. Такая общественная обстановка парализует развитие великих идей и творческих сил. Все это роковым образом отражается на судьбах искусства. В художественном творчестве уже в период Возрождения начинается процесс обособления отдельных отраслей искусства. Декоративная живопись и скульптура падают, развивается станковая живопись и скульптура. Наступает кризис в развитии архитектуры, эпоха бессилия. Процесс разложения искусства приводит к нарушению внутреннего единства в каждой отдельной его отрасли. Во имя лозунга «искусство для искусства», под флагом борьбы с тенденциозностью развивается фактическая борьба с идейностью. Проявляется все большее игнорирование внутреннего содержания его произведений и все внимание сосредоточивается на искании новых внешних форм.

В началѣ второй половины XIX в., под влиянием сильного оживления въ общественных отношениях Европы, развивается натурализм, порождающий полное динамизма и жизнерадостности импрессионистское течение. В последнем замечаются, на ряду с элементами разложения (дифференциации), элементы синтеза. Подготовляется почва для возрождения декоративного искусства. Но разложение самого буржуазного общества быстро подвигается вперед. Развивается классовая борьба пролетариата против буржуазного строя. Буржуазия перед ее лицом окончательно поворачивает на путь реакции. В ее рядах происходит процесс вырождения, охватывая и тесно связанную с ней общественную группу интеллигенции, из среды которой по преимуществу рекрутируются художники. В сфере искусства буржуазия либо поддерживает выдохшийся академизм, либо гонится за новинками щекочущими ее притупленные нервы. Дело возрождения декоративного искусства и создания стиля эпохи оказывается не по силам новому, хилому духовно, ее поколению. Последним словом буржуазного искусства становится торжество давно зародившейся идеи аристократии духа. Развиваются: суб'ективизм, стремление уйти от общественной жизни и природы в себя, либо в мир фантазий и религиозных исканий. Дело создания нового стиля берут в свои руки такие представители крайнего суб'ективизма, как кубисты, футуристы. Большинство так наз. «левого крыла» художников, в том числе футуристы—представители искусства «будущего», отказывают в художественности творчеству всех предыдущих эпох и, игнорируя природу в области внешней формы творчества, не только не дают нового стиля, но способствуют дальнейшему разложению в искусстве, высказывая в то же время глубокое презрение к «толпе». Создается пропасть между миром современных художников и, с одной стороны—творчеством предыдущих эпох, с другой — современной общественной жизнью и природой. Во всем современном искусстве наступает тяжелый кризис; оно разлагается, увядает, ибо оказывается отрезанным от источников, из которых художественное творчество черпало в течение тысячелетий свои жизненные силы.

Теперь нам ясно, насколько тесна связь между искусством и совершившимся в России переворотом в сфере ее политической и экономической жизни. Переворот этот, сокрушив иго капитала, освободил от подчинения ему, от эксплоатации с его стороны, широкие массы трудящихся и в том числе мир искусства. Он создал условия для свободного развития и возрождения искусства. Он вызвал усиление темпа общественной жизни и дал сильный толчок развитию во всем мире новой великой идеи—идеи социализма, идеи освобождения всего человечества. Наступает эпоха величайшая в истории последнего, ибо в течение тысячелетий впервые выдвигается на очередь дня задача полного уничтожения эксплоатации человека человеком.

В такую эпоху масса пролетариата, творца новой жизни, не может оставаться равнодушной к искусству, ибо пролетариату предстоит стать хозяином мира и выполнить великую сложную творческую задачу пересоздания его на совершенно новых началах. Успех же выполнения им этой задачи зависит от развития в его среде самодеятельности, обусловленного его всесторонним умственным и духовным (психическим) развитием, в чем искусство играет колоссальную роль. В то же время и мир художников не может остаться в стороне от окружающей его мощной, кипучей общественной жизни.

Идеей социализма не может не проникнуться ни один из художников, обладающих чуткостью, восприимчивостью, жизненными силами и умственным развитием. Ей предстоит воодушевить их на создание нового великого искусства.

Каков же путь развития этого нового ис

кусства? Каковы же его характерные особенности, обусловленные развитием человеческого общества и назревающими в среде последнего тенденциями?

Современная эпоха — эпоха переходная, эпоха, с одной стороны, борьбы мирового пролетариата за его классовую диктатуру, с другой—социалистического строительства и борьбы за обеспечение свободного, беспрепятственного развития этого строительства. Ее сменит эпоха развития нового социалистического общества. В первую эпоху искусство неизбежно получит классовый, пролетарский характер, будет плодом самого тесного сближения мира художников с миром труда, отражением исторической роли, воплощением психики, идей борющагося пролетариата, плодом претворения завоеваний в сфере художественного творчества предыдущих эпох в его классовой индивидуальности. Последняя отразится и в основной идее, и в сюжетах, и во внешней форме искусства. Особенности пролетарской психики обусловлены общественными отношениями пролетариата: обобществлением его труда, его классовой борьбой, его ролью творца новой жизни. Это: самодеятельность, чувство международной, классовой солидарности, вечное непрерывное стремление вперед, чуткость к красотам природы, как естественная реакция против серой обстановки пропитанных дымом и копотью больших фабричных центров, свежесть, бодрость, уверенность в собственных силах, элементы организованности и самодисциплины. В виду этого—основной особенностью пролетарского творчества, являются: дух общественности, элемент динамизма, тенденция к созданию единого искусства, к сближению между собой всех его отраслей. Это искусство не может быть рабским воспроизведением форм природы, но и не может игнорировать богатства и красоты этих форм. Природе предстоит играть в его развитии роль регулятора. Пролетарскому искусству чуждо стремление к воспроизведению частностей и деталей, резко отделяющих один предмет, одно явление от другого; ему предстоит в известной мере выделять и подчеркивать то, что об'единяет предметы и явления, а не то, что их раз'единяет. Смелость линий, яркость и чистота красок, единство композиции составляют его неот'емлемые особенности.

До сих пор развитие пролетарского искусства тормозилось с одной стороны тяжелыми условиями труда пролетариев, не дающими возможности выявления всех способностей и талантов, которыми несомненно богата полная физической и духовной силы пролетарская среда; с другой—тем обстоятельством, что художники, в громадном большинстве случаев, рекрутировались из среды интеллигенции, которая и по своему прошлому, и по своей психике, а в значительной мере и по своим идеалам и стремлениям тесно примыкает к буржуазным классам и, в виду этого, неспособна проникнуть в глубь внутреннего мира пролетариата.

И все же элементы пролетарского искусства уже зародились в обстановке буйной общественной жизни, порожденной классовой борьбой пролетариата.

Предшественниками этого искусства являются великие художники периодов расцвета художественного творчества в предыдущие эпохи его развития. Его родоначальниками: великий бельгийский скульптор К. Мэнье и отчасти английский живописец-декоратор и поэт В. Моррис. Его представителями: в Бельгии — Е. Лярмэнс, скульптор Ван-Бисбрюк, в Голландии — Ван-Гог, Рол. ланд-Гольст, в Англии—В. Крэн и Ф. Бренгвин, во Франции — живописец М. Люс, скульптор Кордонье; дух пролетарского движения так или иначе отразился в творчестве великого рисовальщика Стейнлена, швейцарского живописца-декоратора Ф. Ходлера французских художников: скульптора А. Родэна и рисовальщика Домье. польских живописцев С. Выспянского и Я. Мальчевского; итальянских декораторов: Бианко, Инноченти, испанских—Англада и Зулоага, немецких живописцев Стерля и Эггер Линца, русских—скульптора Коненкова, гравера Фалилеева и других. Зародыш непосредственного пролетарского творчества составляют деятельность английской гильдии рабочих художественных производств, творчество ряда швейцарских живописцев, выставка картин которых была устроена в Цюрихе в начале 1914 г. (произведения вышеуказанных художников из рабочей среды, как то: Ван-Бисбрюка, М. Люса). Русская пролетарская революция, вызвав усиление самодеятельности рабочих масс, даст сильный толчок развитию непосредственного пролетарского творчества и в России и в других странах.

Это творчество явится естественным этапом по пути к развитию будущего социалистического искусства, которое будет следствием, с одной стороны, претворения в классовой индивидуальности пролетариата всех завоеваний в области искусства и его соб

ственных достижений, с другой — влияния общественных отношений будущего социалистического строя на психическое и умственное развитие трудящегося человечества. По своему характеру оно будет международным и общечеловеческим. Учитывая великое значение российской революции во всех отраслях общественной, в частности духовной жизни, обобщая и идейно отстаивая ее завоевания, наш журнал в области искусства ставит себе задачу: ознакомления пролетариата с его развитием и содействие выявлению кроющихся в среде пролетарских масс способностей и талантов и тем самым оздоровлению современного искусства. Говоря о развитии искусства, мы прежде всего имеем в виду периоды его расцвета в прошлом и элементы пролетарского творчества в новейшее время.

Находя, что всестороннее умственное и духовное развитие пролетарских масс составляет богатейший источник их сил в борьбе за социализм, и что искусство является мощным двигателем духовного развития, мы считаем это дело одной из важнейших своих задач.

Искусству.

В мире художественной мысли переворота еще не совершилось. Еще все осталось как было.

Мы, может быть, стоим на пороге совершения? Неужели и сейчас еще не время для революции здесь, в этой «стране»? В ней, правда, никогда и не было настоящего рабства. Право на свободную борьбу всегда было у всех созданий искусства. Но они должны обладать большим. Справедливо, чтобы у них было право не только на свободное существование в душе, но и на свободное проявление в мире, право на помощь и на сочувствие. Ведь, может быть, одна из самых первых задач человеческого общества в том, чтобы дать свободу проявляться на земле и делаться достоянием всех — созданиям человеческого духа.

Очень тяжело, почти невозможно существам только что являющимся в жизнь, выростать в мире не только враждебном,— это еще возможно было бы,—нет, больше того, в мире, где для них вовсе нет места, где их не видят и не слышат и осязать не могут, где нет внешних чувств для их восприятия. Потому-то и кажется явление каждого создания искусства чудом. Вдруг, откуда-то, из не реального, не видимого, не осязаемого мира является в наш мир что-то вполне реальное, даже более — настоящее и живое, чем то, что все время было перед глазами. Но ведь эта новая жизнь всегда была реальной, почему-же она должна была так долго оставаться не понимаемой, даже не замечаемой и потому одинокой и страдающей в этой земной жизни?

Правда, возможна и такая точка зрения на искусство, что именно так и должно оно существовать,—пусть будет оно всегда для людей чудом, пусть будет что-то за пределами обычной, злой людской жизни: мир во зле лежит, а это пусть будет добром, редким даром, чудесным минутным счастьем. Но если так думать об искусстве, то бесцельно по существу все, что совершается сейчас на земле. Ибо как будто мы стремимся к тому, чтобы мир не лежал во зле, чтобы мечты о всеобщем человеческом счастьи стали действительностью, чтобы чуду нашлось место в нашем простом человеческом мире. Как же осуществить эти мечты о всеобщем счастье, если самое большое счастье, творчество, живая жизнь человеческого духа, не станет счастьем всеобщим? Это, может быть, самая фантастическая мечта из всех, мечтавшихся когда-нибудь людьми. Но ведь каждая новая ступень жизни всегда казалась людям перенесением чуда на землю. А когда чудо осуществлялось, оно становилось простым человеческим делом, за ним же открывалась возможность нового «чуда», становилась видима где-то на недосягаемой высоте—новая ступень. Вот еще одна новая ступень перед нами, и достаточно сил в нас, чтобы переступить ее, только надо переступить всему человеку, ничего не должно оставаться позади, в старой жизни.

Вся жизнь, самая простая жизнь,—творчество. Чтобы исполнить простой труд, чтобы прожить обычный день, человек должен ощутить в этом дневном жизненном труде нечто новое и нужное для жизни. Без этого ощущения вся жизнь становится ненужной, каждый труд безмерно тягостным. Ясно, или смутно, но ощущение творческого деяния должно быть во всех, живущих самой обычной жизнью, людях. И, конечно, в каждой душе зарождаются новыя живыя мысли и чувства. Но мало того, чтобы они только зарождались где-то, невидимые, и мгновенно терялись. Надо, чтобы человек мог родить и выростить свою мысль и свое чувство. Чтобы не оставалось оно лежать в душе безжизненным, годами отлагающимся камнем, только тяготящим душу, и ничего не дающим ей для ея бегущей вперед жизни. Чтобы и не вырывалось оно несвязными порывами, чтобы не распылялось творческое ядро в бесплодный туман. Надо ему спокойно, естественно выростать до возраста зрелости и вступать в жизнь сильным, живым, новым существом духа. Нас этому не учили в школах. Нам только давали знания, научали. Но именно мудрость, запи-

санную в книгах, всего легче можно в будущем получить и без помощи старших, «мудрых». Этой же мудрости жизни, уменью творить, нельзя научить, ее надо возрастить душе. Это воспитание самого основного, самого глубокого в жизни, самой почвы в жизни, — воспитание воли, чувства бытия, жизненной воли к бытию. Ведь творчество и есть по существу своему не что иное, как выражение этой воли к бытию. «Прекрасное» в произведениях творчества есть только внешний образ ея проявлений. Прекрасна сама жизнь в ея глубине, прекрасно бытие. Но не красота бытия, а именно его движение, его стремление, влечет нас к себе.

И школа, и само устройство жизни, и вся культура жизни вели нас и до сих пор ведут только к тому, чтобы как можно лучше и удобнее приспособлять творческия усилия духа к тому, что уже есть на земле. Все надо осознать и все понять. Весь этот сложный и трудный строй жизни надо уметь противопоставить воле, стремящейся строить новое. Ей не дано первенствовать. Нет, она должна стать мягкой и льющейся, покорно разлиться по существующим уже пределам, если и изменить что, то только осторожным прикосновением, как вода, веками точащая камень. Но ведь эти стены и пределы, весь этот существующий строй мира созданы той же творческой волей. Как могут они не уступить ее новому напору?

Если произойдет настоящий великий переворот в области духовной жизни, то учить будут совсем другому. Будут учить тому, что весь строй жизни зиждется на силе творческой воли, что пределов ей нет. Все духовные силы должны быть направлены на то, чтобы ей удалось выявить себя в самом подлинном, первоначальном виде. Вся внешняя, трудовая, обычная, ежедневная жизнь должна быть ее отражением, согласно ей строиться и меняться и быть постоянно в согласном с ней движении. И только если произойдет такой переворот, искусство станет для всех людей тем, что оно по-настоящему есть, первым, самым сильным строителем жизни. Ведь только оно одно умеет передавать то, что творится в душе, без условностей, без насильственного соглашения с окружающим миром, оно одно просто отражает внутреннюю творческую жизнь человека в ее самом чистом, первоначальном виде. Эта жизнь нам, конечно, важнее всего, она — наша настоящая жизнь, без искусства мы были бы поистине немы, не сумели бы высказать то, что нам всего важнее высказать.

До сих пор мы черпали из сокровищницы этой жизни в уверенности, что она неисчерпаема, что можно эти сокровища и расточать, и бросать, как ненужные вещи, считали их простыми украшениями «настоящей» жизни. Но, может быть, рано или поздно мы поверим, что только одна эта сокровищница и есть у нас, что радость жизни в одних этих драгоценностях? Что не украшать ими надо жизнь, а само живое тело нашей земной жизни слагается из них. И, если мы хотим, чтобы поистине ценной и радостной была наша жизнь, то силою всех, всего человечества, надо до верху наполнить эту сокровищницу, и все наше земное существование слагать из одних живых драгоценностей человеческого творческого духа.

Н. Брюсова.

Евгений Лярменс.

На краю столицы Бельгии—г. Брюсселя, в предместии Мэленбэк-Сэн-Жан, в небольшом доме, утопающем в зелени и цветах, в 1868 г. родился один из наиболее талантливых современных живописцев Евгений Лярмэнс, сын художника Иосифа Лярменса.

Его творчество развилось под влиянием традиций великого фламандского искусства, природы и общественных отношений современной Бельгии, и тяжелых условий его личной жизни.

Будучи ребенком Е. Лярмэнс страстно любил природу. Он проводил целые часы в старом саду, окружающем дом его отца, наблюдая оттенки цветов освещенной солнцем буйной растительности. 11 лет от роду он потерял слух. Это усилило его вдумчивость, сосредоточенность. На ряду с любовью к природе, у него развилась любовь к чтению, а в последствии к занятию философией. Когда он вырос и стал живописцем, то сосредотоил свое внимание на постоянном искании красочных эфектов и впечатлений окружающей среды. Ежедневно в 8 ч. утра Е. Лярмэнс выходит на прогулку. Встречая по дороге прохожих и возвращающихся с базара крестьян, в разноцветных костюмах, на телегах, нагруженных овощами и зеленью, он останавливается и пристально осматривает их; затем заходит во дворы попадающихся ему на пути домов и фабричных зданий, где ни один предмет, ни одна бытовая картина не ускользает от его внимания. Возвратившись домой, он окидывает взором старый сад и тогда заходит в мастерскую и принимается за работу. Из художников не остались без влияния на развитие его творческой индивидуальности: картины старых мастеров — П. Рубэнса, Брейгеля, а из современных скульптура родоначальника пролетарского искусства—К. Мэнье.

Начало творчества Е. Лярмэнса относится ко времени развития в Бельгии капитализма которое его соотечественник, великий поэт Э. Верхарн. охарактеризовал, между прочим в следующем отрывке одного из своих стихотворений—«Вымирание деревни»:

«Поля кончают жизнь под тяжкой колесницей,
Которую на них дух века ополчил.
И тянет щупальцы столица за столицей,
Чтоб высосать из них остаток прежних сил».

На глазах художника, страстно любящего природу, срывались дома, сады, вырубались деревья, воздвигались, словно казармы, мрачные фабричные здание, окутывающие дымом окрестности, насыщающие воздух копотью. Это возбуждало в нем ненависть к капиталистическому строю и усиливало любовь к природе, возбуждая также симпатию к жертвам капитала—рабочим и городской и деревенской бедноте. Постепенно развилось рабочее движение, и порождаемая им, сильно пульсирующая общественная жизнь городов и их фабричных предместий, захватывала все существо Лярмэнса. В душу молодого художника глубоко запал факт отказа мещан Мэленбэка принять участие в подавлении волнений среди рабочих.

По характеру своего творчества Лярменс, как увидим — натуралист-синтетик. В его живописи отразился: элемент национальный—фламандский и международный; впечатления мелкобуржуазной среды его ранней молодости и—пролетарской—периода расцвета его творчества. Последние взяли перевес, вследствие мощи бельгийского пролетарского движения. Быть может, именно благодаря этому, его творчество овеяно духом панкосмизма, и обладает таким образом особенностью, присущей большинству старых фламандских живописцев. Лярмэнс обыкновенно изображает человека на фоне природы. Его персонажи—главным образом—жертвы капитала.

Его картинам придает особенную яркость элемент контраста—противопоставление друг другу двух противоположных по своему характеру явлений. Вот группа крестьян среди красивой, дышащей жизнью природы, по окаймленной деревьями дороге, несет на кладбище бедняка в простом деревянном гробу, окончившего свою трудовую жизнь.

Картина грустная по сюжету. Но на стенах церкви и на листьях деревьев, осеняющих место вечнаго покоя, весело играет луч заходящего солнца, подчеркивая элемент грусти и в тоже время как бы противопоставляя скоропроходящей человеческой жизни вечную жизнь природы. В офорте на ту-же тему, ломанная линия резкого поворота дороги, по которой несут покойника, приковывает к себе внимание зрителя, вследствие чего особенно ярко выступает общий характер картины. Но иногда, как бы отзвук того времени, когда Мэленбэк жил тихой, безмятежной жизнью, утопая в зелени многочисленных садов, среди грустных в общем и целом сюжетов Е. Лярменса, попадаются и дышащие жизнерадостностью, так напр., «Купанье», либо полные спокойствия, как «Прогулка в деревне».

Мы определили Е. Лярмэнса, как натуралиста - синтетика. Эта его особенность состоит прежде всего в цельности и единстве композиции его картин, а затем в том, что их внешняя форма вполне естественна, но чужда мелочей, деталей. Вот, напр. отмеченный уже выше офорт «Похороны». Толпа несущая гроб, преставляет собой яркое, законченное в себе темное пятно на фоне природы, очерченное линией, строго гармонизованной с линиями окружающей ее среды. Внимание зрителя не распыляется, а сосредоточивается на главном предмете, что усиливает производимое им впечатление. А, вот картина «Осень». День близится к концу. Солнце играет на желтеющих листьях деревьев и стенах деревенских изб. По дороге идет пара сгорбленных нищих—мущина и женщина. Здесь и название, и внешняя форма вполне отвечают сюжету. При этом и деревья и лица стариков очерчены вполне естественной линией, но последняя более ломанная, чем круглая и изображает не детали, а лишь общие контуры предметов. Эта особенность творчества Лярменса отражает дух коллектива, дух пролетарской среды: в картине подчеркивается не то, что отделяет друг от друга предметы и явления, а то, что их об'единяет. Другой особенностью пролетарской среды в творчестве Лярмэнса является его динамизм. Все его картины дышат жизнью; людей, отдельных лиц и толпу он везде представляет в плавном ритмическом движении. Наконец, Е. Лярмэнс—чуть ли не самый выдающийся из современных художников изобразитель толпы. Толпа представляет собой у него как бы особый организм, он мастерски воспроизводит общественную психику. В ряде своих произведений Е. Лярмэнс, подобно К. Мэнье, дает целую эпопею пролетариата, как бы воспроизводя процес развития пролетариата в различные периоды его постепенного об'единения. Вот толпа молящихся мелких буржуа тихого предместия. Летний вечер. Кругом мировая тишина. Солнце зашло. Лиловые облака с красноватым отливом отражаются в неподвижной зеркальной поверхности озера. Охваченная религиозным экстазом толпа, преклонив колена на берегу озера творит вечернюю молитву. В воображении зрителя издали доносится звон колоколов. Другая картина—одно из проявлений тяжелой жизни рабочих, доминирующее в их среде в начальном периоде развития фабрично-заводского производства. Двое рабочих несут мертвое тело товарища, погибшего во время катастрофы на заводе. На другой картине художник изображает женщину и детей, ведущих под руки из кабака домой шатающагося отца семейства. Одно из первых стихийных проявлений стремления пролетариев к улучшению их быта составляет эмиграция. В большом триптихе, хранящемся в антверпенском музее, Лярмэнс изображает «Эмигрантов». Разнородная, разноплеменная толпа движется к пристани, очертания которой вырисовываются на морском берегу. Это несомненно коллектив, а не ряд искусственно сопоставленных, ничем одно с другим не связанных лиц, как на картинах художников старой школы.

Но в этом коллективе незаметно того единства психики, которое бросается в глаза при виде отмеченной выше картины «Молитва».

Совершенно иной представляется толпа на картине «Забастовка». При виде ее вспоминаются невольно слова Э. Верхарна:

«Улица, быстрым потоком шагов.
Плеч, и рук, и голов.
Катится в яростном шуме.
К мигу безумий,
Но вместе—
К свершеньям, к надеждам и к мести.
Улица грозная, улица красная
Властная.....»

Вечер. По берегу реки, как будто вырастая из мостовой, движется толпа забастовщиков с красным знаменем. Бледный лунный свет освещает белые стены фабричных зданий, отражается в реке, озаряет лица рабочих, придавая картине какой-то таинственный грозный характер. Герой картины—толпа. Если пристально вглядеться в

отдельные лица, то можно заметить в каждом из них кой-какие индивидуальные особенности. Но над этими деталями доминирует впечатление коллектива, единой души толпы, об'единенной единой волей, властно движущей ее к намеченной цели. Чувства, мысли, стремления всех слились в эту общую единую, непреклонную волю, давая образ могучей, почти, непобедимой силы.

«Все она может! все она в силах!
Одно лишь мгновенье
Даст более ей,
Чем целых веков тяготенье».

Простая смелая линия, соответствующий колорит—завершают цельность картины.

Много пережил Е. Лярмэнс с тех пор, как написал ее. Он сошелся с деятелями рабочей партии, был иллюстратором журналов издаваемых Э. Верхарном и Ванедервельде. Втечение некоторого времени был лишен возможности работать, болея глазами. И, когда выздоровел, дал ряд новых картин, из которых многие овеяны глубокой грустью, отражающей впечатления первых годов его творчества и тяжелые моменты в его жизни. И все они, как и все творчество Е. Лярмэнса показывают, как глубоко проникся художник судьбой пролетариев и всех угнетенных. Все его произведения являются в той или иной форме воплощением протеста против несправедливостей общественного строя и превратностей природы.

Все они по внешней форме, по цѣльности композиции, смелости линии отражают дух пролетарского движения.

Над всеми ими, все же доминирует «Забастовка» являющаяся одним из крупнейших шедевров современной живописи, связавшая неразрывными узами ее автора с пролетарским миром.

Е. Лярмэнс,создав десятки картин и офортов, овеянных единым духом, внес богатый вклад в скарбницу пролетарского творчества. Он сделал для его развития все, что мог сделать художник-интеллигент в его положении, в современную ему эпоху. И в истории он займет почетное место на ряду с великим родоначальником пролетарского искусства — К. Мэнье. Художники же пролетарии поведут дальше их дело, завершая то здание пролетарского искусства, которое начали строить эти два художника, положившие первые камни его фундамента.

Н. Залевский.

Искусство в школе.

МУЗЫКА.

То, о чем давно уже думали и говорили лучшие представители музыки, и что так еще недавно с силой выразила в своей заметке—манифесте «За искусство» Н. Я. Брюсова [1]),—начинает, наконец, осуществляться: искусство проникает в школу наравне с наукой.

Недавно созванная Комиссия по введенію преподавания музыки в общеобразовательной школе составила программу преподавания музыки, уже одобренную Комиссией по Реформе Школы и принятую, таким образом, к ближайшему осуществлению.

Наконец и вторая половина «я» ребенка—его чувство—будет развиваться параллельно с развитием его первой половины—сознания. Искусство входит теперь в школу не как падчерица, но как равный член среди всех предметов школы. Но, к глубокому сожалению, приходится признать, что революция в школе еще не завоевала себе прав, и—как ни странно—необходимостью новых путей для школы не прониклись на этот раз сами люди искусства. Так, некоторые члены, Комиссии по преподаванию музыки в школе—оказались настолько пропитанными схоластикой (и как следствием ея—реакцией, ибо все, что не двигается вперед—отступает назад), что наиболее революционным членам пришлось выдержать некую борьбу, победителем в которой, пожалуй, имеют право назваться представители схоластических взглядов больше, чем революционеры и «бунтари-москвичи». Так, первые провели частями почти все существенное из своей программы, сохранив даже в заглавии предмета слово «пение» наряду с «музыкой». Это, на первый взгляд невинное и несущественное, добавление имеет, однако, свои нежелательные последствия: в школе попрежнему будет поставлено только пение, и, очевидно, если судить по программе членов—схоластиков, будет поставлено так же плохо, как и при прежнем строе школы, т.-е., ребенок снова не будет развивать свое чувство ритма и ритм своего чувства, но по-прежнему будет петь «в хоре из лучших голосов на вечерах и праздниках школы» и т. д. Словом, попрежнему ребенок не будет ничего знать о музыке, попрежнему будет смотреть на урок пения, как на безполезный и скучный (и конечно вполне правильно), попрежнему не будет слушать музыку, как ритм своего чувства; одним словом — по старому активное творческое исполнение ребенком музыки будет подавляться и попрежнему его будут учить правильно петь, но не слушать.

Быть может мы и не правы (очень хотелось бы не быть пророком в своем отечестве), но во всяком случае заявление одного из разбираемых членов — «высоко будете прыгать, оступитесь в яму»—не заставляет смотреть на проводимую реформу слишком оптимистично.

Хочется, в противоположность этому, отметить ясно-осознанное стремление Музыкального Совета, представители которого также входили в названную Комиссию, уйти от опротивевшей рутины прошлого и двинуться по новому, открывающему такие широкие перспективы, пути. Является уверенность, что—если дело преподавания музыки пойдет по прежнему пути схоластики — Музыкальный Совет перерешит в будущем решение Комиссии, составив (разумеется, уже вполне самостоятельно) программу, действительно в корне меняющую постановку преподавания музыки, и добьется, что музыка—и именно вся музыка, а не только пение—войдет в жизнь школы.

Будем ждать.

Г. Щ.

---

1) Журнал «Новая Школа», № 4, 1918 г. Москва.

II ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ ИСКУССТВА.

Искусство, оторванное от волнующейся жизни, и серая обывательская жизнь, лишенная искусства,—вот какими явлениями

характеризуется влияние капиталистического строя на художественную жизнь.

Построенная на буржуазных основах, цензовая общеобразовательная школа отражает эти явления в своих приемах художественного воспитания молодежи. Имея налицо плоды этой уродливой системы художественного образования молодежи, мы должны ныне, при созидании социалистической школы, пред'угадать новые методы в этом деле. Тогда работники в области пролетарской—культуры, пролетарского искусства—смогут не только избежать старых ошибок, но создадут благоприятную почву и целесообразные здравые приемы для выявления молодых, пролетарских творческих сил с их новыми задачами и средствами.

Каковы же были методы художественного образования молодежи в прежней школе? Прежде всего они были насквозь пропитаны идеями и устремлениями старого буржуазного общества. Мы видим здесь картину замкнутости художественной жизни, искусственного культивирования пресловутой буржуазной формулы «искусство ради самого искусства». Другими словами,—искусства, по существу своему узко классового, по форме же подчиненного стремлению «украшения» жизни. На практике же—это есть замена красоты—красивостью, истинных эстетических ценностей—художественными суррогатами.

В области чисто педагогических приемов эстетического развития учащейся молодежи—мы наблюдаем: неуменье выявить и направить молодые творческие силы; неуменье отделить задачи художественного воспитания в рамках общеобразовательной школы от специальных задач, преследуемых в художественных школах.

Сюда же присоединяется: деление учеников на талантливых и бездарных; перенесение центра всей преподавательской работы и внимания на техническую сторону искусства, стремление научить «понимать» искусство рассудком, а не чувством.

Все эти ложные педагогические приемы привели к одному явлению, которое следует признать наиболее характерным для постановки художественного образования в буржуазной «средней» школе: учителя-художники создают ничтожное количество учащихся, активно занимающихся творчеством, благодаря приобретенной ими технической сноровке. Большинство же—уверившись в «отсутствии» у себя «дарования» и в своем «неумении» творить, отстраняется от творчества и художественной жизни (даже от пассивного восприятия искусства), и убивает в себе свои творческие потребности, и, наконец, даже просто интерес к искусству. Мало того, в связи с низким уровнем своих эстетических запросов, они обнаруживают полную оторванность от быстро идущего вперед искусства. А разве те новые проявления последнего, которые не могут ужиться с буржуазной культурой, не близки уже духу революционного пролетариата, не являются предвестниками грядущего пролетарского искусства? В силу общественных и моральных рамок среды и школы, эта молодежь воспитана на такого рода искусстве, которое своим созерцательно-спокойным, или же «украшающим» прикладным характером, лишь убаюкивает творческую волю.—Не такому искусству дано воспитывать более высокие потребности:—волю к бытию, а, следовательно, к борьбе и творчеству. Не знающий этих суррогатов искусства пролетариат, с его непочатыми творческими силами, конечно, найдет новые изобразительные формы, в которые он выльет свои духовные потребности и свою волю к красивой жизни. И в новой, социалистической школе творческие данные пролетарской молодежи не должны умерщвляться неумелым художественным образованием. Творческие же эстетические запросы заложены в каждом из нас, надо лишь создать возможность их плодотворного развития и воплощения.

«Средняя школа», построенная на старых основах, основах буржуазной культуры, не смогла создать благоприятной обстановки для выявления творческих сил вверенной ей молодежи. Она лишь фабрикует обывателя, эстетическое чувство которого либо спит притупленное, либо совсем сведено на нет. И поэтому она не способна пойти навстречу пролетариату и его мощным творческим потребностям.

А искушенный пролетариат, несомненно, не пойдет на приманку буржуазии—не поверит ее либерализму, который в области художественной жизни находит свое «крайнее» выражение в словах салонного поэта Игоря Северянина:

«... пора популярить изыски (!)
Утончиться вкусам народа...»

Вообще создание пролетарского искусства должно быть только делом самого пролетариата!

По сравнению со всем тем, что прежде

делалось, как государственным, так и частным путем в области художественной жизни—власть пролетариата сделала громадный шаг вперед. Много старых предрассудков отброшено в архив капиталистического строя, целый ряд организационных мер гарантирует неприкосновенную целость его прошлого, творческую свободу настоящего и его процветание, как независимого социального фактора, в будущем.

Но идеологи пролетарского творчества, в их борьбе с буржуазным искусством, близки к другой крайности: искусство ими часто рассматривается односторонне, как один из факторов борьбы и воспитания. Этим предопределяется будущая физиономия искусства, в социальной жизни—тенденциозная, в школе же носящая иллюстративно-вспомогательный характер. Чтобы не быть голословными, приведем примеры: т. Ф. Калинин [1]) следующим образом подчеркивает ценность искусства в смысле определенного направления психологического и морального воздействия:

> «...искусство—средство организации жизни, которым можно и необходимо пользоваться, как средством борьбы....»
>
> «... искусство легче всего может проникнуть в семейный быт и влиять на психологию человека, освобождая его от предрассудков....»—

или:

> «... предварительное восприятие искусства поможет предупреждать практические противоречия и столкновения и усилит нашу способность в борьбе...» [2])

Такого рода крайности мы должны рассматривать, как следствие вполне естественного стремления отклониться подальше от замкнутости «прекрасного» искусства капиталистического строя и создать искусство, живое своей связью с происходящей борьбой, ценное своей жизненной силой. Исходным пунктом этого стремления служит взгляд на искусство, как на фактор общественной жизни, поскольку он возбуждает волю к бытию, к борьбе, творчеству. Последнее положение не только не является ложным, но, наоборот, определяет истинную роль и более высокие цели искусства, в рамках пролетарской культуры. Однако из этого положения мы сделаем иной вывод, нежели тов. Калинин, а именно: пробужденная этим новым искусством творческая воля пролетариата возбудит эстетический протест против противоречия действительности—запросам души и чувства. И творчество будет тогда направлено не на иллюстративное, морально-воспитательное воздействие, а на создание красоты вокруг. И это стремление к красоте бытия отнюдь не явится шагом назад, к целям и средствам «украшающего» искусства,—ибо не красивость, а настоящая глубокая, выявленная из жизни красота определит пути этого творчества.

К сожалению, при построении перспектив художественного образования в рамках социалистической общеобразовательной школы [3]) приходится опять начинать с возражения. Последнее диктуется опасением вредных следствий, могущих возникнуть от неправильно намеченного положения искусства и его преподавания при обсуждении [4]) трудового начала воспитания. Характер трудовой школы-коммуны определяется

> «.... воспитанием способности организовать производительный труд..., поддержанием существования школьного сообщества путем коллективного труда...» —

Всевозможные трудовые процессы

> «.... тесно связаны с преподаваемыми предметами и должны возбуждать в учащихся новые запросы и любознательность...»

К сожалению, эта в высшей степени здравая и социалистически целесообразная школьная система вводит и художественное творчество в рубрики узко трудовых процессов. Оно сокращается до размеров преподавания художественных ремесл, хотя и с целями «художественно-эстетического развития учащихся». Не забывается ни сапожное, ни портняжное, ни гончарное мастерство, в ущерб делу правильной постановки художественного творчества.

---

[1]) «Пролетарская Культура» — № 2; статья: «Рабочий Клуб».

[2]) «Пролетарская Культура» — № 1; статья: «Пролетариат и творчество».

[3]) См. циркуляр отдела Единой Школы, а также № 12 прил. к Изв. Ц. И. К. «Народное просвещение».

[4]) Характер постановки художественной работы в профессиональных художественных школах определяется деятельностью Пролеткультов (см. тезисы и резол. 1-ой Моск. Конфер. Пролет. Культурно-Просвет. организацій) и декретами Отд. Изобразительных Искусств Комисс. Нар. Просв.. (см. журнал «Народное Просвещение» №№ 1—2. 3, еженед. прил. к Изв. Ц. И. К.: «Народное Просвещение» №№ 1, 9).

На основании всего вышесказанного хотелось бы конкретно определить те новые направления, в которых должна была бы развиваться преподавательская деятельность в области эстетического воспитания учащихся в стенах общеобразовательной школы.

Прежде всего необходимо подойти к ребенку с убеждением в его творческом чувстве, с стремлением выявить его эстетические творческие потребности и создать благоприятную обстановку для их развития и воплощения.

Необходимо признать каждого ребенка творцом и художником; доставить всем возможность и средства творить, независимо от их умственных или других данных; объединить молодежь общим стремлением к художественному творчеству, как радости бытия, открыть юные глаза на прошлое, настоящее и будущее искусства, его цели и средства,—вот чисто педагогические задачи художника-преподавателя в общеобразовательной школе. Этими задачами определяется грань между общим художественным образованием (в средней школе) и специальным (в профессиональной). Не нужно бояться, что у нас окажется слишком мало художников, способных до такой степени отрешиться от старых предрассудков в области искусства и педагогики. Ведь для общеобразовательной школы нам нужны не столько художники-профессионалы, сколько идеологи детского творчества, и притом творчества пролетарского.

Школа, построенная на основах социалистической идеологии, преследующая коллективистический идеал воспитания[1]) должна утвердить формулы «творчества всех для всех». Эта школа должна культивировать первые проблески пролетарского молодого творчества,—ибо в ее стенах они блеснут впервые. Тем более, призванные к этому делу художники должны стараться приготовить педагогические рамки для своей деятельности. Они должны настаивать, чтобы во всех начинаниях, направленных к образованию пролетарской молодежи, делу художественного воспитания было уделено соответствующее место При новой постановке преподавания искусства в общеобразовательной школе, из нее будут выходить не эстетически притупленные обыватели, а молодые граждане, с волей к творчеству и жизни, волей, которая их заставит выявить красоту этой жизни. Лишь эти люди будут способны создать новые, более красивые условия жизни, создать пролетарскую культуру и пролетарское искусство. Сознательное отношение этой пролетарской молодежи к искусству и его прошлому поможет ей осветить его с точки зрения социалистического миропонимания и открыть в его истории страницы народного творчества. У пролетарского искусства окажутся тогда не только широкие перспективы творчества в будущем—в истории его прошлого будет также обретена богатая сокровищница художественных ценностей.

Константин Крайний.

---

[1]) Освещение этой формы воспитания в противовес идеалам старой школы см. в прекрасной статье тов Богданова: «Пролетарская Культура» № 2-ой.

Художественная жизнь *).

I. ЧЕТЫРЕ МЕСЯЦА РАБОТЫ.

Таким кратким периодом времени измеряется существование и деятельность Московской Коллегии Изобразительных Искусств, которая является органом вдохновляющим и направляющим деятельность Московскаго Отдела Изобразительных Искусств при Комиссариате Народного Просвещения.

За это время Коллегия, состоящая из живописцев, скульпторов и архитекторов-завершила сложный и неблагодарный труд организации самого отдела и выработки программ его деятельности. Распределена работа, намечен характер взаимоотношений с другими отделами, кооптированы нужные лица, составлены сметы—словом машина пущена. Организация еще не закончена, но дело начато и уже ощутительно проявляется в самых разнообразных областях художественной жизни. Конечно, пока еще очень многое не успело осуществится. Надо принять во внимание, что лица работающие в Коллегии — это все деятели искусства, которым раньше не приходилось заниматься организационной работой в государственном масштабе. Испытанные организаторы, конечно, смогут найти поводы для критики тех или иных мероприятий. Но Комиссариат, призывая к деятельности все наиболее молодые и жизнеспособные силы страны, конечно, ждал от них не опыта и мудрости, а новизны подхода к делу, творческой инициативы и плодотворной энергии. И это оправдалось. Несмотря на то, что на первое полугодие еще не была составлена смета, Коллегии все же удалось осуществить часть намеченных планов и реформ. Так, в результате ряда ходатайств перед Нар. Ком. А. В. Луначарским, перед Нар. Ком. Л. Д. Троцким и Высшим Военным Советом был издан декрет 26-го июля 1918 года о взятии художников на учет по специальности для военно-маскировочной школы. Кроме того, установлена связь для совместной работы со следующими отделами Ком. Нар. Просвещения: съ Музейным отделом—по общим художественным вопросам; с Внешкольным отделом пс вопросу о народныхъ домах; со Школьным отделом по вопросу о реформе Художественного Образования на средней и низшей ступени Единой Трудовой Школы; с Дошкольным отделом по вопросу о детских игрушках и мебели для детских садов.

На основании декрета 12 июля 1918 года Московское Художественное Общество, на средства которого существовало училище Живописи, Ваяния и Зодчества, было национализировано и суммы его отошли в Ком. Нар. Просвещения, а училище перешло в ведение Отдела Изобраз. Искусств при Ком. Нар. Просвещения. В связи с этим, отдел назначил уполномоченным училища члена Коллегии худ. Машкова, а школьный подотдел в спешном порядке занялся разработкой проекта реорганизации преподавания к ближайшему учебному году. Отдел провел через Госуд. Коллегию Ком. Нар. Просвещения, проэкт Госуд. фабрики красок и испытательной станции, разрешив, таким образом, вопрос о живописных материалах. Затем отдел усиленно ходатайствует об издании декрета о предоставлении Нескучного Дворца для нужд организации художественной жизни деятелей искусства.

Отдел, для выполнения программы удовлетворения художественных нужд, развернул смету для Петроградского и Московского районов в размере 14.500.000 рублей. Эта сумма вряд ли достаточна, чтобы удовлетворить потребность в художественном и художественно-промышлянном образовании, запросы на которые в громадном количестве поступают со всех углов обновленной, жаждущей просвещения страны. Самые значительные параграфы из сметы для Московского отдела следующие: намечены 9 художественных школ высшего типа в следующих городах: Уфе, Туле, Иваново-Вознесенске, Павловском посаде, Костроме, Сергиевском посаде, Рязани, Пензе, Саратове, Орле, Вятке, Вологде, Новгороде, Нижнем-Новгороде. Кроме того, намечено 20 ремесленных школ в разных городах промышленных и кустарных местностей, художественное издательство, приобретение произведений современного искусства, конференция художественно-ученических организаций по реформе школ, пролетарские выставки, лекции, экскурсии, пособия художественным организациям, собрание и приобретение образцов народного творчества и художественной промышленности, конкурсы, склад-магазин художественных материалов, об'единение и общая связь, с'езды, журнал художественной промышленности, содержание Строгановского Центрально - Художественного училища с филиальным отделением. содержание Декоративного Института при Строгановском училище.

С утверждением сметы отдел предполагаетъ организовать работу со включением

*) К сожалению, вследствие запоздания выхода в свет журнала—хроника художественной жизни сильно устарела и много заметок имеют теперь чисто исторический характер.

сметных пунктов, что даст возможность вести работу в удвоенном темпе, с одной стороны разгружая, а с другой стороны пополняя отдел новыми планами и проектами.

ЗАДАЧИ МОСКОВСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КОЛЛЕГИИ.

1. Организация художественного образования:

а) создание художественных мастерских, соответ. интересам Новой России;

б) пропаганда искусства среди широких демократических масс.

2. Связь с художественными центрами мира.

3. Организация процветания искусства:

а) организация государственных конкурсов;

б) организация проф. союзов, артелей и т. д.;

в) организация декорационных и декоративно-театр. комиссий.

4. Организация охраны оскусства:

а) охрана искусства: прошлого, настоящего и защита будущего.

По всем этим вопросам отдел изобразительных искусств входит в связь с другими отделами Комиссариата, отчасти через председателя Коллегии—худ. В. Е. Татлина, или через заведующего подотделами.

Каждому из семи существующих в данное время подотделов предоставлена полная инициатива в разработке и выполнении взятых на себя задач. Возможно, что жизнь выдвинет перед Коллегией новыя задачи, для выполнения которых созданы будут и другие соответствующие органы. В данный момент существуют и функционируют следующие 7 подотделов:

Школьный подотдел с заведующими худ. Моргуновым, Ивановым и Машковым поставил себе целью создание новой системы преподавания Изобраз. Искусств и широкое развитие худож. образования в Свободной Трудовой школе, как на ея низшей, так и на средней ступени обучения; пробуждение и развитие в массах эстетическаго инстинкта до сознательного художественного чувства и воспитание художественного зрения в целях формирования будущих художественно - развитых потребителей и производителей искусства. Для достижения цели, школьный подотдел, считает необходимым произвести коренную реформу в постановке художественно-эстетического образования, как в общеобразовательных, так и в специально-художественных школах.

Подотдел приступил к реформе постановки худ. образования в трудовой школе, совместно с отделом реформы школ при Комиссариате Народного Просвещения. Приступлено также к организации инструкторских курсов для преподавателей Изобразительных Искусств. Курсы будут организованы 3-х месячные, функционирующие в течении всего года, а для насущной потребности момента—краткосрочные—полуторамесячные. Для обезпечения достойного места всем художественным направлениям, Школьный подотдел создал тип Госуд. Свободных Мастерских; учащиеся художники свободно разделяются на группы соответственно худож. течениям. Разработан проект об организации мастерских, а также инструкции: 1) для свободного выбора руководителей и 2) для приема учащихся.

В настоящее время школьным подотделом производится реформа школы Живописи, Ваяния и Зодчества и Строгановского училища в Москве.

Приступлено к организации Госуд. Худож. Мастерских в следующих городах: Уфа, Пенза, Воронеж, Иваново-Вознесенск, Оренбург, Самара.

Кроме того, подотдел, полагая, что художественной промышленности предстоит выполнить громадную творческую работу общегосударственного значения в смысле удовлетворения потребности в большей художественности производимых фабрикатов и подготовки законченно-развитых инструкторов для худож промышленности—признал необходимым создание специального типа мастерских по худ. промышленности.

Литературный подотдел (с заведующими: худ. Шевченко и Франкетти), ставит своей задачей осуществление ряда периодических изданий по искусству (как: журналы, газеты, альманахи), а также и не периодических: монографий, популярных брошюр, лекций. Заведующими разработан план журнала и смета.

Подотдел издает ряд демократических популярных брошюр по искусству и специальные циклы лекций для инструкторов по внешкольному образованию.

Для предполагаемого издания «Круг чтения по искусству для народа» разработана первая часть: «Введение въ искусствоведение».

Приступлено къ изданию монографий посвященных творчеству современных художников, причем монографии будут подходить возможно ближе к природе каждой худ. индивидуальности.

Организованы на учительских курсах при Ком. Нар. Просвещения лекции на тему: «Роль народных учителей в деле пропаганды искусства».

Составлен каталог книг по искусству для инструкторского отдела. Составлен список иностранных книг (немец., фран., англ., амер., итальян., и испан. изданий) и приблизительная смета на их приобретение.

Художественно - промышленный подотдел (с заведующими худ. Розановой и Родченко), заботясь о сохранении черт самобытности в творчестве народных масс, как в кустарном, так и в фабричном производстве, считает неотложной задачей: 1) широкую организацию Художественно-Промышленных школ со свободными мастерскими на местах; 2) снабжение кустарей всеми специальными средствами, знаниями и орудиями производства для работы на дому; 3) создание условий равновесия между кустарным и фабричным производством; 4) об'единение кустарей в

художников через посредство народных домов и клубов.

Подотдел, ставя своей задачей поднятие худ. вкуса в стране, в силу своей компетенции, взял на себя контроль над художественно-промышленными учреждениями. Так, он взял в свое ведение худ. сторону производства Абрамцевской фабрики. Он, кроме того, обследовал Строгановский Худож.-Пром. Музей, Городской Кустарный. Московский Румянцевский и собрание Морозова и проектирует реформы их.

Подотделом составлен обширный список книг по худ. промышленности для предполагаемой особой народной библиотеки.

Для статистическаго Отдела Ком. Нар. Просвещения составлен текст анкеты для разсылки на места, где есть какое-либо производство.

Заведующими подотделами была совершена поездка в Богородск, где решено оборудовать школу-мастерскую и Худ.-Пром. Музей.

Для предполагаемого худ.-промышленного журнала разработаны темы:

I. Чем вызывается к жизни творчество народа:

а) черты чистого творчества (игрушки, ковры и пр.),

б) черты утилитарного творчества (утварь и пр.).

II. Развитие народного творчества (набойка, резьба, игрушки и пр.).

III. Упадок народного творчества в зависимости от влияния города:

а) вырождение одежды, утвари, песни,

б) меры для возрождения творчества,

в) влияние фабричного производства.

В виде широкой анкеты запрошены все худ.-промышленные мастерския. После запроса будут делегированы инструктора.

Составляется проект создания в Москве опытной лаборатории худ. промышленности, в которой специалисты техники совместно с художниками школы будут создавать новые образцы производства. При лаборатории предполагается инструкторская школа.

Х у д о ж е с т в е н н о - с т р о и т е л ь н ы й п о д о т д е л (с заведующими: худ. Малевичем, скульптором Королевым и архитектором Фидлер). Подотдел состоит из музейной, конкурсной, правовой и строительной части.

Музейная часть подотдела ставит своей целью создание музейной сети современного искусства с основным центральным всероссийским музеем в Москве. Деятельность музейной части носит пока организационный характер. Установлена связь с Музейным Отделом Комиссариата Нар. Просвещения, для чего создана контактная Комиссия из членов Художественной и Музейной Коллегий.

Была выработана резолюция, подразделяющая музейную деятельность на «научно-художественную» и «художественную». В первой области—полная компетенция принадлежит музейной коллегии, во второй — художественной Коллегии. В устроении музеев с художественной стороны принимают непосредственное участие художники. Право покупки за счет национального фонда принадлежит обеим Коллегиям.

С. И. Дымшиц-Толстая и В. Е. Татлин представили доклад о создании Музея Современного Искусства. Коллегией этот доклад принят; специальной комиссией намечен список художников, произведения которых должны быть приобретены в этот Музей. Дальнейшее осуществление поручено комиссии, состоящей из трех членов Московской и трех членов Петроградской Коллегий.

Конкурсная часть подотдела разработала проекты двух крупных конкурсов:

1) демократический конкурс—заказ на 50 памятников по поручению Сов. Нар. Комиссаров (в список художников, которым будут поставлены памятники, включен Сезан и предполагают включить Боччиони) и 2) конкурс на государственные герб, флаг и монеты.

Жюри составляется из представителей Ц. И. К., Отдела Изобразительных Искусств и Проф. Союза Живописцев.

Правовая часть подотдела разрабатывает декларацию прав художника.

Строительная часть подотдела работает над проектом концентрации Современного Искусства в одном пункте, напр., в Нескучном, где предполагается Музей Современного Искусства, художественные выставки, митинги, лекции по искусству, общежитие для художников, государственная фабрика красок, испытательная станция красок и опытные мастерския для художников-изобретателей.

Т е а т р а л ь н ы й п о д о т д е л (с заведующими: худ. Кузнецовым, Фальк, Кандинским). Считая, что театр является одним из лучших проводников эстетического развития широких пролетарских масс, подотдел предполагает установить связь с театральным Отделом Комиссариата и пролетарскими организациями, для совместной работы по созданию такой среды и условий, при которых успешно была бы разрешена задача настоящего подхода к театрально-декоративному творчеству. Для выполнения этой задачи подотдел считает необходимым создание театрально-декоративного института и основание при нем ряда опытных мастерских для практических работ и исполнения государственных театральных заказов. Как экстренную меру, театральный подотдел полагает организацию художественно-декоративных мастерских при Строгановском училище. Такова программа работ этого, только что создавшагося, подотдела.

За краткий период своего существования он успел разработать план собственной организации—и еще ничего не успел реализовать из намеченных им задач.

К и н о - т е а т р а л ь н ы й п о д о т д е л создался в силу настойчивого требования современной жизни, в которой кинематограф приобретает все большее и больш...

значение. Благодаря неизменно идущему вперед усовершенствованию технической стороны, кинематограф привлекает к себе внимание людей науки и искусства богатством возможностей, которые могли бы способствовать распространению среди широких масс идей культуры и искусства, при том в такой легкой, понятной для всех форме.

В задачи кино-театрального подотдела входит, таким образом, связь с кинематографическим отделом Комиссариата и с его опытной мастерской для создания нового типа художественных постановок; затем—совместная разработка с только что возникшим Кино-Комитетом 1) проекта государственной школы кинематографического искусства, 2) системы конкурсов для создания художественных плакатов, эскизов, сценарий и пр.

Кроме того, кино-театральный подотдел проектирует устроить анкету среди художников и кинематографических деятелей, чтобы на основании полученных мнений издать брошюры на темы: «Кинематограф, как искусство» и «Плакат».

Архитектурный подотдел (с завед. архитектором Желтовским), ставит своей задачей разработку целого ряда типов построек, соответствующих новому складу жизни, и намерен об'явить демократический конкурс в надежде, что демократия, создавшая новый строй государственной жизни, сможет создать для нее также и обстановку, гармонирующую с теми грандиозными задачами, которые поставлены перед реформаторами общественно-классовых отношений.

С. Дымшиц-Толстая.

РЕВОЛЮЦИЯ и ВОЗРОЖДЕНИЕ СКУЛЬПТУРЫ ВЪ РОССИИ.

Все упования русского художника на возрождение искусств в России, больше чем у художника какой-либо другой страны, связаны и возлагаются на революцию. Для него-только революция в силах сдвинуть искусство с мертвой точки эстетствующих групп и случайного меценатства, и заставит выйти на широкую и свободную дорогу живого народного творчества. Только революция может бросить искру и зажечь уже давно потухшее художественное пламя в народной душе.

Но революция сможет сделать это с наибольшей легкостью и с наивысшими достижениями, если лица, стоящия в центре государственного руководства художественной жизнью, поймут это и не остановятся перед самыми широкими, перед наиболее освобождающими и толкающими к художественному творчеству мерами; несомненно, что для возрождения искусства особенно важны эти первыя вехи, которые ставят люди, находящиеся на ответственных постах руководителей.

К чести всей общественной жизни Московской Художественной Коллегии надо сказать, что она уловила эту скрытую доселе потребность в широком художественном творчестве, когда она разработала свой проект конкурса на сооружение пятидесяти памятников революционерам я общественной жизни и новаторам въ области литературы, искусства и науки.

Мысль о постановке в Москве и других городах памятников людям, которые до революции были не в „милости“ у царского правительства, была брошена в Коллегию т. Лениным.

По замыслу Коллегии, памятники должны быть поставлены на бульварах, скверах, площадях и т. д. с изречениями, высеченными на постаментах или антуражах, чтобы памятники эти явились как бы уличными кафедрами, с которых в массу людей летели свежие слова, будящие и волнующие мысль.

Вместе с тем, памятники эти должны, очевидно, удовлетворять и другим трем требованиям: во-первых, быть художественно выполненными; во-вторых, привлекать наивозможно более широкие круги скульпторов, чтобы не скрылось ни одно направление, и ни одна скульптурная сила не осталась бы не использованной, и, наконец, в третьих, что особенно важно, приобщить пролетарские и широкие народные массы к участию в художественном творчестве. Идея, которая заложена в основе конкурса, организованного Московской Художественной Коллегией, и одобренного Совнаркомом, удовлетворяет всем вышеозначенным требованиям и удачно разрешает задачу.

По условию конкурса, весь заказ передается Московскому Союзу Скульпторов-Художников, съ тем, чтобы он, распределил полюбовно, между входящими в Союз скульпторами, все предположенные заказы на памятники. Проекты последних, по исполнению их сразу в натуральную величину, должны быть поставлены на выбранных местах: на бульварах, скверах, площадях и т. п., где памятники намечены к установке. После этого народ уже сам явится судьей их достоинств и недостатков.

Таким образом, первый почин сделан.

Впервые художник-скульптор непосредственно войдет в общение с народной массой.

И скульпторы поняли все значение этого общения, ибо на призыв своего Союза к работе, к мобилизации скульптурных сил отозвались почти все скульптора г. Москвы, несмотря на то, что ограниченность времени (три месяца), невысокое вознаграждение (в смете проведен принцип трудовой оплаты), недостаток материала и технические трудности, неминуемые при осуществление совершенно новой задачи, должны были бы многих отпугнуть.

Между тем приводимый ниже список участников конкурса включает, как уже известные и заслуженные имена, так и молодежь, впервые призываемую к общественной работе. На последнем заседании общего собрания скульпторов произошло следующее распределение работ:

1. Маркси Энгельс поручены Мезенцеву.
2. Бланки—Якулову.
3. Бебель—Пациорковскому.
4. Лассаль—Иткинд.
5. Жорес—Страж.
6. Спартак—Страховской.
7. Т. Гракх—Божильцову.
8. Брут—Сергееву.
9. Бабеф—Богословской.
10. Дантон—Андрееву.
11. Марат—Имханицкому.
12. Робеспьер—Сандомирскому.
13. Гарибальди—Пилляти.
14. Стенька Разин—Коненкову.
15. Бакунин—Королеву.
16. Пестель—Хаджи-Дувай.
17. Рылеев—Мануиловой.
18. Герцен—Ястребцову.
19. Болотников—Кольцову.
20. Халтурин—Алешину.
21. Желябов—Синициной.
22. С. Перовская—Рахманову.
23. Каракозов—Близниченко.
24. Каляев—Лаврову.
25. Свеаборжцы—Захарову.
26. Плеханов—Голиневич-Шишкиной.
27. Р. Оуэн—Юрьевич.
28. Шевченко—Волнухину.
29. Кольцов—Сырейщикову.
30. Радищев—Оленину.
31. Некрасов—Соколову.
32. Салтыков-Щедрин—Златовратскому.
33. Михайловский—Басенко.
34. Гл. Успенский—Курбатову.
35. Тютчев—Попенцеву.
36. Новиков—Мухиной.
37. Сковорода—Крандиевской.
38. Байрон—Домогацкому.
39. Гейне—Мотовилову.
40. Руссо—Мануилову.
41. В. Гюго—Менделевич.
42. Вольтер—Кудинову.
43. Золя—Габовичу.
44. Ибсен—Бабичеву.
45. Рублев—Ватагину.
46. А. Иванов—Щепанович.
47. Суриков—Бромирскому.
48. Кипренский—Русецкой.
49. Врубель - Гюрджан.
50. Верхарн—Меркуров.
51. Козловский—Фомину.
52. Казаков—Поповой
53. Сезан—Ленскому.
54. Менье—Сафонову.
55. Мусоргский—Рындзгонской.
56. Римск.-Корсаков—Радугиной.
57. Скрябин—Терпановцу.
58. Бетховен—Смирнову.
59. Шопен—Брейер.
60. Мочалов—Жураковскому.
61. Коммиссаржевская—Орановскому.

Таким образом, можно надеяться, что скоро трудящаяся Москва в первый раз увидит целый ряд монументов и в первый раз будет призвана к суждению об их художественных достоинствах.

Пожелаем и мы от себя, чтобы это дело, в основу которого положены доселе небывалыя нигде начала, осуществилось бы наивозможно удачно.

От этого зависит, может быть, действительное возрождение скульптуры в России, как всенародного искусства.

Леонид Бадаров.

С'ЕЗД УЧЕНИКОВ-ХУДОЖНИКОВ.

Революция, отбросившая все застарелые, рутинные формы жизни, вызвала живой отклик и в кругах учебно-художественой жизни, в среде учащихся Изобразительным Искусствам. Только теперь почувствовали художники возможность получить полный ответ на все запросы своей школьной жизни; только теперь есть у них уверенность увидеть наконец свои чаяния, свои желания осуществленными, свои наболевшие вопросы—разрешенными.

Постановка художественной школы была настолько неудовлетворительна, чтобы не сказать хуже, что почти не было культурного художника, не возмущавшагося ею. Сколько мы знаем случаев, когда приглашенные в школу руководителями художники, покидали стены ее почти тотчас же, как только знакомились с ее строем и постановкой. И не меньше мы знаем случаев, как талантливые, выдающиеся художники были сплошь и рядом выгоняемы из стен школы до ее окончания, исключительно потому, что художник не хотел закапывать в землю своей творческой индивидуальности и не подчинялся драконовским условиям строя школы.

О том, какова была постановка художественного воспитания в школе (и особенно в «Высшей» школе — Академии и Московском училище Живописи, Ваяния и Зодчества),—не хотелось бы очень распространяться: уж очень безрадостной является эта тема. Но все же несколько слов сказать необходимо. Преподаватели школы не только не давали развиваться творческой способности, но наоборот—сколь возможно задавливали ее, и поощряли серую, казенную, шаблонность. Стоит, или вернее, стоило (ибо хочется думать, что это в невозвратном прошлом) взглянут на отчетные выставки школ, на произведения получивших «первые степени», «золотые и серебряные медали» и «заграничные поездки»—молодых художников, чтобы потерять всякое желание поступать в школу, изучать искусство. Именно это последнее — изучение искусства и было в таком загоне, что ученик знал больше об искусстве до училища, чем по окончании его. Такого убожества техники, такого отсутствия культуры, любви к своему искусству,— не могло быть у человека не испытавшего еще всех прелестей натуралистического убожества руководителей школы; все, что имел юноша,—он медленно, но верно терял по мере пребывания его в школе, если только не обладал силой воли, способной противостоять насилию руководителя.

Эти условия школьной жизни художника и побудили учащихся теперь же об'единяться и в корне реформировать постановку художественно-учебной жизни.

В апреле этого года в Петрограде—местным советом учебно-художественных организаций—была созвана междугородная (Петроград—Москва) Конференция учащихся изобразительным искусствам. К сожалению, общее положение о Конференции и подготовка учащихся масс к ней были разработаны так слабо, что это повело к ряду бурных недоразумений между участниками Конференции, и заставило довольно значительную группу учащихся, во главе с представителями упраздненной Академии—разорвать сношения с представителями Москвы и Петроградскаго Совета Уч.-Худож. организаций.

Таким образом, правое крыло Конференции работать не пожелало и таковая состояла только из революционно настроенных представителей Москвы и Петрограда. Это послужило только к об'единению последних, и весьма продуктивной и лишенной безполезных споров работе Конференции.

Конференция выработала ряд основных положений учебно-художественной жизни, так, например, «Положения о Государственных Свободных Художественных Мастерских», «Положения о Советах — местных и Центральном» и т. п.; наметила ряд вопросов для разработки их будущим Всероссийским С'ездом Учащихся и выделила из своей среды Организационный Комитет по созыву С'езда учащихся изобраз. искусствам (в Москве).

Задачей С'езда является—во первых, продолжение работ, намеченных Конференцией; во-вторых, рассмотрение нужд не только учащихся столичных организаций, но и провинциальных, и, наконец, создание Центрального Совета учащихся учебно-художественных организаций всей России.

Организационный комитет по созыву С'езда наметил таковой на середину октября этого года, когда учащиеся все уже с'едутся, когда работа их войдет уже в колею и когда возможна будет продуктивная подготовка масс учащихся к задачам С'езда.

Среди тем намеченных Организационным Комитетом для работ С'езда—между прочим, поставлены: «Инструкция выборов руководителей в Государственные Свободные Мастерские», «Положение о децентрализации искусства», «Примерный Наказ о выборах членов в Центральный и местные Советы и их обязанностях» и другия.

Необходимость и неотложность С'езда ясна, ибо его требует жизнь и те нужды учащихся, которые давно уже назрели и требуют их разрешения. Поэтому работа Первого Всероссийского С'езда будет настолько ответственной и новой, что необходимо сейчас же агитировать и раз'яснять массам учащихся всю важность С'езда дабы выборы в него были достаточно строго продуманы и выполнены

К сожалению летнее время, когда учащиеся раз'езжаются из художественных центров и школ—приостанавливает работу Организационного Комитета и не дает развернуть таковую в широком масштабе. Неурядицы во внутренней жизни страны, разстройство путей сообщения, почты, телеграфа и т. п. — очевидно помешают и в будущем работе Организационного Комитета, главным образом в провинции. Желательна поэтому широкая помощь—самих учащихся и сочувствующих С'езду, его целям и задачам.—не только агитационная, но и информационная. Желательна связь всех учебно-художественных, организаций и отдельных представителей их с Организационным Комитетом. Всякая помощ для возможно лучшего проведения в жизнь С'езда будет принята с благодарностью.

Всю корреспонденцию (справки, заявления и т. п.) следует направлять в Организационный Комитет по адресу: Москва, Б. Дмитровка, д. 12, кв. 8. Организационному Комитету по созыву С'езда Учащихся Изобр. Искуств.

Г. Щетинин

ВЫСШИЙ СОВЕТ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА.

Октябрьская революция поставила в России у власти коммунистическую партию.

Коммунисты перестали бы быть таковыми, если бы, оказавшись у власти, они не поставили бы себе задачей перестройку государственного хозяйства на социалистический лад. Учитывая производительные силы России, они, конечно, понимали, что социализм легче насаждать в более экономически подготовленных капитализмом к новому строю странах, но революции разыгрываются не по нотам, и если рабочий класс захватывает власть, то он не может отказываться и от следующего шага — перестройки экономических отношений в стране. Трудность задачи еще не исключает возможности ея решения.

Но не только теория, не только программа, но и сама практика русской жизни толкала коммунистическую партию в этом направлении. Октябрьская революция застала хозяйство России в состоянии расстройства, близком к катастрофе. Расстройство это было обусловлено отсутствием плана в ведении хозяйства в царско-дворянско-буржуазное время, выявлено и развито войной, доведено почти до последней черты временным правительством, и должно было еще углубиться во время гражданской войны, разлившейся по стране.

Если Германия принуждена в своей хозяйственной деятельности во время войны прибегать к таким приемам ее ведения, что мелкая немецкая буржуазия упрекает власть в «большевизме сверху», если Англия в последнее время ставит вопросы о муниципальном домостроительстве, о национализации внешней торговли, — то что же нужно делать власти в России, чтобы спасти русского рабочего, русского крестьянина от цепких об'ятий фабриканта, купца, спекулянта, которые и раньше вели свои дела лишь с одной целью — выжать возможно больше питательных соков из массового потребителя, во время же войны приобрели к этому роду отечественной деятельности особый вкус?

Рабоче-крестьянская власть иначе и не могла подойти к хозяйству страны, как с определенным желанием взять его на учет, направить его в русло наибольшей планомерной производительности, установить правильное распределение тех продуктов и фабрикатов, которые в наличности имеются, и тех, которые будут производиться.

Для проведения в жизнь этой грандиозной программы, в условиях внешних весьма тяжелых, нужно было создать соответствующие органы. Советы Р. С. и К. Д. взять на себя этой работы не могли: они были завалены политической работой; кроме того, осуществление экономической программы рабочего класса, по своей сложности, требовало создания специальных органов.

В силу этих соображений Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет, 1 декабря 1917 г., постановил учредить при Совете Народных Комиссаров Высший Совет Народного Хозяйства, поставив ему задачей **организацию народного хозяйства и государственных финансов.**

В. С. Н. Х., являясь главным экономическим органом государства, должен регулировать всю хозяйственную жизнь страны, направлять и об'единять деятельность народных комиссариатов (торговли и промышленности, продовольствия, земледелия, финансов и путей сообщения), центральных регулирующих отдельные отрасли хозяйства учреждений (совещания по топливу, по металлу, по транспорту, центральный продовольственный комитет и др.), Всероссийского Совета Рабочего Контроля, также фабрично-заводских и профессиональных организаций.

Соответственно с обязанностями, очень большими, В. С. Н. Х. были предоставлены и широкие полномочия: права конфискации, реквизиции, секвестра, принудительного об'единения различных отраслей промышленности и торговли и др. мероприятий в области

производства, распределения и государственных финансов.

Состав В. С. Н. Х. положением об его образовании был определен следующий: а) Всероссийский Совет Рабочего Контроля *); б) представители всех народных комиссариатов; с) сведущие лица, приглашенные с совещательным голосом.

Положение предусматривало, что В. С. Н. Хозяйства разбивается на отделы и секции по отдельным отраслям хозяйства, что отделы В. С. Н. Х. ведут работу по регулированию отдельных отраслей народно-хозяйственной жизни, а также подготовляют мероприятия отдельных народных комиссариатов.

Из состава В. С. Н. Х. выделяется бюро в 15 человек для об'единения деятельности отделов и секций и для разрешения срочных вопросов.

Законопроекты и крупные мероприятия В. С. Н. Х. должен, по положению, вносить в Совет Народных Комиссаров.

Таково по своей конструкции и компетенции учреждение, равного которому по грандиозности не найти в мире, учреждение, являющееся ответственным центром всей народно-хозяйственной жизни огромной страны, учреждение, которому было поставлено задачей, в неимоверно трудных условиях внешней и внутренней войны, перестроить на социалистических основах огромное, запущенное, расстроенное хозяйство России.

Что же за работы необходимо произвести В. С. Н. Х. для разрешения поставленной ему задачи?

Прежде всего учесть то количество сырья, которое имеется в России, определить количество готовых изделий, хранящихся в государственных, общественных и частных руках; затем выяснить возможную в ближайшем времени добычу хлеба, металлов, топлива и др. продуктов; направить деятельность фабрик и заводов так, чтобы они могли дать возможно большее количество изделий; в третьих, наладить средства транспорта так, чтобы было возможно передвижение продуктов и фабрикатов из одних концов России в другие; наконец, распределить добытые продукты и изготовленные фабрикаты между различными областями России так, чтобы они более или менее равномерно были обеспечены всем необходимым для жизни.

Естественно, что для того, чтобы такую работу произвести, В. С. Н. Х. нужно было ее прежде всего разбить по отраслям, затем создать в пределах каждой отрасли регулирующие центры, в-третьих, иметь на местах подобные органы.

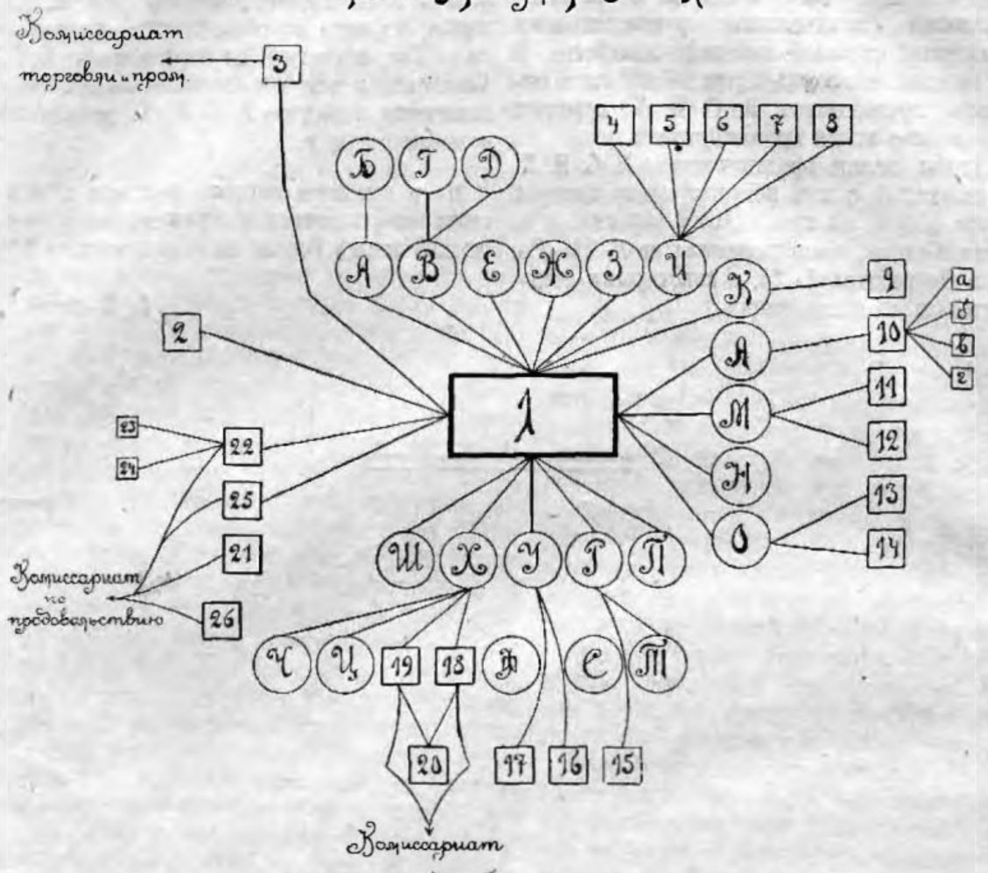
Так и складывалось развитие В. С. Н. Х. Одним из первых его шагов было принятие положения о районных областных и местных Советах Народного Хозяйства, задачи которых определялись, как организация и регулирование всей экономической жизни каждого промышленного района, в соответствии с общегосударственными и местными интересами. Состав местных С. Н. Х. таков: представители производственных профессиональных союзов, представители С. Р., С. и К. Д. рабочих и демократических кооперативов, представители технического административного и коммерческого управления предприятий (не больше одной трети состава С. Н. Х.). Местные С. Н. Х. работают под руководством В. С. Н. Х.

Сейчас же по образовании, В. С. Н. Х. стал делиться на отделы и подотделы: сельского хозяйства, торговли, металлообрабатывающей промышленности и др. Отделы организуются так: президиум В. С. Н. Х. ставить во главе отдела избранную им коллегию, которой и поручается ведение текущей работы, при чем более или менее крупные мероприятия отдела требуют утверждения их президиумом. Производственные отделы организуются иначе: их коллегии образуются из представителей всероссийского об'единения профессиональных союзов соответствующей области производства и представителей президиума В. С. Н. Х.; заведующий отделом, руководитель текущей работы, избирается президиумом.

Наряду с образованием отделов в составе В. С. Н. Х., образовались, в связи с отделами, наружные регулирующие центры различных отраслей промышленности: Главный Сахарный Комитет, Главный Нефтяной Комитет и др., задачи которых заключаются в распределении сырья, топлива, заказов и готовых изделий в каждой из отраслей промыш-

*) Во Всероссийский Совет Рабочего контроля, в момент организации В. С. Н. Х., входили представители от: Всеросс. Центр. Исполн. Комит. Советов Раб. и Солд. Деп.—5; Всеросс. Центр. Исполн. Ком. Крест. Деп.—5; Всеросс. Совета Професс. Союзов — 5; Всеросс. Центра Рабочей Кооперации—2; Всеросс. Бюро Фабр.-Зав. Комитетов — 5; Всеросс. Союз Инжен. и техников — 5; Всеросс. Союз. Агрономов—2; от каждого Всеросс. Союза рабочих, имеющего менее 100.000 членов — 1; от имеющих свыше 100.000 — 2; Петроградского Совета Професс. Союзов — 2.

Схема органов регулирования

Отделы управления Высшего Совета Народного Хозяйства.

А. Отделы хозяйственной политики.
Б. Комиссия смет.
В. Отдел организации производства.
Г. „ государствен. сооружений.
Д. Технический комитет.
Е. Отдел снабжения и нормировки.
Ж. „ контроля.
З. „ статистики.
И. „ химический.
К. „ животных продуктов.
Л. „ волокнистых веществ.
М. „ пищевых и вкусовых вещ.
Н. „ минеральных веществ.
О. „ деревообделочный.
П. „ полиграфического производства.
Р. „ по металлу.
С. Подотдел металлообрабатывающий.
Т. „ горнозаводский.
У. Отдел топлива.
Ф. „ дровяной.
Х. „ транспортный.
Ц. Подотдел автомобильн. (автоцентр.
Ч. „ шоссейный.
Ш. Отдел сельского хозяйства.

Внешние регулирующие центры.

1. Высший Совет Народного Хозяйства.
2. Комиссия по кооперации при В. С. Н. Х.
3. Совет внешней торговли
4. Главтабак.
5. Центромыло.
6. Центроспичка.
7. Главрезина.
8. Центротук.
9. Главкожа.
10. Центротекстиль.
   а) Центроткань.
   б) Центрохлопок.
   в) Суконный комитет.
   г) Комитет по льняной и джутовой промышленности..
11. Главсахар.
12. Центрочай.
13. Главбумага.
14. Главлес.
15. Секция благородных металлов.
16. Главный нефтяной комитет.
17. Торфяной комитет.
18. Центральный комитет по железнодорожным перевозкам.
19. Главод.
20. Комиссия по смешанным жел.-дор. и водным перевозкам.
21. Совет снабжения.
22. Московский областной продовольственный комитет.
23. Московский городской продовольственный комитет
24. Вохназ.
25. Северная продовольствен. управа.
26. Кооперативная комиссия при комиссариате продовольствия.

ленности. В состав этих комитетов входят представители професс. союза данного производства, представители В. С. Н. Х., соответтвующих комиссариатов, научно-технических сил. Эти комитеты и являются главными фактическими руководителями различных отраслей народного хозяйства. В их ведение, национализируя те или иные отрасли производства, В. С. Н. Х. передает управление этими производствами.

Чтобы сделать представление о В. С. Н. Х. и связанных с ним регулирующих центрах более ясным, на пред'идущей странице приведена схема, заимствованная из № 20 «Союза Потребителей» *), с некоторыми незначительными изменениями.

Так в главных чертах после октябрьского переворота наметился аппарат управления хозяйственной жизнью России. Строился он наспех, так как жизнь не ждала. В подробностях этой стройки делались ошибки, которые, по мере их обнаружения, исправлялись. Так, например, на первом с'езде С. Н. Хозяйства в мае месяце были разработаны изменения в составе В. С. Н. Х., детали его компетенции и т. п.

Но в основном аппарат построен в соответствии с задачами переустроения экономической жизни России на новых началах **).

А. Т—ский.

---

*) Составлена Экономическим Бюро Центросоюза.

**) В ближайшем Номере «Вестника Жизни» мы дадим обзор деятельности В. С. Н. Х. Из этого обзора станет еще ясней значение этого учреждения, важность возложенных на него задач.

Революционные трибуналы.

I.

Одним из наиболее распространенных софизмов буржуазной науки является утверждение о какой-то особой природе суда, как института, который призван осуществлять некую особую «справедливость», как моральную сверх-классовую ценность, независимую в своем существе от классового строения общества, классовых интересов борющихся групп и классовой идеологии господствующих классов. Для буржуазной науки, которая вся, впрочем, сплошь пропитана подобными софизмами, представляется поэтому совершенно несомненным, что не только существование подобных «ценностей», но и возможность их осуществлять и претворять в действительность помощью тех органов, которые порождены буржуазным обществом, им созданы, с ним тесно связаны. Исходя из подобной предпосылки, буржуазная наука создала целый ряд подобных понятий—«фетишей», покушение на которые со стороны марксистской критики представляется для нее всегда тягчайшим преступлением, близким к хулению Святого Духа. «Справедливость да царствует в судах»,—едва ли можно придумать горшую насмешку над действительностью, чем та, которая выражена так превыспренно в приведенной фразе. Параллельно можно привести еще целый ряд подобных же софизмов. Суд есть ограждение «права», подобно «господству», преследует высшие задачи обеспечения гармонического развития «личности». Подобных же пустых и жалких слов можно было бы привести слишком много из толстых книг, написанных воротилами буржуазной мысли, ради простой и всем понятной цели,—оправдать существование буржуазного государства со всеми его прелестями, и обмануть рабочие и крестьянские массы «учеными» словами, отвратив этим их внимание от горькой и неприглядной действительности капиталистического строя.

Буржуазное «право», буржуазная «справедливость», интересы «гармонического развития» буржуазной «личности»... В переводе на простой язык жизненных фактов это означало, прежде всего, охрану частной собственности, ибо иного права не знает буржуазный суд в десяти десятых своих гражданских дел и девяти десятых уголовных. Буржуазная «справедливость»—не что иное, как безобидный, с точки зрения буржуазных законов, дележ либо прибылей, либо средств и способов извлечения прибылей. Обеспечение развития личности в буржуазном строе, есть не что иное, как обеспечение беспрепятственной возможности эксплоатации себе подобных, будь то капиталистическая эксплоатация на фабрике, будь то эксплоатация помещиком батрака или эксплоатация мелким ремесленником подмастерья, крупным банкиром—собственника мелких сбережений, или просто эксплоатация домашней прислуги нежной барыней, окруженной сотнями приживалок и мосек.

Софизм и ложь, что буржуазный строй знает какую-либо иную справедливость и какое-либо иное право, как софизм и ложь, что он знает и обеспечение развития и интересов какой-либо иной личности, кроме личности капиталиста. Убийца, вор, грабитель, взломщик и простой карманник,—все они, представши перед уголовным судом, несли кару за одну вину, — за покушение на право собственности. Убийца, совершивший преступление не из корыстных мотивов,—из ревности, из ненависти, злобы, соперничества,—нес кару в конечном счете за ту же вину, поскольку буржуазный строй все переделил на право собственности: имущество и таланты, душу и тело, женщин и детей, поскольку все он поставил под ярлык и всюду начертал: «Мое—твое», и нарушение этих границ об'явил нарушением вечных начал «права».

Систематически, изо-дня-в-день вся система капиталистического порядка была построена на убийстве личности рабочего, стоящего за станком, на насильственном умерщвлении в ней всех задатков индивидуального развития, на превращении ее в

машину. При всех правах и гарантиях, какие способно дать буржуазное государство, личность духовная и личность физическая рабочего в капиталистическом строе была осуждена на удушение, на вымирание, на внутреннее изнеможение, на смерть.

Говорить после этого, что буржуазный суд осуществляет надклассовую справедливость и надклассовое право, могли только сознательные негодяи или непроходимые ослы. А между тем вся буржуазная наука о суде построена на этой лжи, сознательном обмане, негодяйстве или тупоумии ее творцов.

Буржуазное право, буржуазную справедливость, права буржуазной личности осуществлял буржуазный суд, и за преступления против буржуазного порядка он карал под рубрикой, так называемых, «политических» или государственных преступлений. Неумолимым логическим выводом отсюда вытекало то, что с разрушением буржуазного порядка приходил конец и буржуазному суду, и буржуазной справедливости, и буржуазному праву.

При социалистическом порядке, когда падает буржуазное право собственности, — падает на девять десятых деятельность буржуазного суда и всех охраняющих буржуазное право законов. С развитием же новых социалистических правоотношений, падают и все порожденные буржуазным строем понятия о правах личности и порожденные буржуазным порядком преступления против этих прав, даже тогда, когда на первый взгляд в этих преступлениях как бы отсутствуют грубо корыстные, денежные, материальные мотивы.

Но установление такого нового правового сознания и правового порядка, есть дело будущего, дело того времени, когда, по словам Маркса, человечество, переживши эпоху гражданских войн, переживет **«изменение обстоятельств и людей»**, создаст, выкует новую психологию, новый уровень психического сознания масс, и тем самым убьет в зародыше все те психологические эмоции, которое порождают подобные преступления, как пережитки старого порядка, старого правового сознания и старых правоотношений.

И вот почему марксисты с полным основанием всегда насмехались над буржуазными измышлениями о «вечной природе» права, и в ответ на вопли буржуазных тупоумцев о нарушении ими, социалистами, в период революции начал «права», говорили: **«В период борьбы за власть нового класса со старым,** когда старый строй рушится, с треском, под своими обломками он погребает и старое право. Новый класс, устанавливая свою власть и свой порядок, разрушает все старые нормы и творит новое право, которое не могут, не умеют, если даже и хотели бы, осуществить носители и идеологи прежних «прав». Новое право и новое правосознание могут творить лишь представители нового класса, поэтому и старый суд точно также осужден на слом. Но в борьбе со старым порядком, **пока идет эта борьба,** низший класс вынужден, силою вещей, не только разрушать старый порядок, но и уничтожать своих врагов. Орудием этой борьбы он создает свой новый суд, революционный суд над врагами, как орудие своей классовой борьбы, а вовсе не как осуществление и претворение в жизнь «вечных начал права».

Исходя из этих предпосылок, под лозунгами такой борьбы и протекала вся деятельность представителей Советской власти с момента октябрьской революции, поскольку дело касалось старого суда и установления новых норм, как пролетарского права, так и новых форм пролетарского суда.

Они были правы в своей разрушительной деятельности, кроме того, еще и потому, что деятели старого суда сплошь предпочли уклониться от созидательной работы. То новое, что принесла с собой власть пролетариата в этой области, было им чуждо, было непонятно. Нового права они не понимали, не могли понять, и с момента разрушения старого суда отошли в сторону. Деятелям нового суда жалеть об этом, конечно, не приходится.

Специфическим органом такой классовой борьбы пролетариата и являются, наряду с общими судами, **«Революционные Трибуналы».**

II.

Написанные выше строки представляют, конечно, невыносимую ересь для уха буржуазного юриста и буржуазного теоретика права.

К сожалению, однако, не только для буржуазных теоретиков. Сказать, что суд есть орудие борьбы — этого их ухо вынести не может. Наши левые эсеры в этом отношении обладали не менее нежными ушами, чем буржуазные апологеты «неклассового» суда.

Это сказалось, как мы увидим и на организации трибуналов.

Разница была, быть может, только та, что уши левых эсеров были немного длиннее ушей буржуазных ученых. Суд есть орудие борьбы. Помилуйте, да ведь это все равно, что сказать, что суд есть орудие расправы. А между тем суд и расправа — понятия, исключение друг друга.

Бедные обладатели длинных и нежных ушей!

Когда действовали военно-полевые суды, они возмущались расправой, которую творил царский строй над революционерами, когда судебные палаты, подтасовывая в лице сословных представителей голос присяжных, закатывали их в каторгу и ссылку — они протестовали. Да,—говорят они,—мы протестовали тогда против расправы, чинившейся над нами со стороны царского строя. Что же вы, социалисты?—кричат нам эсеры, вкупе с буржуазными учеными, — хотите итти в этом отношении по стопам царизма, когда учиняете вместо суда также расправу над своими противниками?..

Наивные люди!..

Как будто бы буржуазный суд со всеми гарантиями для подсудимого, суд над бедняком, укравшим булку, не был такой же расправой капиталистического порядка над нарушителем принципа частной собственности, как расправой был суд военно-полевой или суд судебной палаты над рабочим, хранившим у себя кипу революционных прокламаций? Какая разница была между тем и другим судом? Когда окружный суд с присяжными осуждал в каторгу громилу, убийцу, взломщика, какая разница была между этим актом расправы «добропорядочных» людей над выбитым из колеи человеком—и между таким же актом расправы судебной палаты над революционером или военно-полевого суда над экспроприатором? И там и там имеет место акт самообороны определенного государственного и общественного порядка против нарушителей этого порядка. И если вашим ушам трудно слышать горькую правду, то только потому, что вы сами сродни тем самым «добропорядочным» людям, которые закатывают убийцу, и вы сами также со спокойной совестью бы его закатали — и, наоборот, вы возмущены расправой судебной палаты потому, что вы сродни тем, кого в данном случае, закатала эта палата в каторжные работы.

Каждый общественный строй и каждый класс, создавая свой порядок, творит в своих судах, как органах борьбы, свое классовое право, **и разницы в этом отношении между судом и расправой, по существу производимого акта борьбы, нет никакой.** Разница есть но не в том, по поводу чего кричат обладатели ушей.

Разница только в формах, в которых осуществляется расправа. Можно расправиться с врагом прямо, удушив его или приказав повесить, и можно расправиться, приняв во внимание все обстоятельства дела и степень его личной вины; можно расправиться, наконец, давши возможность ему представить все доказательства в свое оправдание в виде правильно проведенного следствия, проверки его на судебном разбирательстве, путем судебного следствия, допустив особую защиту и обвинение, в состязательном процессе, допустив гласность судоговорения и выборности коллегии, постановляющей приговор.

Та или другая сумма судебных гарантий, обеспечивающая наибольшую степень доказанности виновности — вот что единственно отличает суд от расправы, а отнюдь не самый акт суда. Материальное существо предъявленного обвинения не играет роли, и потому революционный суд, представляя ряд гарантий подсудимым в смысле обеспечения от ошибочного приговора, ничем по существу не погрешает против своих задач, как органа борьбы.

Само понятие «суда» в этом отношении, как особого органа, стоящего над задачами политической и вообще классовой, поскольку политическая борьба есть только наиболее отчетливая форма борьбы классов, является сплошным софизмом и сознательным извращением перед «малыми сими» его исторического существа. Был и есть только один суд, как определенно обставленный известной формой—орган классовой борьбы господствующего класса над своими врагами. И больше ничего, как существует только классовое право, классовая праведливость. Исчезнет же такое право и такая справедливость только тогда, когда исчезнут самые классы, исчезнет порождаемая ими классовая борьба, с полным установлением социалистического строя. Пока же приходится за него еще бороться, рабочий класс, не смущаясь, не только может, а и должен создавать свои органы классовой борьбы на основании норм своего классового понимания справедливости. Все же остальное—только пустая болтовня, либо заведомая ложь и политиканство буржуазных негодяев.

Оставляя в стороне вопрос об общих судах, мы приступим к изложению тех основ, на которых построены Советской властью ее органы политической борьбы в форме так называемых революционных трибуналов, как органов ее политической расправы со всеми теми, кто злоумышляет против новой власти нового класса — победившего с октября 1917 года пролетариата и идущих за ним беднейших крестьян,—их недостатков, достоинств и необходимых реформ.

III.

Революционные трибуналы учреждены тем же декретом от 24 ноября 1917 года, которыми учреждены новые суды первой инстанции, так называемые местные народные суды. В отличие от этих судов, равно как от учрежденных декретом о суде № 2 Народных Окружных судов, трибуналы отличаются, во-первых, особою ограниченною **подсудностью,** во-вторых, **своим составом** и в третьих, **неограниченностью,** в противоположность местным судам, **своих полномочий.**

Прежде всего для уразумения сущности трибуналов приходится обратить внимание на подсудность. Она определена была впервые ст. 8 декрета № 1, которым учреждались сами трибуналы. Трибуналы учреждались, согласно точному смыслу этой статьи, **для ограждения интересов революции** и ее завоеваний против всяких контр-революционных сил и контр-революционных выступлений, для борьбы с саботажем, мародерством, спекуляцией и прочими преступлениями и злоупотреблениями чиновников, промышленников и торговцев. Исключительный характер преступлений, подсудных трибуналом, определял и их особый состав. Они состояли из председателя и 6 заседателей, избираемых местными Советами и ими отзываемых; тот же характер преступлений определял затем сферу полномочий. Трибуналы постановляли приговоры, руководствуясь исключительно велениями революционной совести и обстоятельствами дела.

Вот все, что говорил декрет. Гораздо полнее определяла подсудность, состав и полномочия особая инструкция, изданная Народным Комиссаром Штейнбергом от 19 дек. 1917 г. Обращаясь к первому пункту, она устанавливала следующие категории подсудных дел: 1) контр-революционные выступления; 2) саботаж; 3) спекуляция, как в форме спекулятивной скупки и перепродажи, так и в форме злостной скупки сокрытия или уничтожения продуктов, с целью вызвать вздорожание; 4) нарушение декретов и распоряжений, по коим в качестве санкции указано предание суду трибунала; 5) преступления по должности, и 6) преступления печати.

Последние первоначально были подсудны особым Трибуналам печати, впоследствии уничтоженным, и переданы общим трибуналам. Точным перечислением кар, которые были вправе налагать Трибуналы, были ограничены в противоположность декрету № 1 полномочия трибуналов. Кары колебались от порицания и денежного штрафа — до об'явления виновного врагом народа и лишения свободы с принудительными работами без указания срока. Особо был определен порядок выбора заседателей. Последние избирались на очередную сессию в числе 6 из 40 избираемых на один месяц. Президиум трибунала избирался местным советом в числе **трех,** но председательствовал один. Установлена, наконец, была организация следственного дела при трибуналах, определен, хотя в высшей степени бегло, порядок судопроизводства и намечен, но не определен точно, порядок кассации приговоров.

Следующими по времени актами о трибуналах приходится считать декрет от 4 мая 1918 года, изданный уже при Народном Комиссаре Стучке.

Декрет вводил два крупнейших видоизменения. Во-первых, он устанавливал местную подсудность, упразднив все местные уездные и волостные трибуналы и сохранив их только в губернских городах, промышленных центрах и железнодорожных узлах; во-вторых, он видоизменил и предметную подсудность. Он добавил к ней дела о погромах, взяточничестве и неправомерном использовании советских документов (подлог), хулиганстве и шпионаже и новым категорическим запрещением из'ял все дела общеуголовного характера. Декрет ввел, наконец, в качестве нового органа при трибуналах, коллегию обвинителей с правами контроля следственного производства и установил законом некоторые из процессуальных норм до сих пор устанавливавшиеся, как нормы практики.

Отдельно следует поставить затем декрет об учреждении, так называемого, Верховного Революционного Трибунала при Ц. И. К. Новое, что вносил этот декрет, это было, во-первых: особая подсуд-

ность в смысле порядка из'ятия из общей подсудности. Таким образом подсудность Верховному Трибуналу была не нормальная, а исключительная. Поскольку же сам Трибунал был исключительным судом, установление исключительной подсудности Верховного трибунала было из'ятием из из'ятия, или исключительной подсудностью в квадрате. Сообразно с этим устанавливался особый порядок из'ятия. Передавать Верховному Трибуналу могли только три высших учреждения Республики: Совет Народных Комиссаров, Президиум Центрального Исполнительного Комитета и Народный Комиссар Юстиции. На практике же подсудность определял всегда только Президиум Ц. И. К. Вторым из'ятием из общего порядка было строение Верховного Трибунала. Его члены избирались из состава членов самого Ц. И. К. и являлись **постоянными, а не переменным составом,** как в Трибуналах. Этим их состав закреплялся гораздо прочнее. Наконец, третьим из'ятием были особые полномочия предоставленные Центральной Обвинительной коллегии Верховного Трибунала в смысле руководства и объединения всех обвинительных коллегий Трибуналов Республики.

Четвертым законодательным актом является принятый 11 июня 1918 года декрет о Кассационном отделе при Ц. И. К., установивший единообразный порядок кассации. Декретом Кассационному отделу предоставлялись, однако, и иные права. Он получил право входить с представлением в Ц. И. К. о смягчении и увеличении наказания, либо полной отмене приговора, в случае признания наличности осуждения явно невиновного.

Последнее право базировало на тех особых задачах, которые лежали на Трибуналах. При том широком размахе, который предоставлялся Трибуналам в определении наказания, более чем необходимо было иметь в руках средство об'единить карательный аппарат и сузить индивидуальные колебания маятника революционной Фемиды. С другой стороны интересы революции требовали направляющей руки в смысле ограждения прав ее от слишком мягких подчас приговоров. Последнее достигалось введением пункта 8 в декрет о Касационном отделе.

Менее принципиальное значение имел декрет от 20 июля о суде № 3, сильно сузивший компетенцию Трибуналов, из'яв из их подсудности все дела о взяточничестве и дела о спекуляции и передав их общим судам. Совершенно незначительным следует признать декрет «о набатном звоне», каравший злоупотребление звоном с контр-революционными целями, и сепаратный приказ Военного Комиссариата, передававший суду Трибунала преступления красноармейцев, выходящие за пределы подсудности товарищеских судов, равно как такой же приказ о Чрезвычайном Трибунале на ж. дорогах.

Этим пока исчерпывалось законодательство Советской Власти о Трибуналах. Ее законодательное творчество в плоскости общих судов мы оставляем в стороне. Что же говорят нам все эти акты?

Если вспомнить все то, что мы писали в первой части нашей заметки о природе всяких судов вообще, то следует прежде всего признать, что Трибуналы должны были по мысли законодателей явиться особыми **исключительными** судами, для специальных категорий преступлений, связанными с исключительным характером переживаемой эпохи. Это суды для преступлений эпохи, другими словами, фактически, временные суды. Это суды политические, по своему существу против квалифицированных преступлений, вызываемых особыми условиями переживаемого периода диктатуры революционного класса,—органы самообороны революции против всех тех, кто колеблет прямо и непосредственно существующий строй. Отсюда вытекала их исключительная суровая репрессия и амплитуда их карательных прав. Для теоретиков буржуазного права поэтому один голый факт их существования являлся нарушением принципа равенства всех перед судом, и единства суда вообще. Наши противники поэтому с первых же моментов учреждения Трибуналов подняли вопль о том, что социалистическая Советская власть с первых же шагов своего судебного творчества отступает от принципов, считающихся основой всякого демократического правового строя, ибо возвращается к учинению старых судебных палат для особых политических преступлений, только перевернув де навыворот их строение. Если раньше, говорят наши противники, существовали судебные палаты, где заседали подтасовывавшие голос присяжных сословные представители, то теперь Советская власть учиняет свои такие же палаты с своими представителями, избираемыми в

особом порядке для особых преступлений. Наши противники в этих своих доводах до известной степени правы. Совершенно верно, что Трибуналы есть особые политические суды. Но мы уже указали на основной дефект всех рассуждений буржуазной науки на этот счет. Если всякий суд есть орган борьбы данного класса против своих врагов, то Советская власть совершенно последовательно и без малейших колебаний имела право и обязанность, отбросив в сторону всякую ложную софистику заявить: да, так как нас сейчас со всех сторон окружают враги, то мы—орган рабоче-крестьянской власти—учреждаем для борьбы с врагами, непосредственно направляющими на нас удары, особые органы этой борьбы и просим не погневаться, если так же последовательно и открыто, по отношению к этим врагам учреждаем такие органы, которые, предоставляя им ряд гарантий в смысле обеспечения в наибольшей степени от судебных ошибок, виновных и тех, чьи преступления против строя рабоче-крестьянской власти доказаны, будут карать нещадно. Но наши противники, однако, и тут не смогли не лгать.

Ничего подтасованного в Трибуналах нет. Приговор выносится на основании революционной совести и изучения обстоятельств дела, после гласного разбирательства, по решению выборных рабочих и крестьян. Судьи из состава суда, даже в Верховном Трибунале, не являются назначенными судьями, они также выбираются из членов Высшего или местного Законодательного учреждения республики. Те, кто призваны издавать законы, те же судят и за нарушения законов. Принцип разделения властей судебной, административной и законодательной—такая же ложь, как и половина вообще «принципов» буржуазного права. Он создан еще Монтескье в тот момент, когда в старой полицейской монархии судья, и администратор, и законодатель было одно и то же лицо. Ничего подобного в наших Трибуналах нет, так как нет вообще нигде в строе Советских учреждений единоличного решения. Коллегиальный состав всех Советских учреждений, иной персонально состав лиц, занятых непосредственной законодательной и подготовительной работой, и лиц судебных коллегий, выборность всех до одного лиц, как членов Ц. И. К., так и местных Советов и лиц занимающих высшие административные посты, исключает прежнюю административную зависимость чиновничества и возможность личного произвола и усмотрения в каждом отдельном случае, не только судебного, а и всякого, даже административного, распоряжения. Только люди совершенно далекие от понимания всего духа советских учреждений, могут поэтому к нашим учреждениям применять старые мерки и теории разделения властей и принципы строения буржуазного, государства. Выборность всех ответственных должностей, коллегиальность всех принципиальных решений и, главное, возможность отзыва в любой момент любого административного лица, вместе с отсутствием административной гарантии для чиновников—все вместе создает полную гарантию от личного произвола, что же касается произвола **коллективного**, то боязнь такового есть такая же буржуазная ложь, и больше ничего. Любой законодательный акт, есть акт произвольного творчества данного коллектива, призванного осуществлять законодательные функции, любой приговор есть такой же произвольный акт, поскольку он представляет собою свободное умозаключение от обстоятельств дела к выводу о виновности или невиновности подсудимого, а гласность судопроизводства и возможность публичного контроля и отозвания судей—представляет из себя совершенно достаточные политические гарантии от вопиющего нарушения требований той революционной совести, на свободном решении которой даже старый суд строил все судопроизводство суда присяжных, предоставляя право присяжным говорить: «нет, не виновен» тогда, когда акт преступного деяния доказан и на лицо.

Революционный Трибунал есть гласный акт борьбы с преступлениями, направленными против власти рабочих и крестьян, постановляемый по приговору избранных представителей рабочих и крестьян.

Совершенно правильным с этой точки зрения было не только выделение определенной категории преступлений для предания их особому исключительному суду, но и то сужение подсудности с одной стороны, которое наблюдается в декретах от 14 мая и 20 июля, и то расширение прав Трибуналов, которое установлено смертными приговорами Верховного Трибунала по первым же двум процессам, бывших предметами его разбирательства, и отменой ограничительной инструкции Штейнберга, последовавшей незадолго до этих приговоров.

Эти исправления первого декрета о Трибуналах показывают, что логика жизни заставила внести в конструкцию и законодательства о Трибуналах необходимые изменения. Практика Кассационного отдела в настоящее время указывает на новые необходимые изменения.

В первую голову здесь приходится отметить следующее.

Чрезмерную громоздкость судебных коллегий и крайнюю неясность инструкции от 19 декабря. Устанавливая состав Трибунала из Председателя, двух его заместителей и 6 заседателей, выбираемых из 40 очередных избираемых на месяц, в то время как председатель и члены президиума избирались на три месяца, инструкция Штейнберга заблудилась в трех соснах: между стремлением сделать что-то близкое к суду присяжных, стремлением создать особый исключительный суд и стремлением установить единую коллегию. Создав рядом с Трибуналами местные суды с ограниченной компетенцией из трех лиц: председателя и двух заседателей, создав суды второй инстанции из председателя и 12 заседателей, инструкция создала трибуналы из семи лиц, но избрание их не обусловила **никакими отличиями от порядка избрания заседателей в Окружной или местный суд.** Получилась только численная, т. е. количесвтенная, а **не качественная** разница. Спрашивается, чем же по существу отличался Трибунал от Окружного суда в своей структуре? **Ничем.** Кроме того, что 7 всегда меньшая гарантия правосудия, чем 12, и большая чем три. А между тем права его должны быть неизмеримо больше, ибо старым уголовным уложением он руководствоваться не мог. Одно из двух! Если Штейнберг хотел создать исключительный суд, как орган борьбы, он должен был итти по пути, на который встал Народ. Комис. Стучка при создании Верховного Трибунала—заменить переменный состав заседателей постоянным составом испытанных революционеров из состава местного Совета, как Верховный Трибунал берет своих членов из состава Ц. И. К. Права Трибунала должны компенсироваться в этом случае революционным доверием революционных обязательств, которые падали в этом случае на совесть и правосознание судей-революционеров. Или передать все дела Окружному суду.

Вторая неясность была в редакции инструкции Трибунала о **составе** президиума суда. Неясность повела к тому, что в целом ряде провинциальных Трибуналов имел место различный—численно-состав. Иногда состав состоял из девяти лиц—шесть заседателей и три члена президиума, причем в одних случаях они заседали вместе, в иных случаях отдельно. В одних случаях на разрешение заседателей ставились предварительно вопросы, в других постановка вопросов вовсе отсутствовала (большинство случаев). В иных случаях, наконец, состав варьировал между семью, восемью и даже шестью членами судебной коллегии, в зависимости от того принимал или не принимал участие в совещании судей товарищ председателя трибунала или входил он или не входил в качестве отсутствующего заседателя. Кассационному отделу пришлось до 50 % кассируемых приговоров кассировать именно по незаконности состава.

Крайне неясно определялась также процессуальная сторона и, в особенности, следственная часть в Трибуналах. Так, Московский Трибунал ввел в практику особую камеру предания суду, в виде публичных заседаний следственных комиссий. Петербургский—совсем наоборот—не допускает даже защиты в стадии до окончания следственного производства.

Все это вместе порождало разнообразие процессуальных форм, что нарушало главную основу всякого суда,—о чем мы уже говорили—единство формы отличающей суд от произвольных решений случайных коллегий.

Не оговорена совершенно также была в инструкции форма протоколов судебных заседаний.

Н. Крыленко.

Сельсно-хозяйственные коммуны.

Последние месяцы жизни в деревне отмечены новым явлением—созданием коммун. В каждом номере газет можно найти сообщения из провинции об образовании в разных углах России сельско-хозяйственных коммун и трудовых артелей. Очевидно, мы имеем дело с явлением не случайным, а вызываемым серьезными экономическими причинами. Рассмотрение того состояния, в котором находится наше сельское хозяйство, подтверждает это положение.

Россия нуждается в улучшении сельского хозяйства, чтобы иметь возможность и себя прокормить и кое-что вывести в другие страны в обмен на те продукты и фабрикаты, которых у себя она не добывает и не производит. А как улучшить сельское хозяйство, когда у нас сельско-хозяйственных машин мало, когда наше крестьянство, пожалуй, самое безлошадное в мире. Так было и до войны, после же войны стало еще хуже. Что толку из того, что вся земля отошла крестьянам, когда эту землю подчас нет средств обработать.

Вот эти-то обстоятельства,—с одной стороны необходимость поднять производительность сельского хозяйства, а с другой—недостаток необходимых для этого средств,—толкают деревню на путь кооперации (сотрудничества), так как то, что не может быть сделано отдельными земледельцами, может быть достигнуто ими же в артельном порядке. При обработке земли сообща нужно значительно меньше и сельско-хозяйственных орудий и лошадей. Так по сведениям, касающимся Полтавской губернии, было, например, вычислено, что для обработки 100 десятин земли в мелких хозяйствах с посевной площадью от 1-ой до 3-х десятин было занято 10 плугов и 50 лошадей; для обработки тех же 100 десятин земли в хозяйствах с посевной площадью выше 50 десятин нужно было только 4 плуга и 20 лошадей.

Крестьяне прекрасно знают преимущество обработки крупных хозяйств, не пользовались же они ими и по свойственному людям обыкновению жить особняком и потому, что в старом строе против этого были бы и помещики и кулаки. В настоящее же время экономическая необходимость толкает наиболее мелких землевладельцев на путь обработки земель сообща, что же касается кулаков, то они теперь более или менее обезврежены; не у кого им искать поддержки в борьбе со стремлением беднейших крестьян к сотрудничеству. Так экономической необходимостью и хозяйственными выгодами об'ясняется прежде всего возникновение многочисленных коммун в русской деревне. Усиливают же стремление к образованию коммун, к ведению хозяйства сообща, социалистические идеи, усвоением и обработкой которых занято сейчас сознание русского рабочего и крестьянина.

Организуются коммуны, главным образом, мелкими, беднейшими крестьянами, бывшими батраками, городскими рабочими, которых безработица, безхлебица и право на землю потянули в деревню; иногда в коммуны входят и интеллигенты, сельский учитель, агроном, художник. В последних номерах «Голоса Трудового Крестьянства» есть сообщение из Царицына об образовании в станице Кагалинской сельско-хозяйственной коммуны, в состав которой входят беднейшие казаки, и из Нижняго-Новгорода о том, что монастыри в глухих местах губернии просят губернский земельный отдел разрешить образование монастырских коммун для обработки земли с правом вступления в эти коммуны всех желающих граждан.

Разнообразие коммун безгранично. Одни в несколько десятков человек, бедные средствами; другие малочисленные, но ни в чем не нуждающиеся; иные коммуны отличаются многолюдством, другие тем, что состоят исключительно из мужчин—«холостяков».

Большинство коммун занимается исключительно обработкой земли. Но есть и такие, которые организуют мастерския, производство кустарных изделий, как подсобный промысел к собственно сельскому хозяйству. Просматривая сообщения с мест об образующихся коммунах находим следующие:

В Александровском уезде, Владимирской губ., в селе Щеглове крестьяне образовали трудовую коммуну **огородников.** В состав коммуны входит 88 человек.

В Холмогорском уезде, Архангельской губ., в селе Денисовке, трудовая коммуна местных крестьян работает над размножением **племенного** холмогорского **скота.** Устроена **молочная** ферма.

В Царевском уезде, Астраханской губ., в селе Гнилицы и Красном Яру трудовая коммуна «Поморян» занимается исключительно **рыболовством.** Устроен и оборудован коптильный завод, сделаны два рыбных засола, открыта консервная фабрика.

В Смоленске образовалась коммуна, предполагающая заняться, кроме огородничества, **сбором дико-растущих растений** и плодов для замены возможно дешевой—исчезающих с рынка чая и кофе хорошими суррогатами.

Подобных сообщений о самых разнообразных видах коммун, возникающих в разных углах России, можно найти десятки.

Чтобы ярче показать, как разнообразны наши коммуны, приведем описание еще 3-х коммун.

В имении Вукоитово, Игнатьевской волости, Зубковского уезда, Тверской губ. организовалась коммуна из местных крестьян в числе 40 человек. Коммуне был отведен участок земли в 40 десятин, полуразрушенная усадьба и кое-какие постройки. Коммунары составляют дружную семью, делятся молоком от единственной коровы, засеяли 13 десятин яровым хлебом, засадили картофелем и овощами 3 десятины и приготовили к озимому посеву 7 десятин. В коммуне есть плотник, столяр, портной и портниха, печник и специалист по ремонту сельско-хозяйственных машин. Коммунары намерены, как только добудут свежих продуктов и слегка освободятся от полевых работ, исправить помещение в имении, поселиться там, устроить общую кухню и жить дружной семьей, в свободное время от полевых работ занимаясь изготовлением деревянных борон, граблей, железных ведер и пр., как для своей коммуны, так и для соседних крестьян. Небезынтересно отметить, что в поле с одинаковым успехом работают и мужчины и женщины, при чем последние не отстают в работе от мужчин: гонят с ними одинаковый вал покоса. Коммуна весьма небогата: имеет из живого инвентаря, кроме коровы, двух лошадей.

Бридинская коммуна Торопецкого уезда, Псковской губ. представляет уже иную картину. Состоит она из 50-ти человек, землепашцев. Об'единило членов коммуны сознание преимуществ коллективного (общественного) хозяйства перед единоличным. Имущество членов коммуны целиком поступило в пользу коммуны; коммуна получила от Центрального Народного Комиссариата Земледелия ссуду в 30.500 рублей. В распоряжении коммуны имеется 160 десятин земли: пахотной 70 дес. и покоса 90 дес. Земля в настоящее время засеяна. Хозяйство ведется при непосредственном участии агронома и скотовода, которые способствуют развитию сельскохозяйственной культуры в коммуне.

Весьма сложную организацию, по сравнению с двумя описанными коммунами, являет Новорешинская, Новоузенского уезда, Самарской губ. коммуна. В состав ея входит 8.474 человека, население целой волости. Для удобства управления она делится на мелкие единицы, а именно на 508 трудовых артелей. Во главе коммуны стоит волостной совет. Все части коммуны тесно связаны между собой общим договором. Благодаря артельной работе, площадь засева в 1918 году в 1½ раза больше предыдущих лет, хотя обработку полей вели, не прибегая к наемному труду. В постановке хозяйства коммуна, благодаря об'единению, достигла хороших результатов; правильно поставлены: полеводство, садоводство, травосеяние и огородничество. Различные ремесленные работы: кузнечные, плотничьи, столярные, кирпичные, кровельные, малярные, кожевенные исполняются своими же мастерами. Все специалисты взяты на учет, работы их оплачиваются трудообменным способом; как мастера, так и семьи их вполне обезпечены хлебом и всеми необходимыми продуктами из общего фонда. Живой и мертвый инвентарь распределен между всеми коммунарами. Питательные продукты и прочие предметы первой необхо-

димости находятся в общем пользовании и распределяются также равномерно между членами коммуны. Для экономии труда и топлива предполагается организовать в различных селах и деревнях «Общественные столовые». Для осуществления всех этих задач коммунального хозяйства и для достижения усовершенствования и постановки на должную высоту его, коммуна нуждается в помощи, тогда дело будет поставлено на твердую почву. В 1918 году коммуной засеяно 53.032½ десятины земли.

Следует отметить в жизни возникающих коммун некоторые черты, свидетельствующие о серьезном отношении коммунистов к делу.

Слапинская, Новосильского уезда, Тульской губ. коммуна, например, постановила, чтобы не было в ее среде лодырей, облагать уклоняющихся от несения работ штрафом в первый раз в 25 руб., во второй в 50 руб., и, наконец, изгнанием из коммуны.

Многие коммуны, памятуя, что «не хлебом единым сыт человек», ставят себе культурно-просветительные цели. Так Щеголовская коммуна, Владимирской губ. открыла читальню, школу и народный дом. Коммуна в селе Елки, Царевосанчурского уезда, Вятской губ. приобрела научные книги по сельскому хозяйству, оборудовала библиотеку и открыла народный дом. Коммуна фронтовиков в селе Подбельском, Архангельской губ. собирается открыть на побережьи Белого моря санаторий и школу для больных детей и т. п.

Сколько же коммун в России? По сведениям Центрального Комиссариата Земледелия в Тверской губ.—38, в Новгородской—20, во Владимирской—12 сельскохозяйственных коммун и 7 артелей, в Костромской—20 коммун и 30 артелей. Всего зарегистрировано более 500 коммун. Но надо заметить, что сведения эти далеко отстоят от действитльности, т. к. не изо всех концов России получаются справки, многие коммуны существуют, не будучи отмечены ни печатью ни учреждениями; наконец, каждый день приносит сообщения об образовании новых коммун. Этот рост коммун также показывает, что не со случайным явлением мы имеем дело, а с новым широким народным движением в сторону перестройки земельных отношений и типа сельского хозяйства. Рост коммун в деревне большой шаг вперед на пути к социализму.

Задачей ближайшего момента является создание об'единяющего центра для разбросанных по территории России коммун. Образовавшийся в селе Никольском «Трудовой Коммунистический Союз беднейших крестьян и рабочих всех стран» поставил себе задачей создать такой центр. Им образованное бюро предполагает созвать в Москве с'езд представителей от всех коммун России. Созданный этим с'ездом центр сможет, совместно с Комиссариатом Земледелия, сыграть огромную роль в организации деревни и сельского хозяйства.

А—ий.

Борьба за хлеб.

Продолжительная война подорвала экономическое состояние России.

Площадь посева значительно сократилась. Животный крестьянский инвентарь уменьшился вследствие поставки лошадей в армию и громадных мясных заготовок для той же армии.

Фабричное производство пришло в упадок из-за призыва рабочих и мобилизации заводов на военные нужды.

Ввоз из-за границы прекратился.

Россия обеднела и с'естными припасами и всякого рода товарами.

Транспорт нарушился вследствие порчи подвижного состава и трудности его починки и замены, а также вследствие недостатка угля, добыча которого уменьшилась.

Цена денег сильно понизилась, и продукты стали быстро дорожать.

В таком состоянии Россию застала революция.

Громадное значение имеют старинные, испокон века налаженные привычки, устойчивый уклад жизни. Они были нарушены войною и сметены революцией.

Раньше все верили, что завтра пройдет, какъ сегодня, сегодня, как вчера. Война заставила думать о будущем, которое казалось неверным.

Люди начали делать запасы.

Революция еще усилила такое настроение, и оно стало стихийным.

Наряду с бессознательной жаждой сбережений росла и чудовищная спекуляция.

Припрятанные запасы стало необходимым во что бы ни стало извлечь, чтобы удовлетворить настоятельные нужды населения.

Поэтому правительство было вынуждено ввести хлебную монополию.

Теперь многие говорят о восстановлении вольной продажи, но к чему это может повести?

Так как у окруженной со всех сторон Великороссии очень мало хлебных запасов, то торговцы в хлебных губерниях, может быть, и сумеют снабдить хлебом город, но в то же время неминуемо обрекут на голод губернии, не добывающие хлеба.

Хлебная монополия до самого последнего времени не могла быть как следует проведена в жизнь. Деревня хлеба не давала тем более, что крестьяне стали требовать товаров в обмен на хлеб.

Мешечничество, как всякая контрабанда, просачивалось сквозь угрозы и запрещения. Оно развивалось тем сильнее, что законного пайка городам безусловно не хватает.

Жизнь показала, что компромиссные решения делу не помогают. Хлебная монополия, непоследовательно проводимая Временным Правительством, рядом с вольной продажей других продуктов, не могла достигнуть цели.

Единственным спасением является равномерное распределение всех продуктов и сырья.

Государство и приступило к решению этой грандиозной задачи.

Чрезвычайно интересные попытки непосредственного товарообмена наблюдались, например, на Нижегородской ярмарке.

Но, конечно, самое главное внимание обращено правительством на продовольственное дело и прежде всего на извлечение из деревни залежавшихся там излишков хлеба, а также нового урожая. Средства для этого мы видим троякого рода: снабжение деревни мануфактурой и др. предметами и повышение твердых цен с той целью, чтобы хлеб отдали добровольно *). И наряду с этим, широко поставленную организацию деревенской бедноты и посылку продовольственных отрядов.

---

*) Повышение твердых цен не является, какъ думают в обывательских кругах, крахом продовольственной политики Советской власти. Твердые цены не могут оставаться неизмененными без конца, они должны устанавливаться однажды в год—в момент сбора урожая; если они устанавливаются реже, то перестают соответствовать ценам на другие продукты, если чаще—перестают быть твердыми ценами.

Две последние меры вызваны к жизни необходимостью беспощадной борьбы с кулачеством и мешечничеством.

В последнее время слышались жалобы не только из городов, но и из деревень, что хлеба нет, а кулаки его не отдают и не продают. Продать односельчанину так дорого, как спекулянту, нельзя, потому что соседи осудят, а дешево отдать жаль, и кулак не дает ничего.

По идее тов. Ленина, продовольственные отряды не должны действовать, как грубая физическая сила, они должны состоять из сознательных рабочих, которые бы являлись в деревне пропагандистами и товарищами бедных, притесняемых кулаками.

Желательно установить тесную связь и полное доверие между рабочими и крестьянами, чтобы преодолеть исстари противоположные интересы города и деревни. И те, и другие должны класть фундамент такой организации производства и потребления, чтобы всем был обезпечен минимум существования.

В начале своей деятельности продовольственным отрядам приходилось быть прежде всего силой, извлекавшей запасы хлеба. В последнее время они содействуют сбору урожая в помещичьих экономиях, с полей кулаков и богатеев, убирают хлеба в прифронтовых местностях и вообще помогают местным крестьянам. Они же содействуют ссыпке всех излишков в государственные склады.

Вторым орудием для действительного осуществления хлебной монополии должны служить комитеты бедноты, которые об'единяют всех жителей сел и деревень, как местных, так и пришлых, за исключением заведомых кулаков и богатеев.

В настоящее время работают сельские, волостные и уездные комитеты и с'езды бедноты.

Права и обязанности комитетов очень широки.

Они помогают отрядам в покупке хлеба и реквизиции, составляют списки бедных крестьян, между которыми должны быть поделены хлеб, предметы первой необходимости и сельскохозяйственные орудия. Они же заведуют складами излишков.

В уездный с'езд комитетов бедноты посылают своих представителей и рабочие фабрик и заводов.

Тесное сотрудничество рабочих и трудового крестьянства характеризует одно из последних мероприятий правительства—образование реквизиционно-уборочных отрядов из городских рабочих.

Половина заготовленного с помощью этих отрядов хлеба препровождается в пославшую отряд губернию и обращается непосредственно на удовлетворение потребности заготовившей хлеб организации. Другая половина остается на месте.

Реквизируется этими отрядами только спрятанный хлеб, так как владельцам запасов предоставляется время заявить о нем и продать по твердой цене.

Перечисленные правительственные меры по борьбе с голодом начинают давать результаты. Сообщается из ряда мест об успешной уборке рабочими отрядами посевов, о развивающемся обмене мануфактуры на хлеб, о значительных количествах уже ссыпанного хлеба.

О. Л.

Трудовая школа *).

Старая школа готовила людей интеллигентных профессий, школа будущего станет воспитывать просто людей.

Результатом деления общества на классы бывает то, что часть общества является носительницей интеллектуальных знаний и связанных с ними профессий, а остальной массе населения остается в удел чисто физический труд, оторванный от знания и личного творчества. Главная задача будущей школы, это—соединить умственный и механический труд и самый труд сделать легким и радостным, разумным и творческим.

В такую школу должны приниматься дети всех граждан независимо от классов и профессий, такая школа должна быть не только доступной, но и обязательной для всех.

Возникает вопрос, скольких лет должен поступать ребенок в школу и сколько времени там учиться. Это—вопрос очень спорный. Во всяком случае, разделение школы на ступени является необходимым.

Есть сторонники трех ступеней, по четыре, а то и по три года каждая. Но это деление имеет свои недостатки. Обязательной можно сделать только первую ступень, так как у многих родителей будет соблазн не пускать ребенка во вторую ступень школы, а оставить его дома. В будущем, когда культурный уровень народа поднимется, этих опасений не будет, но теперь приходится сильно считаться с психологией масс.

Более удобна в этом отношении школа двухстепенная: от девяти до тринадцати и от тринадцати до семнадцати лет. Дошкольное воспитание ребенок от пяти до девяти лет получает в детском саду; поэтому можно расчитывать, что уже из первой ступени школы 13-летний ребенок выйдет вооруженный теми знаниями и опытом, которые и можно считать за минимум образования. И, если в следующую ступень перейдут и не все учащиеся, то все-таки можно с уверенностью сказать, что цель обязательного обучения достигнута. Как же должна быть организована школа и каковы ее главные принципы?

Во-первых, школа будет трудовой, во вторых—единой.

«Жизнь есть школа — школа есть жизнь», и поэтому школа должна быть построена по правилам, диктуемым самой жизнью. Каждая школа—это автономная, самоуправляющаяся коммуна, где все имеют равные права и обязанности, где труд и пользование трудом равно распределено между всеми, где все вопросы решаются сообща учителями и воспитанниками.

Каждая такая коммуна имеет собственный участок земли, на котором можно было бы заниматься садоводством и огородничеством, где была бы площадка для игр и спорта.

Самое помещение школы должно удовлетворять всем новейшим требованиям гигиены. Строгое внимание должно быть обращено на питание детей, как живущих в школе, так и приходящих. Только при соблюдении этих чисто гигиенических условий можно воспитать людей сильных физически и нравственно.

Обучение должно быть совместным: таким образом, и мальчик, и девочка привыкают смотреть друг на друга, как на товарищей в играх и в работе.

Принцип обучения строится на естественной любознательности ребенка. В первой стадии обучения следует поставить в самую тесную связь ручной труд и умственное развитие. Ребенку свойственна самодеятельность. Из каждой бумажки, из каждого деревянного бруска, он старается сделать что-нибудь свое, изобразить какой-нибудь предмет окружающего мира. Дети с удовольствием будут помогать в кухне, в саду, в огороде. И на этих работах начнется их обучение. Не надо ничего навязывать детям; при умелом руководстве они дойдут до всего сами.

Гуляя в саду, натолкнутся на тысячи интересных подробностей из мира естествознания, из опыта повседневной жизни, заинтересуются счетом, в рассказах окружающих заметят незнакомые исторические и географические понятія. И тогда уже можно начинать систематическое обучение, вы-

*) Статья была написана до московского с'езда подробный отчет о котором будет дан в № 3 журнала.

званное естественной необходимостью. Потом, когда ребенок становится старше и у него возникает потребность в более точном знании, он получает книгу. Но и на следующих ступенях обучения нельзя позволять ученику пользоваться готовым материалом; надо заставить его самого работать, не брать ничего на веру, а стараться исследовать все, что только возможно. В каждой школе должны быть хорошо оборудованная лаборатория, исторические источники и документы[1]), библиотека, которой заведуют сами ученики.

По инициативе учеников организуются научные кружки. В этих кружках ученики могут читать рефераты, обсуждать волнующие их вопросы, читать и вместе обсуждать книги и газеты. У большинства молодежи есть потребность изложить свои мысли в форме статьи, рассказа или стихотворения. Таким образом создается школьный журнал.

«Класс» не должен быть чем-то однородным для учителя. Последний обязан улавливать индивидуальность каждого ученика. Для способных к живописи устраиваются особые мастерские, музыкальных развивают в соответствующем направлении.

Самый учебный план должен быть изменен, но это не значит, что уровень требований понизится. Мертвые древние языки могут быть отброшены без ущерба, зато в курс введутся основы политической экономии и социологии, вопросы охраны труда, общие биологические понятия, гигиена, анатомия.

Ученик, выходя из школы, будет иметь всестороннее более или менее законченное образование.

Как уже было сказано выше, физический труд должен занимать в жизни, а, следовательно, и в школе, одинаково почетное место с трудом умственным. Прежде всего, ученик не должен иметь представления о какой-либо «прислуге». Прислуживает каждый сам себе, или взаимно друг другу. Все ученики должны принимать участие в приготовлении себе обеда, в уборке дома и сада, в стирке своего белья. Конечно, при этих работах должен быть человек знакомый и привыкший, например, к стряпне или стирке, но это будет опять-таки не прислуга, а руководитель, обучающий детей новому для них делу.

Кроме того, ученики будут сами вникать в хозяйственную жизнь своей школы. Они должны знать смету доходов и расходов (разумеется, речь только о старших воспитанниках) и, сообразно смете, самим распределять, что купить из необходимых школьных пособий, с'естных припасов, одежды. И покупают они все тоже сами. Ходят по лавкам, прицениваются, выбирают. Все, что возможно, они должны сработать сами. В каждой школе будут станки и инструменты, на которых ученики могут делать и починять свою мебель, переплетать книги, шить сапоги. Таким образом, они приучатся к тому, что мало знать, как то или иное надо сделать, надо еще и приложить это знание на практике. С другой стороны, физический труд не будет для них чем-то машинным, механическим; они работают не только руками, они в то же время знают техническое устройство инструмента, которым работают, они вносят в дело личную инициативу, свое индивидуальное «я». И они учатся уважать труд, любить его.

В некоторых старых школах применялся так называемый ручной труд, но это совершенно не то, что должно быть в трудовой школе. Там ученики делали не вещи первой необходимости, а предметы, не имеющие для них значения и не нужные им. Эти предметы или поступали на разного рода ученические выставки, или оставались без употребления, что заставляло учеников думать о совершенной ненужности и непроизводительности их труда. В трудовой же школе ученики именно воспитываются на том принципе, что для участия в жизни мало думающей головы, что нужны еще и мускулистые руки.

Трудовая школа должна быть единой.

При старой системе народного образования существуют начальные школы, в которых учатся дети рабочего класса, и школы средние, преимущественно для детей буржуазии.

Трудовая школа будет единой в том смысле, что, кроме нее не будет допущен никакой другой тип школы, и дети всех классов должны будут учиться и воспитываться вместе. Для практического осуществления этого школа будет бесплатной и обеспечивающей детям все необходимое.

---

[1]) Конечно, в каждой школе подлинными историческими документами пользоваться будет нельзя, но их могут заменять хорошо изданные копии.

Кроме того, школа должна функционировать в течение круглого года, с той только разницей, что в летние месяцы на физический труд будет обращено особое внимание. Школа переносится в деревню, где ученики будут исполнять всевозможные полевые работы. Таким образом, школа станет в самую тесную связь с трудящимися массами, будет близкой к ним не только по составу, но и по духу. Тогда трудящиеся массы легко поймут ее необходимость, охотно пойдут ей навстречу и дадут все необходимое для свободного обеспеченного существования школы.

Для того, чтобы провести в жизнь новую идею трудовой школы, необходимы свежие кадры учителей, не учителей чиновников, а учителей, проникнутых своей идеей, стремящихся к созданию новых, лучших форм жизни.

В трудовой школе учитель—это старший товарищ ученика, его друг и руководитель. Поэтому, система отметок и экзаменов должна быть отброшена. Путем взаимного уважения и понимания будет достигнуто больше, чем путем принуждения.

Учитель—это не только воспитатель детей, это—общественный деятель. Он не должен стоять вне политики и жизни, он должен идти вместе с нею. Только учитель, понимающий интересы и нужды трудящихся масс, может стоять на высоте своего призвания. Близкий к ним, он лучше проникнется идеей момента и сумеет увлечь за собой молодежь. И учителю мало учить других, он должен все время учиться и совершенствоваться сам.

Тот, кто стоит на месте, невольно отступает назад, а учитель воспитывает молодость, которая идет завоевывать будущее.

Поэтому теперь учителям предстоит огромная работа. И в ряду условий, необходимых для того, чтобы эта работа была действительно плодотворной и не тормозилась ничем, школа должна быть отделена от церкви.

Церковь была опорой старого монархического строя и поэтому, естественно, занимала почетное место в школе. Теперь церковь отделена от государства. Отделение церкви от государства является одним из необходимых шагов в установлении свободы: он обеспечивает возможность каждому гражданину чувствовать себя свободным в исповедании той или иной веры. Нет господствующей под покровительством государства религии, нет и тех стеснений, которые испытывали в жизни, в службе, в работе люди, не принадлежавшие к поддерживаемому государством вероисповеданию.

Теперь должно прекратиться влияние церкви и на школу. Интересы педагогики, интересы школы от этого выиграют. В школе, при влиянии церкви, не могли или находили с трудом себе место учителя, не принадлежавшие к православному исповеданию; в школе не могли быть правильно излагаемы научные истины, если они не согласовались с истинами вероучения; в школе детей заставляли заучивать наизусть непонятные им догматы катехизиса.

В трудовой школе не будет ни принудительных богослужений, ни уроков Закона Божьего. История церквей и религий, история обрядов и культа, история сект и религиозных исканий—предметы в высшей степени интересные и могут быть изучены в старшем возрасте не как догма закона Божьего, а как часть истории культуры.

Школа, будучи самоуправляющейся общественной ячейкой, должна подчиняться только требованиям жизненного текущего момента, тем более, что молодежь особенно сильно реагирует на все происходящее вокруг, и при умелом руководстве, всегда может стать полезной. В связи с этими соображениями есть проект ввести в школе обучение военному строю. В младшем возрасте нельзя еще знакомить детей с оружием, и обучение сведется только к рациональной гимнастике, развитию глазомера, ловкости. На второй ступени школы ученики учатся владеть оружием, производят разведки, знакомятся с походом, с окопным делом. Таким образом, в случае надобности, страна может располагать кадрами борцов, хорошо обученных военному делу, с высоко развитым чувством гражданственности.

Трудовая школа должна воспитывать сознательных граждан. Это ее первая и прямая задача. По выходе из школы юноша или девушка, получив общее политехническое образование, могут свободно выбирать какую угодно специальность. И они будут не только практически приспособлены к жизни, то есть будут иметь то, чего не дает современная гимназия, у них будут твердые устои гражданственности и общественности, они будут готовы к самому трудному, но и самому радостному творчеству—творчеству жизни.

С. А. Ш—ич.

Друзья и враги Советской Власти *).

I.

Отношение европейских правительств, буржуазии и пролетариата к Советской власти, конечно, прежде всего определяется той необычайно своеобразной внешней политикой, которую она неуклонно проводит вот уже в течение 9-ти месяцев.

Политика эта, как известно, сводится к действенной пропаганде мировой социальной революции и к борьбе за всеобщий мир, который был бы основан не на империалистических, а на истинно демократических принципах, отказа от территориальных аннексий и контрибуций.

Поддерживая подобный «курс на непосредственную близость мировой революции», Советское Правительство, конечно, весьма мало заинтересовано в поддержании «сердечных» и «добросердечных» отношений с соседними капиталистическими правительствами.

И действительно, мы наблюдаем оригинальную картину: по выражению Народного Комиссара по иностранным делам, «через голову правительств» Советская власть обращается к революционному пролетариату всех стран, призывая его к международной борьбе против империализма и против капиталистического строя (Доклад Народного Комиссара по иностранным делам на 5-м С'езде).

Это обращение к народным массам, через голову правящих классов, и вызывает не менее яркую и своеобразную реакцию, как со стороны европейских правительств и примыкающих к ним буржуазных классов, так и со стороны пролетариата и тяготеющей к нему интеллигенции.

Не вдаваясь в подробный разбор, мы можем указать, что отношение не-пролетарской Европы к Советской власти носит двойственный характер

С одной стороны мы видим безудержную проповедь интервенции, т. е. вмешательства в русские внутренние дела, которая об'единяет огромные круги европейской буржуазии от безыменных мелких французских держателей, потерявших свои капиталы в России, до великодержавных промышленников типа лорда Нордклиффа, от парламентариев вроде Клемансо до социал-патриотов из «Humanité» и до бывшаго пасифиста Эрве,—все они требуют немедленного освобождения России от «максималистских каторжников», «насильников» и «немецких наемников» — большевиков, спасения ее от грядущаго голода и холода, которые, по вычислению лорда Сесиля, должны унести будущей зимой не менее 20 миллионов человек, наконец, создания восточного фронта, обращенного против Германии.

На-ряду с этим непримиримым течением существует другое, придерживающееся более терпимого, компромиссного отношения к Советской власти, однако неизмеримо менее влиятельное и в настоящее время, можно сказать, сошедшее на нет.

Представители этого второго течения готовы отчасти признать Советскую власть, конечно, не ради ее «прекрасных глаз», а главным образом, ради тех экономических выгод, которые сулит сближение с Россией как по окончании войны, так и в настоящее время.

Эти капиталистические круги, к которым относится хотя бы часть английских радикалов с их органом «Manchester Guardian», а также до самого последнего времени влиятельные буржуазные группы Соединенных Штатов, предпочитают, по выражению Чичерина, «политику торга — политике разбоя», и их влиянием надо об'яснить те колебания с вопросом об интервенции, которые мы наблюдали в течение последних месяцев.

В настоящее время, после событий в Архангельске и во Владивостоке, мы можем, конечно, говорить лишь об едином фронте европейской буржуазии, стремящейся с поднятым забралом к уничтоже-

*) Статья отражает положение вещей бывшее около 1½ месяца тому назад.

нию Советской власти. к удалению хирургическим способом этого «социального нарыва», образовавшагося на теле Европы.

II.

Что касается до отношения к Советской власти европейских пролетарских масс, то здесь мы легче различаем ту глубокую борозду, которая проложена войной через все интернациональное рабочее движение.

Правое крыло европейского социализма, придерживающееся соглашательской политики, хлопочущее о сохранении, какой угодно ценой, пресловутого гражданского мира, наконец, голосующее за военные кредиты и провозглашающее войну до победного конца—конечно, относится к Советской власти или с правоверным негодованием или с стыдливым отрицанием. Эти социалистические круги, возглавляемые Гендерсонами, Шейдеманами, Вандервельдами и Брантингами, ожесточенно критикуют «неразумение», «заблуждения», «ошибки» и «опасности» большевистской политики, стремящейся к насаждению социалистического строя на неподготовленной почве России, разрушившей «священное единство революционной демократии» и, наконец, применяющей режим насилия, который способен скомпрометировать все дело интернационального социализма.

Сторонники этого социализма, не ограничиваясь одними упреками и брюзжанием, ведут и активную борьбу с Советской властью.

Так, в своих жалобах, адресованных в секции 2-го Интернационала, они высказывают порицание большевикам, требуют их изгнания из социалистической среды; некоторые из их органов, например, Стокгольмское «Эхо»—требуют даже непризнания дипломатических представителей Советского правительства. Особенно ярко их враждебное отношение к Советской власти проявилось во время опереточной гастроли Керенского, призванного, очевидно, создать социалистический «бум», который доказал бы, что и социалисты не лишены понимания государственных задач и патриотического жара. Последнюю точку в этом отношении ставят французские социалисты, примыкающие к «Humanité», которые также настаивают на вторжении союзников в Советскую Россию (правда, при соблюдении гарантий. «демократичности» и «невмешательства» во внутреннние дела), и, таким образом, примыкают к крайнему непримиримому течению европейской буржуазии.

Лишь в самое последнее время, в связи с ростом революционного крыла социализма, начинает однако, все более и более выявляться иное отношение к Советской власти рабочих масс, к которым она обращается со своим призывом о совместной деятельности почти уже год, через головы их правительств.

В ответ на страстную агитацию интернационалистов, в виде протеста против систематических нападок со стороны социалистов - соглашателей, широкие рабочие массы Европы совершенно непроизвольно, стихийно, начинают проявлять свое сочувствие к Советской России и требовать немедленного прекращения всякой враждебной пропаганды, направленной против ее существования.

Центр французского социализма, во главе с Лонгэ, и крайняя левая, представленная Лорио, британская социалистическая партия, независимая рабочая партия и большинство рабочей партии, независимые германские социал-демократы, во главе с Гаазе и Ледебуром и крайняя левая, представленная К. Либкнехтом и К. Цеткиной, почти все социалистические элементы Швейцарии и Голландии, левое крыло Скандинавских и Американских социалистов, — наконец, Итальянская социалистическая партия—все они ведут систематическую борьбу за признание Советской власти, в которой они видят маяк социалистического движения, «первый великий опыт осуществления коммунистических идеалов».

Целый ряд рабочих с'ездов, вроде недавних французских конгрессов: строительных рабочих, северной федерации социалистической партии, генеральной конфедерации труда, парижских металлистов, наконец, специальный американский союз агитации за признание русского Советского правительства,—все они энергично протестуют против вмешательства во внутренние дела России, которое предпринимается, по их мнению, исключительно с целью задушить самую революцию.

Что ценного усматривают эти левые социалисты в русской Советской республике, в чем заключаются те цели, которые последняя себе поставляет или отчасти уже осуществляет на практике?

Ответ на этот вопрос можно суммировать в следующих, по необходимости кратких пунктах:

1) Советская власть впервые в грандиозном масштабе ведет дело социалистического строительства, несмотря на упорное противодействие и ненависть русской буржуазии и мировой буржуазии.

2) Советское правительство, единственное из правительств воюющих стран всего мира, вступило на путь истинно демократической и международной политики, которая одна только может привести к действительному всеобщему миру.

3) Советская власть одна во всем мире смогла разрешить национальный вопрос во всей полноте, присущей ему, признав и практически осуществив принцип самоопределения каждой нации и даже каждого инородца, взятого в отдельности, и этим снискала широкую популярность в народных массах колоний; именно эти завоевания, сделанные русской октябрьской революцией под руководством Советской власти, об'ясняют тот энтузиазм, тот революционный пафос, с которым подлинные социалисты всех стран относятся к ней: их вожди, готовы уже сейчас к ней: их шевиков «исторически бессмертными», а некоторые из них заявляют, как это недавно сделала К. Цеткина, что «они предпочитают умереть в России, нежели жить в Германии».

В. К.

Обзор Социалистического движения на Западе *).

Судьба русской революции зависит от успехов социализма за границей, от развития там революционного движения. Быть долго социалистическим оазисом в капиталистическом мире невозможно. Этим и объясняется наш особый интерес ко всему тому, что обещает революцию в других странах.

Имея в виду это обстоятельство, мы в «Вестнике Жизни» будем из номера в номер вести хронику социалистического и революционного движения за границей, отмечая все более или менее знаменательные признаки оздоровления социалистических партий Запад от шовинистического угара, все более или менее крупные факты, свидетельствующие о росте революционного настроения в трудовых массах Старого и Нового Света.

Революционно-социалистическое движение намечается во всех странах, но очертания его носят различный характер.

В Англии мы видим старинную, сильную организацию рабочего класса, который под тяжестью правительственных репрессий проводит грандиозную забастовку и намечает программу социалистических реформ, которые должны быть осуществлены после войны.

Во Франции и Италии нам приходится считаться, главным образом, со сменой настроения в среде самих социалистических партий.

В центральных областях, включая сюда и Швейцарию, главное внимание обращают на себя оппозиция правительству и забастовки, вызванные все усиливающейся тяжестью продовольственного кризиса. Наконец, до нас доходят известия о более или менее крупных волнениях в Испании, Португалии, Норвегии, Японии. Весь мир, охваченный войной, начинает волноваться.

Только Америка, не успевшая еще растратить своих сил, остается в стороне от наростающего движения, и американские социалисты примыкают к крайнему правому флангу.

Начнем с ясных цифр **английского** рабочего движения. В начале июля, в Лейстере открылся ежегодный делегатский с'езд всеобщей федерации трэд-юнионов. На с'езде было выяснено, что число членов значительно увеличилось и достигает 1.033,000 человек. Резервный фонд равен сумме больше 10.000,000 рублей. Официальная речь председателя определенно указывала на то, что надо готовиться к борьбе с отжившими предразсудками капиталистического класса о своей неограниченной власти в производстве, о неограниченном праве собственности и т. п.

При таком настроении старой рабочей организации не удивительны те грандиозные забастовки, которые вспыхнули в ответ на попытку правительства прикрепить рабочего к заводам, работающим на оборону. Попытка эта заключалась в издании закона, запрещающего фабрикам и заводам прием на службу квалифицированных рабочих, служащих в других местах, и разрешающего зачисление лишь чернорабочих.

Английские рабочие скоро дали достойный ответ на это мероприятие, напоминающее худшие времена крепостного права.

От середины августа мы имели уже следующие данные о росте забастовочного движения: бастуют свыше 180.000 рабочих; свыше 500,000 вынесло решение присоединиться к забастовке, если правительство не пойдет на уступки. На массовом собрании представителей квалифицированных металлистов, работающих в Вульвичском Арсенале, тремя тысячами голосов против двух было вынесено решение о забастовках, несмотря на указание председателя, что от решения собрания, быть может, будет зависеть ни больше, ни меньше, как начало гражданской войны. В ответ на это делегаты, вынося свое решение, подчеркнули, что они не остановятся перед гражданской войной, если правительство не

*) Настоящий обзор был составлен, конечно, до последних событий в Германии, Австрии и Болгарии.

откажется от своих попыток закрепостить рабочих.

Что касается чисто социалистических кругов, то показательным является тот факт, что рабочие наметили в нижнюю палату на предстоящих осенних выборах, главным образом, крайних левых социалистов, которые придерживаются большевистских взглядов о войне и экономической политике.

Что касается **Франции,** то там злобой дня является победа в Национальном Совете прежнего меньшинства (миноритеров), группирующегося вокруг Лонгэ. В принятой резолюции мы, между прочим, читаем: «Национальный Совет требует от французского правительства пересмотра целей войны, отказа от империалистических договоров, ясного и точного изложения наших условий мира на основах, провозглашенных русской революцией и президентом Вильсоном, и т. д.» Таким образом, руководящей группой становится центр, благоприятно настроенный к русскому правительству и стоящий в резкой оппозиции к решению Франции вмешаться в русские дела. Мы называем это течение центральным, так как существует более радикальное с Лорио во главе. Его речи носят более воинствующий характер, призывая к международной социальной революции. «Отказ от вотума военных кредитов, которые Поль Фор допускает только при известных условиях,— заявил Лорио, «мы распространяем на все буржуазные правительства без всяких условий, независимо от того, какова их политика в данный момент. Отказ в вотуме военных кредитов—это революционный жест, вот почему мы его превозносим». Восторжествовавшая группа, подобно английским трэд-юнионистам, ставит своей задачей по окончании войны, социалистическое переустройство общества. «Заводы, земли, воды,—все эти богатства должны быть переданы в распоряжение трудового народа. Во имя войны были социализованы тела, во имя мира, социального и национального, будут социализированы имущества».

Но настроение французов выражается не только в теоретическом полевении. Вмешательство в дела России вызвало бурную демонстрацию, повлекшую за собой столкновения с полицией.

В **Германии** партия «независимых» и группа «Спартака» составляют пока меньшинство, но до нас доходят известия, что понемногу рабочие переходят на их сторону. Важно то, что среди рабочих Берлина число «независимых» 25.000, а шейдемановцев 7.384.

Но в Германии привлекают внимание не столько социалистические партии, сколько все растущее, забастовочное движение. В Вестфальском горном округе число бастующих достигло 400.000. Бастующие требовали увеличения заработной платы. Сигнал к движению был подан синдикатами металлургической промышленности, находящимися в Дюссельдорфе. Настроение рабочих обостряется действиями правительства, которое между прочим призывает на Крупповский завод голландцев, чтобы освободить местные рабочие руки для фронта. Происходят аресты по подозрению в участии в группе «Спартак».

Из различных мест приходят сообщения о бунтах среди немецких войск. Насколько серьезно движение, можно судить по тому, что особо суровых мер к ним не принимают, а раскассировывают их по другим полкам.

Еще дальше зашли неурядицы в **Австрии,** которые осложняются национальным движением. В июле месяце множество телеграмм приносили нам вести о крупных безпорядках в Богемии и Чехии, которые носили и стихийный и организованно-политический характер. Позже пришли известия о серьезных аграрных безпорядках в Галиции, о забастовках в Богемии и Силезии. Чешские социалисты объединились в одну партию. Последняя новость—всеобщая забастовка в Венгрии, которая захватила до полумиллиона рабочих.

Продовольственный кризис привел к полному перевороту настроения в **Швейцарии.** И там среди социалистической партии произошел раскол. Неудача борьбы с правительством из-за повышения заработной платы привела к тому, что часть швейцарских социалистов начинает отвергать осторожную политику, боящуюся всякого революционного шага. Между тем требования швейцарских рабочих очень скромны. Они не могут прийти в соглашение с правительством даже по поводу 8-часового рабочего дня. Готовившаяся стачка не состоялась, и положение в Швейцарии остается неопределенным.

Итальянские социалисты настроены довольно радикально, стоят в резкой оппозиции к своему правительству и сочувственно относятся к России, с негодованием порицая политику Вандервельде, Гендерсона, Тома, Брантинга.

В заключение стоит отметить безпорядки в **Японии**, так как там они менее ожидались. Мы читаем о разгромах, произведенных толпою в Кобе, Нагойа, Токио, Осаке. Безпорядки эти вызваны острым, продовольственным кризисом, главным образом, недостатком риса. Печать сообщает, что министры внутренних дел и путей сообщения подали в отставку. Премьер предлагает государству скупать рис, чтобы подготовить монополию.

Что касается славянских стран, то время от времени приходят известия о деятельности местных социалистических партий, или промелькнет известие о военном бунте в **Болгарии**.

ОБЗОРЫ.

Обзор журналов.

Обширная груда журналов, едва умещающаяся на одном столе, разложена стопками. В одной из них—«толстые» журналы, выходившие еще до октябрьской революции. Начнем с нее.

Протягиваю руку—попадается «Русская Мысль» (март—июнь 1918 г.). Но что сказать об этом маститейшем органе кадетски-националистического направления? Да все то же: что последний номер журнала только обложкой отличается от предыдущего, тот—от пред'предыдущего и т. д., так что, если торопливый читатель разогнет книгу прямо на открывающем ее скучнейшем стихотворении В. Аренса, да еще примет за опечатку загадочно процеженное сквозь зубы упоминание Г. Вернадского о каком то «русском бунте 1917—1918 гг.»,—то он, только добравшись до отдела рецензий из неожиданного (что называется «ни к селу, ни к городу») вопля г. Струве о гибели России догадается, что прочел книгу за март—июнь 1918 г., а не за октябрь—декабрь 1908. Выделим, впрочем, любопытные отрывки из дневника небезызвестного французского поэта Катюлля Мэндеса, пережившего в Париже дни коммуны. К. Мэндес—типичный французский литератор-буржуа, прикрывающий поверхностной насмешливостью душевную пустоту, не скрывающий своей чуждости тем идеалам, которые воодушевляли коммунаров (за это он, вероятно и удостоился внимания редакции «Русской Мысли»): тем замечательнее его удивление перед храбростью коммунаров, перед энергией их вождей или, напр., восклицание, с которым он обращается к населению Парижа: «Какой вулкан великодушных чувств клокочет в тебе, если порою от твоей близости даже души тех, которые тебя осуждают, чувствуют себя поглощенными и очищенными твоим пламенем».

Далее—«Вестник Европы», «Русское Богатство»... Это—родные братья «Русской Мысли». Правда, вместо приевшихся упражнений в православии и мистике, у первого—меланхолически-либеральный «взгляд и нечто» по поводу современных событий, у второго—потуги на социализм, но это не меняет родового сходства: оно—в том впечатлении чего-то нудного, безнадежно отжившего, которое одинаково рождается при чтении любого из этих трех почтенных журналов.

С облегчением вздыхаешь, когда от этой книжной ветоши, выдающей себя за нечто «современное», порой чуть ли не «злободневное», переходишь к журналу чисто историческому, просто и честно исследующему события нашего прошлого,—к журналу «Былое»,—посвященному истории русского освободительного движения. Весьма интересен последний номер (10—11) «Былого», отведенный выдающемуся эпизоду этой истории: событию 1 марта 1881 г.,—убийству Александра II. В номере напечатаны неизданные доклады гр. Лорис-Меликова, Плеве, жанд. генерала Комарова о событии 1 марта, показания первомартовцев, последние письма народовольцев Михайлова, Баранникова, Тетерки, потрясающая серия рисунков: «суд и казнь над первомартовцами», исполненная рукой наблюдательного и холодного очевидца, и т. д.

Занимательный материал есть и в последней книжке журнала «Голос Минувшего» (№ 4—6), но, к сожалению, этот исторический журнал разрешает себе неудачные набеги в область современности, и тогда враждебность к Советской власти доводит его до прямой клеветы, каковой приходится назвать хотя бы брошенное большевикам обвинение

в том, что они заключили блок ни более. ни менее, как с буржуазией (стр. 171)!

Переходим к журналам, появившимся после октябрьской революции—сначала к журналам обще-литературным.

Внимание, естественно, останавливается на журналах, издаваемых Петроградским Советом («Пламя») и Советом Московским («Творчество»). К сожалению, эти органы пока не вполне оправдывают тех надежд, которые мы были бы в праве возложить на них. В них отсутствует как раз то, о чем говорят их названия: пламя подлинно-революционного под'ема, дерзновения, яркости и подлинно-революционное, новое творчество—пусть беззаконное, хаотическое, неотстоявшееся до формальной ясности и прозрачности. «Пламя» предлагает читателю непритязательно-пустенькие, как чириканье канарейки в клетке, рассказцы, переведенные с французского, перемежая их с не более содержательными, но менее ловко сделанными рассказцами отечественного производства, с бесцветными стихами, кажущимися продолжением рассказов; для разнообразия—мирные фотографические снимки: «миноносцы» типа «Новик», «Весеннее половодье в березовом лесу», как будто перепечатанные из попавшегося под руку старого номера «Нивы»,—а через страницу бездарно-карикатурная «Пролетарская верба» переносит вас в «Сатирикон»:.. Немудрено, что как-то затериваются, тускнеют на этих тусклых страницах порой недурные репродукции (Микель-Анджело, Сезанн, Пикассо, Коммуна в французских журнальных иллюстрациях того времени), некоторые полезные очерки и статьи (напр., А. Луначарского) *).

«Творчество» по виду резко отличается от скромного «Пламени»: оно издается, можно сказать, роскошно: прекрасный шрифт и бумага, обширные поля, безукоризненно выполненные репродукции на отдельных листах. Несмотря на некоторую бледность содержания журнала (впечатление, которого не могут изгладить ни содержательные очерки статьи К. Малинина, К. Залевского, И. Мещерякова, ни ценность отдельных иллюстраций), все же «Творчество» свободно от той неряшливой пестроты, которая присуща «Пламени»: в нем чувствуется редакторская рука, придающая определенное единство материалу. Но и тут недоумение в нас вызывает—точнее, начинает вызывать—помещение в пролетарском журнале романа Г. Даниловского «Мария Магдалина» (№№ 1, 2, 3): с нетерпением ждем, когда автор начнет обнаруживать ту любовь «к слабым, обиженным и страдающим», о которой в своем предисловии, свидетельствует переводчица: пока же перед нами—лишь то самодовольное смакование половых извращений, которое мы привыкли встречать у специализировавшихся на этом прибыльном занятии писателей, вроде Пьера Луиса.

Более выгодное впечатление производит издаваемый «Пролеткультом» журнал «Грядущее»—орган, главным образом, писателей-рабочих. Многое бледно в его стихах и рассказах, опрометчиво и наивно—в его статьях, но все же (и это главное!) в журнале чувствуется подлинный революционный дух, вспыхивают зарницы—пусть и отдаленные!—подлинно революционного творчества. В своем боевом увлечении самобытностью нарождающейся пролетарской культуры, «Грядущее» заходит даже слишком далеко, возглашая устами П. Гиналько, что «рабочий-писатель должен не учиться, а творить»: вряд ли, однако, «учение» такой уж непримиримый враг «творчества».

К этим журналам примыкает журнал «Рабочий мир» (орган Центрального Рабочего Кооператива). «Рабочий мир» чужд тех резко-боевых устремлений, что воодушевляют участников «Грядущего». Уделяя главное свое внимание вопросам кооперации, рассматриваемой, как одно из разветвлений единого рабочего движения на пути к социализму, журнал ставит себе более скромную, но не менее широкую и ответственную задачу—обслуживать рабочий класс здоровой умственной и художественной пищей. Эту задачу «Рабочий мир» выполняет с большой полнотой и добросовестностью. Ряд ценных популярных статей на темы кооперации, социализма, искусства, народного просвещения (Керженцева, Богданова, Дволайцкого, Базарова, Блонского и др.), — свежий литературный отдел («Весна» Блока, «Хованское» Ю. Анисимова, стихотворения А. Ширяевца), обстоятельная хроника кооперативного движения, содержательная библиография,—все это делает «Рабочий мир» органом весьма полезным.

Теоретически освещает вопросы, связанные с созданием самостоятельной пролетарской культуры, журнал «Пролетарская культура», издаваемый Орг. бюро по созыву всероссийск. конференции пролетарских культурно-проск. организаций—орган, развивающий и обосновывающий те принципы, на которых зиж-

---

*) В последующих номерах журнала эти недостатки почти вовсе изгладились.

дется практическая работа «Пролеткульта», и являющийся, в этом отношении, как бы дополнением журнала «Грядущее». Журнал производит благоприятное впечатление обдуманностью и серьезностью содержания. Плодотворным кажется нам и убеждение редакции в том, что не пренебрежительное отвержение достижений старой культуры, а лишь их действительное усвоение и творческая переработка—могут создать культуру новую.

Соприкасаются по заданиям с «Пролетарской культурой»—поскольку культурно-просветительная работа является неустранимой предпосылкой творчества новой культуры—журналы, отводящие свои страницы вопросам народного просвещения. Таковы «Народное Просвещение» (издаваемое Государственной Комиссией по просвещению), «Трудовая школа», «Вестник Нижегородского Университета», «Вестник Шапявцев» и др. органы, рассматривающие, главным образом, или исключительно жизнь и строение нашей школы, пути к ее оздоровлению и подлинной демократизации; «Народное Просвещение» захватывает, впрочем, в поле своего зрения и другие области культурно-просветительной работы.

Специальные органы издаются также рядом других комиссариатов, управлений, отделов и т. п., к таковым принадлежат: «Вестник Нар. Комиссариата торговли и промышленности», «Известия Нар. Комиссариата по продовольствию», «Вестник путей сообщения», «Бюллетени Центротекстиля» и т. п.; шире других поставлено «Народное Хозяйство»—орган Высшего Совета Нар. хозяйства. Воспользуемся случаем отметить здесь, кстати, интересный военно-научный журнал «Военное дело», посвятивший свои страницы «всесторонней научной разработке громадного материала, добытого нами во время последней мировой войны, с ее колоссальной техникой и новыми приемами борьбы».

Заключим наш обзор указанием на значительно разросшуюся профессиональную прессу: органы различных проф. союзов насчитываются уже десятками; более тридцати издается только в Москве и Петрограде, к ним принадлежат: «Профессиональный Вестник» (орг. Вс. Центр. Совета Проф. Союзов), «Металлист», «Строитель», «Печатник», «Техник» и т. д.

М. Т.

Отзывы о книгах.

Социальные науки.

Богданов, А. Между человеком и машиною (о системе Тэйлора). М. Изд. 2-е, перераб. «Волна». 1918. Стр. 15. Ц. 35 к.

Вызванный трехлетней войной и неумелым или сознательно-дезорганизаторским хозяйничаньем сначала царской бюрократии, а затем промышленной буржуазии («в соглашательский» период русской революции) и целым рядом других причин общий упадок промышленного производства поставил перед Советской Россией уже на другой день после октябрьского переворота вопрос о принятии срочных мер к налаживанию упавшего производства, а в частности, к поднятию сильно понизившейся производительности труда.

Последнее явление, являющееся в то же время одной из причин нашей промышленной отсталости, представляет собою одно из главных зол нашей хозяйственной жизни, и для устранения его был выдвинут ряд мер, подвергавшихся всестороннему освещению на страницах нашей партийной и профессиональной печати

Одной из таких мер, взятой из арсенала западно-европейского капитализма, является так наз. система Тейлора. Вопрос о возможности ее применения в нынешней социалистической России вызвал оживленную полемику как на страницах прессы, так и в среде профессиональных и производственных организаций, полемику, перекинувшуюся и в широкие рабочие массы, и побудил подвергнуть детальному рассмотрению и критике названную систему.

Вышедшая не так давно брошюрка А. Богданова «Между человеком и машиной» (написанная еще до войны и ныне переработанная автором) дает сжатое, яркое представление о системе Тэйлора и определяет формы и степени ее применения для поднятия производительности труда.

Сущность этой системы сводится к точному, научному исследованию механизма движений, совершаемых данным рабочим при производстве порученной ему работы и установлению наилучшего способа выполнения данной работы путем устранения излишних условий, упрощения их или приспособления их к условиям самой работы.

Наряду с этим система Тэйлора предусматривает введение сдельной заработной платы в различных ее комбинациях.

Отрицательной стороной этой системы, превратившейся в руках, главным образом, американских капиталистов в невиданное еще орудие эксплоатации рабочих, является то обстоятельство, что система Тэйлора одной из своих задач ставит повышение напряженности человеческого труда. Помимо экономии движений рабочих, система Тэйлора требует еще ускорения необходимых движений, требует механизации труда рабочего. Это в конечном счете сводится къ отбору наиболее ловких, наиболее сообразительных рабочих, к своеобразной «дрессировке» их и превращению въ свое— образную живую машину, лишенную возможности выявить в работе свои умственные дарования, свои творческие задатки.

Прогрессивную сторону системы Тэйлора составляет указанное выше научное исследование приемов работы, упрощение и регулировка их. Устраняя все излишние приемы данной работы, устанавливая наиболее целесообразные формы их так же, как и орудий работы (напр., точные размеры лопаты, употребляемой при нагрузке угля, приспобления ее к материалу и к силе рабочего), система Тэйлора способствует облегчению труда рабочего, экономии его рабочей силы, способствует повышению производительности труда. Будучи поставлена на рацiональных основахъ, применяемая именно в целях поднятия прозводительности труда, а не в целях использования до конца, до последних пределов физического истощения рабочей силы данного рабочего, применяемая, далее, самими рабочими под контролем и наблюдением, скажем, профессиональных организаций, при соблюдении всех этих условий, система Тэйлора явится могучим орудием

поднятия производительности, и тем самым **внутренним** методом поднятия уровня производства.

В своей брошюре А. Богданов, обрисовывая, как отрицательные, так и положительные, прогрессивные стороны системы Тэйлора, приходит к выводу, что применение этой системы, при соблюдении указанных выше условий, является в современной России вполне допустимым и даже нужным; система Тэйлора, по словамъ автора, сумеет поднять трудоспособность масс до высшего уровня, какой совместим с поддержанием здоровья рабочих и возможностью им развиваться культурно.

Касаясь попутно вопроса о введении сдельной заработной платы, А. Богданов считает возможным проведение ее в жизнь в качестве временной «героической» меры.

Написанная простым, популярным языком, живая и образная брошюра А. Богданова, несомненно, найдет себе читателей среди широких рабочих масс.

М.

Бухарин, Н. Программа Коммунистов (большевиков). М. «Коммунист». 1918. Стр. 64. Ц. 60 коп.

Разошедшаяся в сотнях, тысячах экземпляров и переведенная на все европейские языки брошюра тов. Бухарина должна стать настольной книжкой каждого рабочаго. Редко кому удавалось в такой популярной, сжатой и яркой форме изложить основы коммунистической программы и дать полное и отчетливое представление о международном характере пролетарской революции.

Последовательно,—шаг за шагом, иллюстрируя ссылками на богатую практику «соглашательства», проводит автор через всю книжку мысль о том, что только через гражданскую войну и железную пролетарскую диктатуру можно притти к коммунизму—и что только через взрыв буржуазного государства придет мировой пролетариат—наш верный и желанный союзник—к своей окончательной победе.

Брошюра тов. Бухарина — лучший вклад в нашу популярную социалистическую литературу—и мы желаем ей получить массовое распространение не только у нас, но и среди всего мирового пролетариата, идущего на штурм буржуазного мира.

Б.

Залевский, К. Роль интеллигенции в развитии Интернационала. 2 изд. «Пролетарская Мысль». Стр. 40. Ц. 1 р.

Вопросы об отношении интеллигенціи к Советской власти, об ее роли всобще в революции, наконец, об ее значении для дела международного социализма; продолжают оставаться чрезвычайно спорными и вместе с тем жгуче современными.

Тем более надлежит приветствовать выходящую вторым изданием брошюру К. Залевского, содержащую попытку «строго об'ективного исследования характера и роли интеллигенции в развитии Интернационала».

В настоящее время мы являемся свидетелями глубочайшего кризиса последнего. Чем он вызван?

Несомненно, в значительной степени односторонней и ошибочной деятельностью руководителей рабочего движения, интеллигентского ядра пролетариата. Однако, ошибочно было бы все об'яснять личными качествами и склонностями интеллигенции.

Она представляет из себя хотя и не класс, но резко очерченную общественную группу, наподобие средневекового ремесленного цеха, и, как таковая, обладает групповой психологией, а также общими социально-экономическими предпосылками для возникновения последней.

В самом деле, что такое интеллигенция?

Различные социалистические писатели сходятся на следующем определении: «К интеллигенции принадлежат все те общественные элементы, в профессиональной деятельности которых преобладает мозговое напряжение»; она состоит из «лиц, занятых в литературе, науке и в искусстве, в руководстве производством, в управлении государством и т д., из лиц, создающих духовные ценности либо служащих посредственно так или иначе делу создания материальных ценностей и организации общественной и политической жизни».

Характер интеллигенции, таким образом, определяется не политическими взглядами ее представителей и даже не происхождением их, а исключительно специфическими чертами их деятельности.

Мы легко замечаем, что род труда, а также материальная обстановка, присущая интеллигенции, сильно затрудняют развитие в ней социалистического сознания с его духом коллективизма и международности.

В самом деле, интеллигенция, не производящая сама материальных ценностей, фатально связана с господствующими классами общества и легко усваивает их интересы, как свои. Благодаря работе «в одиночку», среди интеллигенции не может развиться солидарность интересов, наконец, в то время,

как рабочий продает свою физическую силу, интеллигенция закабаляется духовно.

Все эти об'ективные условия и порождают основные психические особенности интеллигенции, а именно: 1) неспособность проникнуться всецело социалистическими идеями, 2) тяготение к средней примиренческой линии между буржуазией и пролетариатом и 3) крайний индивидуализм у нѣкоторых ее представителей.

Заметим, что все эти особенности одинаково присущи, как интеллигенту, так сказать, по рождению, так и деятелям всевозможных рабочих профессиональных и политических союзов, хотя бы они и вышли из пролетарской среды. Отрываясь от природной среды часто на всю жизнь, они легко делаются партийными чиновниками, рабочими бюрократами, теряющими все свои классовые особенности.

Вышеуказанные черты групповой психики об'ясняют ту роль, которую сыграла интеллигенция в росте и упадке 1-го и 2-го Интернационала.

Уже в период 1-го Интернационала начался процесс углубления капиталистического строя, образование больших национальных государств и оживленной парламентской деятельности.

Интеллигенция, ставшая тотчас же во главе демократического и национального движения, увлекла за собой рабочие массы и вызвала внутренний кризис въ 1-м Интернационале.

С образованием в 1889 г. 2-го Интернационала, эти тенденции еще более усилились и совершенно изменили его структуру, превратив его в федеративную организацию, преследующую, главным образом, государственно-национальные задачи, поскольку они находят отражение в парламентской деятельности.

С другой стороны, и сама интеллигенция испытала внутренний конфликт вследствие все растущего противоречия между ее социалистическими убеждениями и буржуазной, пропитанной национализмом и индивидуализмом, психикой. Конфликт этот нашел даже выражение в изящной литературе в виде борьбы «интеллекта и инстинкта», на практике же он породил новые, чисто интеллигентскіе течения в социализме, в роде политического сектантства, оппортунизма и немецкаго ревизионизма.

Пролетарское движение все более и более попадало в руки социалистической интеллигенции, последняя же в свою очередь начинала испытывать все усиливающееся влияние буржуазной среды. Для иллюстрации этого достаточно указать на деморализующее влияние мелко-буржуазных избирателей на социалистических депутатов, разнородных по классовому составу подписчиков на партийную печать и т. д. и т. д.

Началась война, и национализм и многолетнее сотрудничество социалистической интеллигенции с буржуазией сказались во всей полноте.

Вожди рабочего движения заключают тесный союз с империалистической буржуазией, становятся ярыми националистами и увлекают за собой огромное большинство пролетариата, нанося таким образом смертельный удар Интернационалу.

Каковы же перспективы будущего для рабочего движения и какую роль должна играть в нем интеллигенция?

Война открыла новую эпоху в развитии капитализма и в борьбе с ним пролетариата.

Наступает эпоха боевого империализма, усиления диктатуры буржуазии (Клемансо, Ллойд-Джордж) и государственного социализма.

Социалистические партии в связи с этим уже сейчас резко разделяются на два враждебных лагеря — социал-империалистический и интернационалистический: «Силой традиций, интересов, привычек и всей современной обстановкой под знамя социал-империализма толкаются массы интеллигенции, мелкой буржуазии и все уменьшающееся число рабочих. Интернационалисты же привлекают в свои ряды широкие массы пролетариата и те исключительные элементы из среды интеллигенции, которые окончательно освободились от влияния своей групповой среды и идейно и более или менее психически слились с пролетариатом».

Революционный социализм, конечно, создаст в ближайшем будущем 3-й Интернационал, но он будет сильно отличаться от своих предшественников. Его началами будут теперь: 1) демократический централизм, 2) международная политическая ориентация и 3) гегемония фабрично-заводского пролетариата.

Интеллигенция неминуемо потеряет свою прежнюю руководящую роль в рабочем движении и будет довольствоваться лишь ролью вспомогательной. Будут приняты все меры, чтобы не могла развиться вновь рабочая бюрократия, чтобы широкие слои пролетариата приобрели политическую самодеятельность и самостоятельность.

По меткому слову Ф. Адлера: первое, чего надо достичь—это, чтобы массы были

поставлены в возможность быть осведомленными о политическом положении по мере его развития; чтобы они не являлись простым орудием, а интеллектуальным и моральным фактором борьбы; «чтобы они рассматривали своих доверенных людей не как вожаков, а как исполнителей пролетарской воли».

В.

Ильин, В. (Н. Ленин). Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции. «Жизнь и Знание». 1918. Стр. 113. Ц. 2 р. 50 к.

Основные мысли, изложенные в этой книжке, осуществились в жизни еще до появления ее в свет. Октябрьская революция осуществила то «государство-коммуну», о котором тов. Ленин впервые заявил в своих апрельских тезисах 1917 г., которые он сделал программным требованием партии в последующей политической борьбе.

Но, несмотря на то, что этот лозунг вошел в систему наших основных требований, несмотря на то, что повседневный опыт учил понимать его содержание, все же теоретическое обоснование его было высоко необходимым. Масса *партийных работников*, даже прошедшая серьезную школу революционного марксизма, недостаточно ясно на первых порах разбиралась в содержании этого лозунга и в основных отличиях «государства-коммуны», этого «организованного в господствующий класс пролетариата» от демократической республики, за которую раньше—в пределах буржуазного общества—выступала партия. И эта неясность партийного сознания об'яснялась тем искажением учения марксизма по вопросу о государстве, которое было обычным среди теоретиков и вождей 2-го Интернационала—Каутского, Плеханова и т. д., и которое невольно заражало революционное крыло рабочего движения.

По этой причине теоретическое обоснование революционно-марксистской точки зрения на государство необходимо было начать с двух сторон. Прежде всего, надо было путем исторических «раскопок» восстановить действительное учение основателей марксизма—Маркса и Энгельса—о государстве. Во-вторых, путем сопоставления с учением лже-«правоверных» марксистов—Каутского и Плеханова (не говоря уже о Бернштейне и К°), надо было очистить марксистское учение о государстве от последующих оппортунистических наростов. И лишь после этого можно было развивать это учение дальше, пользуясь тем новым, более широким опытом, который дали «народные», массовые революции 1905 и 1917 гг.

Книга т. Ленина посвящена двум первым задачам, и поэтому она имеет характер истории учения о государстве—характер, на первый взгляд, комментаторский и полемический.

Но это лишь на первый взгляд, ибо в ней уже использован новый опыт. Оперируя с марксистским «писанием» и «преданием», т. Ленин все время углубляет его новыми, более широкими постановками вопроса, опирающимися на старые. Поэтому, хотя т. Ленину не пришлось пока довести до конца намеченную работу (т.-е. подвести систематический итог и новейшему опыту), но и то, что сделано им, имеет огромное значение. И это тем более, что в эпоху всеобщей «обороны» национальных «отечествъ» борьба за высвобождение трудящихся масс из-под влияния буржуазии вообще и империалистской буржуазии в особенности, невозможна без борьбы с оппортунистическими предрассудками на счет «государства», как правильно замечает автор.

В первой главе автор «восстанавливает» в *правильном виде* основную постановку вопроса Маркса и Энгельса о государстве, как продукте классовых противоречий и орудии подавления господствующим классом классов угнетенных. В последующих пяти главах он рассматривает, как постепенно углублялось на опыте революций XIX века (в особенности на опыте коммуны) учение о пролетарской диктатуре, т.-е. о той форме государственной организации, которую создает пролетариат, когда он завоевывает государственную власть.

Здесь—против оппортунистов автор прежде всего доказывает необходимость ломки старой государственной машины. Ибо если, по выражению Энгельса, государство после социалистической революции должно начать «отмирать», то отмирает уже новая машина, новая власть, а не постепенно перерождающаяся старая (как утверждают оппортунисты). Точно также ломка старого государства не означает полного исчезновения сразу всей государственной организации (как полагают анархисты). Ее заменяет государственная власть пролетариата. О формах этой новой власти автор говорит преимущественно в главе III, рассматривая выводы, сделанные Марксом и Энгельсом из опыта коммуны. Здесь говорится об уничтожении постоянной армии и несменяемого, высоко оплачиваемого

чиновничества, о замене их вооружением трудящихся и системой выборных, сменяемых в любое время и оплачиваемых по пролетарской норме чиновников; об уничтожении парламентаризма и превращении представительных учреждений в «работающие корпорации, в одно и то же время законодательствующие и исполняющие законы» (Марксъ), члены которых также сменяемы в любое время; об организации «единства нации» путем отказа от насильственного буржуазного централизма и перехода к «сознательному, демократическому, пролетарскому централизму», который добровольно соединяет в строго централизованную систему массу самоуправляющихся коммун. Одним словом, обо всем том, что в более обширном и законченном виде осуществлено на деле российской республикой советов.

Глава V («Экономические основы отмирания государства») посвящена «экономическому устройству «государства-коммуны», как начальной стадии социалистического развития. Кстати сказать, этот необходимо социалистический характер нового порядка, сменяющего буржуазное государство, не был осознан вождями парижской коммуны в том виде ее, который успел определиться весной 1871 г. (этого, кстати сказать, не отмечает т. Ленин).

В этой области автор указывает, как на главную задачу, стоящую перед пролетариатом—на организацию всенародного учета и контроля над производством и распределением. «Когда все научатся управлять и будут на самом деле управлять общественным производством, самостоятельно осуществлять учет и контроль тунеядцев, баричей, мошенников и тому подобных «хранителей традиций» капитализма (в другом месте т. Ленин упоминает в числе последних и о части «рабочих, глубоко развращенных капитализмом»),—тогда уклонение от этого всенародного учета и контроля неизбежно сделается таким неимоверно трудным, таким редчайшим исключением... что необходимость соблюдать несложные, основные правила всякого человеческого общежития очень скоро станет привычкой». «С этого момента начинает исчезать надобность во всяком управлении вообще», начнется «отмирание всякого государства», «политического» и «экономического».

С этой точкой зрения автора мы не можем согласиться. Совершенно правильно, что когда все научатся управлять, исчезнет необходимость властвования; начнет отмирать всякое государство. Но что значит «управлять», и сводится ли понятие хозяйственного управления только к учту и контролю?

У т. Ленина замечается любопытная разница в освещении политических и экономических задач пролетарской диктатуры. В области политической необходима (на переходный период) власть; в области экономической—учет и контроль. Спрашивается, кто же будет управлять производством, т.-е. не только вести учет сделанного, контроль предписанного (ибо контролировать можно только выполнение заданий), но и давать задания, составлять предварительный расчет производства и непосредственно руководить исполнением заданий?

Т. Ленин говорит о том, что после революции большинству общества надо «наладить контроль за ничтожным меньшинством капиталистов», «превращенными теперь в служащих» (стр. 95—96).

Из этого вытекает, что функция руководства производством, как будто, остается, хотя бы на первых порах, в руках капиталистов.

По этому поводу надо отметить, что тем самым в их руках оставляется «командная власть» (das Kommando des Kapitals—Маркс) в области производства, которая существует и составляет полную аналогию и даже одну из основ политической власти. Этой власти в их руках оставить нельзя.

Во-вторых, эта командная власть в переходный период необходима и пролетариату. Новому господствующему классу, в эпоху развала и перестройки всех общественных отношений, необходима экономическая диктатура, т.-е. не простой и пассивный учет и контроль, а активное распоряжение производством, на правах власти.

В-третьих, даже и в коммунистическом обществе руководство хозяйством не сведется к простому учету и контролю. Кроме учета, как уже сказано, есть расчет, т.-е. составление плана: планомерное ведение хозяйства есть основной признак социализма. А так как коммунистическое общество отнюдь нельзя себе представить в виде застывшего механизма, все время работающего по одному и тому же шаблону,—наоборот, оно все время растет и развивается,—то эта выработка постоянно изменяемого плана составляет особую и притом активную задачу.

Но еще важнее то, что массовое производство не может обходиться без делового руководства. Оркестр не играет без дирижера,

хотя дирижер и не является органом власти, а только руководителем данной функции, временным единоличным воплощением общественной связи между людьми, занятыми одной и той же работой.

В понятие управления входит поэтому техническое деловое руководство производством, и эта функция не может отмереть с переходом к коммунизму.

Т. Ленин цитирует слова Энгельса: «Общественные функции превращаются из политических в простые административные функции» (стр. 95), и полагает, что Энгельс здесь говорит о «сведении государства в главнейшей его части к такому учету и контролю». Администрация-управлению, и Энгельс здесь ясно говорит о том, что управление (в указанном нами техническом, деловом смысле) сохраняется. Само собой разумеется, нет никакой надобности, чтобы сохранилась и профессия «управителей». Она, конечно, исчезнет, ибо все «научатся управлять». Но не только в смысле обучения всех «учету и контролю, а также и в смысле обучения всех расчету производства и деловому руководству им через различные бюро, комитеты и пр. Здесь, в этих бюро, управители будут сменяться, как дирижеры сменяются в оркестре.

На этом пробеле в построении т. Ленина мы остановились так подробно потому, что он может быть и уже был источником многих теоретических и практических недоразумений.

Но этот пробел—почти единственный. Во всех остальных отношениях книга представляет образчик глубины, выдержанности, простоты и ясности построения и изложения. Ее надо горячо рекомендовать самым широким кругам читателей (для которых она, как и все книги Ленина, как все классические работы, вполне доступна). И можно только с нетерпением ожидать появления дальнейших книг т. Ленина по тому же вопросу.

Н. Осинский.

Крупская, Н. Народное образование и демократия. П. «Жизнь и Знание». 1917. Стр. 103. Ц. 2 р. 50 к.

Вопросы строительства новой школы перешли из области платонических пожеланий в жгучую, очередную потребность текущего дня и ближайшего будущего. Тем острее стоит вопрос об основных принципах новой школы, о духе и направлении ее, как это мыслится рабочей демократией.

К сожалению, литература по данному вопросу крайне бедна, а общий низкий уровень педагогического образования даже в тех кругах общества, которые ближе всего стоят к миру школы, усугубляют трудность положения работников в деле строительства новой школы.

Из числа немногих трудов, посвященных выяснению затронутых вопросов, ярко выделяется книга Крупской: «Народное образование и демократия».

Социалистическая школа мыслится трудовой, соответственно трудовому характеру социалистической организации.

На целом ряде ярких примеров автор показывает тесную зависимость различных стадий в развитии идеи трудовой школы от экономического развития.

Попытки практической постановки соединения обучения с производительным трудом были еще в конце XVIII и начале XIX века. Идейными и практическими выразителями нового течения были Руссо, Песталоцци, Фелленберг, Оуэн, Кондорсэ и др.

Руссо установил следующие взгляды на труд и его воспитательно-общественное значение:

1) Труд есть общественная обязанность каждого: образование должно научить трудиться.

2) Труд есть средство развития умственных сил ребенка. Цель детского труда—не результат этого труда, а его воспитательное значение для ребенка.

Важно не профессиональное образование, а политехническое, преимущества которого состоят: во 1-х, в подготовке к любой профессии, во 2-х, в расширении умственного кругозора ученика и выработке способности об'яснить и правильно оценить соотношения частей, а также найти правильное мерило для оценки общественных отношений, покоящихся на труде, и тем самым составить истинное представление о существующем общественном порядке.

Песталоцци, Оуэн, Лавуазье и др. углубляли эту идею, внося в нее видоизменения.

Тем не менее, ей суждено было возродиться и стать действенной силой лишь в самое последнее время, в период высшего развития капиталистического строя.

В продолжение же XIX века и в преобладающей степени еще и теперь царила и царит не школа труда, а «школа учебы», «школа книжная, в которой ученики смирно сидят на партах и слушают, что говорит на кафедре учитель; школа, где ничего не преподается, кроме книжных знаний, имеющих очень слабое отношение к живой действительности, где индивидуальность учеников всячески подавляется, и, путем строгой внешней дисциплины, они превращаются в какие-то машины для восприятия бесконечного числа сообщаемых им сведений».

Причина возобладания механизированной школы учебы об'ясняется, по мнению Крупской, потребностями той фазы промышленного развития, какую переживали

европейские государства в XIX веке. В этой фазе еще не было спроса на квалифицированный труд. «Нужен был не умелый, понимающий весь процесс в целом, инициативный, самостоятельный рабочий: нужен был послушный, исполнительный, необученный чернорабочий, от которого не требовалось ни особенной физической силы, ни сообразительности, ни искусства, а только аккуратность, выдержка, терпение, выносливость. Такого рабочего и воспитывала школа-учеба».

Далее автор показывает, как экономическое развитие неизбежно вызывало необходимость превращения школы-учебы в школу труда. Промышленное развитие, пред'явившее спрос на политехнически-образованного, инициативного, интеллигентного рабочего, выдвинуло необходимость создания трудовой школы.

Америка, первая достигшая высших форм технического прогресса в промышленности, первая пошла и по пути создания трудовой школы, образцы которой она сейчас дает всему миру.

Являясь во всех отношениях образцовой и достойной глубокого изучения и воспроизведения, американская трудовая школа тем не менее есть отпрыск капиталистической культуры и, как таковая, в сущности, при помощи новых методов преследует старые цели—готовить наилучших работников для нужд капиталистического хозяйства.

Принципы трудовой школы лишь тогда смогут проявиться во всей чистоте и значительности, когда школа перестанет быть орудием, направленным против интересов рабочей демократии.

«Лишь рабочая демократия может сделать школу труда орудием преобразования современного общества»,—так заканчивает свою чрезвычайно интересную книгу т. Крупская.

Остается лишь пожелать самого широкого распространения этой книге, яркой, живой, интересной и будящей мысль. (И. Ф. Журнал Отдела Народного Образования Западной Области. 1918—2/3 г.).

Мы горячо рекомендуем небольшую работу Н. Крупской. В переживаемый нами момент строительства народного образования она несомненно даст много в высокой степени нужных указаний и предостережет от многих могущих произойти в спешной работе ошибок.

Рассмотрев педагогические теории Ж.-Ж. Руссо, Песталоцци, Фелленберга, Роберта Оуэна, главным образом основную идею, общую всем авторам, о роли физического труда в деле воспитания и о необходимости осуществить широкое политехническое образование, столь необходимое для народных масс, автор останавливается на попытках Великой Французской Революции осуществить планы великих педагогов путем законодательства.

Автор ясно сознает, что те блага всеобщего политехнического образования, которые выпадают на долю рабочего класса, буржуазия стремится уравновесить своим влиянием на молодежь и выделением наиболее талантливых рабочих в особый привилегированный слой рабочей аристократии. Но он убежден, что, по мере своего расширения, политехническое образование станет общим достоянием. «Оно поднимет общую интеллигентность рабочего класса и превратится, таким образом, в средство преобразования существующего строя в социалистический». Но для этого пролетариат должен вмешаться в школьное дело самым активным образом. (В. Народное Просвещение. 1918 г. № 3).

Милютин, В. Современное экономическое развитие России и диктатура пролетариата. (1914—1918 гг.). М. Изд-ство Всеросс. Центр. Исполн. Ком. Советов Р., С., Кр. и К. Депутатов. 1918. Стр. 112. Ц. 1 р. 50 к.

Россия переживает в настоящее время период диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства.

Произошло непонятное и неожиданное для всего мира явление: политическая и экономическая власть перешла в руки пролетариата в наименее развитой и экономически отсталой стране.

Об'ясняется это целым рядом исторических и общественных причин, среди которых на первом месте стоит война.

«Всемирная война является, по словам К. Каутскаго, только одной альтернативой современной, стоящей на краю гибели, всемирной торговой системы; вторая альтернатива, это — социалистическое общество». (Стр. 43).

Автор дает картину изменений в отношениях классов и отдельных групп населения, приведших Россию к диктатуре пролетариата, являющейся непременным условием осуществления социализма.

Подготовка этого была вызвана всей предшествующей политикой, при чем общественно-экономическая жизнь России распадается за время войны и революции на три периода.

В течение первого из них мы видим упадок промышленности — закрытие фабрик и заводов и массовую безработицу. Его сменяет период военной индустрии, продолжавшийся с лета 1915 г. до февраля 1917 г., и третий период буржуазной революции, продолжавшийся до октябрьских дней.

Этот период ознаменовался соглашательством с буржуазией и параличем какой-либо активной плодотворной деятельности в то время, когда для спасения страны от после-

военного паралича необходимо было максимальное напряжение сил.

Вместо этого представители так называемой демократии отказывались от самостоятельного творчества и робко оглядывались на буржуазию.

Пролетариат перешагнул через все попытки соглашательства и начал строить собственную жизнь, несмотря на те тяжелые условия, в которых пришлось вести эту работу.

«Диктатура пролетариата в России находится в своем начальном, первичном периоде развития, в ее проявлениях много несовершенства, много даже крупных, может быть, ошибок, но она жизненнее и сильнее всякой иной системы в условиях существующей действительности». (Стр. 49).

Несомненно, внешние условия весьма неблагоприятны для строительства Советской власти. Главная трудность заключается в том, что от России оторваны области, имеющие самое серьезное значение для ее экономической жизни,—Украйна и Донецкий бассейн.

Автор не считает положения с топливом и сырьем таким серьезным, как оно есть, и слишком оптимистически смотрит на возможность товарообмена с Украйной. Так, например, он *приходит к выходу*, что «мы получим в 1918 г. до 70 милл. пудов железа и стали, а с запасами мы будем иметь около 82—83 мил. пудов железа и стали. Подводя подсчет, я прихожу к выводу, что мы будем иметь возможность удовлетворить целиком нашу потребность в железе и стали». (Стр. 58).

Действительность опровергает эти надежды автора, и мы переживаем полосу острого металлического голода.

Несмотря на дефекты в подсчете реальных средств и возможностей, автор приходит к совершенно правильному выводу о дальнейшей экономической политике Советской власти.

«Основа, на которой должна строиться наша экономическая политика, есть власть пролетариата, который учитывая об'ективно всю экономическую обстановку, в которой находится сейчас страна, должен проводить дальнейшее укрепление социалистического строя, и только этим он может вывести страну на путь здоровой экономической жизни». (Стр. 59).

В действительности пролетариат и Советское правительство взяли правильный курс на национализацию промышленности.

Максимальную самодеятельность проявили низы: «из 521 национализованных предприятий большая часть была национализована Областными Советами Народнаго Хозяйства—271 предприятие, или 51,4%, затем следуют местные организации (губернские и уездные), национализовавшие и секвестровавшие 123 предприятия, или 24%, и меньше всего национализовано и секвестровано было из центра—Сов. Нар. Ком. и Выс. Сов. Нар. Хозяйства—всего 100 предприятий, или около 20%. (Стр. 86).

Широко проводимая национализация промышленной жизни должна была иметь своим логическим последствием национализацию внешней торговли и довершение этого сложного процесса, в виде из'ятия всех предприятий из рук частных предпринимателей и передачу их народу.

«Необходимо было вывоз этих продуктов и предметов первой необходимости немедленно взять в руки государства и наделить его исключительным правом вывозить необходимые количества этих товаров (жизненные припасы и сырье)». (Стр. 78).

Эта мера была неизбежна в виду реальной опасности опустошения Советской России от всех ее запасов и богатств.

В течение 8—9 месяцев Советской власти мы неуклонно шли к обобществлению производства.

Определенными этапами этого продвижения является национализация целых областей промышленной жизни — Урала, Волжского и наливного флота, банков, нефтяной промышленности и, наконец, акт 28-го июня.

Автор дает картину борьбы пролетариата за экономическую и политическую диктатуру. Он бросает взгляд на то, что уже достигнуто, и намечает ближайшие вехи дальнейшего развития.

Как попытка анализа и синтеза событий, брошюра интересна и полезна, но к цифровому материалу приходится отнестись критически.

Брошюра хорошо издана, написана популярным языком, читается легко, т.-е. обладает всеми условиями, необходимыми для широкого распространения.

Р. Арский.

П а в л о в и ч. М. (М. В е л ь т м а н). Французский империализм и экономическое развитие Франции в XX столетии. П. «Жизнь и Знание». 1918. Стр. 79. Ц. 2 р.

Сжато написанная и чрезвычайно ценная по своему цифровому материалу книжка М. Павловича представляет из себя один из выпусков задуманной им серии научных моно-

графий, посвященных выяснению «основ империалистической политики и мировой войне».

Нынешняя война,—справедливо замечает он,—определяется прежде всего не количеством солдат, а «числом лошадиных сил, которое каждая из борющихся держав может мобилизовать в своих промышленных предприятиях и противопоставить врагу».

Каково же количество лошадиных сил, которыми располагала Франция к концу XIX столетия? В политико-экономической литературе до самого последнего времени существовало мнение, что Франция находится в периоде упадка, вырождения, долженствующего низвести ее в ранг 4-хстепенных держав.

Автор книги доказывает всю ошибочность этого взгляда, блестяще опровергнутого войной. Временный упадок Франции в течение трех последних десятилетий XIX в. об'ясняется, главным образом, бедностью ее углем и годным для утилизации железом, благодаря присутствию в последнем фосфора.

Однако, в настоящее время, после открытия Томаса Джильхриста, «очистившего» железо от вредоносных примесей, Франция стала по богатству железом первой страной в Европе. Что же касается бедности каменным углем, то недостаток его возмещается необычайным богатством «белого угля», т.-е. водной гидравлической силой.

Таким образом, все говорит за то, что наш век сулит Франции не вырождение, а наоборот, мощный экономический расцвет, признаки которого выступают ясно уже в происходящей войне.

Другой более серьезной причиной, способствующей отсталости Франции, является ее империалистическая колониальная политика. Увлекшись погонею за экзотическими колониями в Африке и Азии, которые обходятся стране ежегодно в несколько миллиардов франков, Франция лишила себя тех средств, без которых немыслимо нормальное развитие ее самой.

В то время как в Мадагаскаре или в Тунисе строятся огромные порты, пристани самой Франции остаются до сих пор в примитивном состоянии, а ее огромная речная сеть ежегодно мелеет и совершенно не соответствует нуждам водного транспорта.

Война опять-таки ярко вскрыла оба эти обстоятельства и вынудила французское правительство предпринять ряд сложных работ в этом направлении, переплачивая при этом, конечно, сотни миллионов франков.

Вообще все будущее Франции зависит от правильного разрешения ее колониального вопроса, который в настоящее время играет роль «каторжного ядра, мешающего экономическому прогрессу государства и служащего лишь своекорыстным интересам кучки капиталистов, наживающих миллионы на счет промышленного регресса собственной страны».

В. Г.

Степанов, И. От рабочего контроля к рабочему управлению в промышленности и земледелии. М. «Жизнь и Знание». 1918. Стр. 143. Ц. 2 р.

Брошюра написана живо и интересно и затрагивает весьма важный, для рабочего класса, вопрос.

«Уже давно все условия властно толкали его (рабочий класс) к организации контроля над производством и распределением, а теперь все условия с неменьшей властностью требуют урегулирования всех производственных и распределительных отношений». (Стр. 1).

Российскую революцию и требования пролетариата, касающиеся экономических условий, автор подразделяет на два периода: в первый из них, до октябрьских дней, центр тяжести лежал в требовании рабочего контроля, после октября переместился в требование регулирования всей промышленности и хозяйственной жизни.

Первый период был более трудным, так как рабочие не умели еще подходить к хозяйственной жизни и только учились управлению ею на контроле.

Во втором периоде приходится заниматься «социалистическим регулированием» (Стр. 15).

Между прочим, по мнению автора, до сих пор этим никто не занимался: рабочие заботились только о существовании своего завода, нисколько не думая об общем экономическом положении страны.

Между тем общее расстройство экономической жизни продолжалось. «Пока не принято мер к решительному урегулированию всей промышленности, экономическая разруха будет давить нас с каждым месяцем больше». (Стр. 27).

По мнению автора, рабочие вели нерациональную экономическую политику, и этим ухудшали положение промышленности.

«Для того, чтобы страна экономически развивалась, необходимо, чтобы хотя часть прибылей, отбираемых обществом у капиталистов, шла на постройку новых железных

дорог и заводов, на улучшение и расширение старых и т. д. В действительности же значительная часть прежней капиталистической прибыли просто переводится в фонд потребления рабочего класса». (Стр. 36).

С этим положением автора вполне согласиться нельзя, так как он берет факты, не анализируя условий, создавших их. Также необоснован вывод автора относительно того, что рабочий контроль уже не нужен.

«Рабочий класс должен проникнуться сознанием, что контроль изжил свое время; что соглашению с предпринимателями теперь вообще нет места, что действительно, приходится создавать всю жизнь на новых началах». (Стр. 47).

Это неверно потому, что контроль совсем не являлся соглашением с предпринимателями, а шагом в борьбе за новый строй общественной жизни.

Регулирование должно охватывать не только промышленно-фабричную, но и сельско-хозяйственную жизнь. Особенно важно установить правильныя взаимоотношения между крестьянством и городским населением, так как в противном случае грозят серьезные экономические осложнения.

Первоначально пролетарское Правительство применяло по отношению к крестьянам принципы уравнительного землепользования и пресловутую социализацию земли.

Эти меры дали отрицательные результаты для строительства жизни, и об'ективными фактами выдвигается совершенно другая система землепользования—национализация земли.

В этом отношении в земледелии мы идем по тому же пути, что и в промышленности, т.-е. по пути национализации.

Свое отношение к национализации земли автор формулирует так: «Центром нашего внимания сделается общественно-организованное крупное производство, через которое мы только и перейдем к социалистической организации всего общества» (Стр. 89).

Это положение в равной степени относится и к промышленности и к земледелию.

Кроме того, распределение земли по едокам не уничтожает дальнейшего расслоения деревни. Эта борьба вскрывает действительный характер революции и ея социальные корни.

Взаимоотношения в процессе революции сильно видоизменились, но и теперь важно и необходимо, чтобы рабочий получал не меньше средств существования, чем он получал до войны». (Стр. 177).

К этому необходимо стремиться, но пока этого не удается достигнуть.

Более или менее полное осуществление этого получится лишь тогда, когда удастся урегулировать промышленныя отношения и наладить взаимоотношения с деревней.

Это—та широкая программа, которую старается последовательно и неуклонно проводить Совет Народного Хозяйства. Начало же этому строительству было положено именно рабочим контролем и той организацией, которая была создана для проведения его.

От контроля нельзя так легко отказываться, как это делает автор. Еще долго, вероятно, его придется применять во многих отраслях промышленной жизни, видоизменяя его в зависимости от общей экономической кон'юнктуры.

Р. Арский.

История.

Павлович, М. (Мих. Вельтман). Азия и ее роль в мировой войне. П. Изд. газ. «Новая Жизнь». 1918. Стр. 71. Ц. 1 р. 75 к.

Брошюра М. Павловича посвящена вопросу огромной важности—значению азиатского вопроса в международной политике последних десятилетий. Как известно, настоящая война явилась в значительной степени результатом пресловутого «Drang nach Osten», т.-е. стремления на Восток, обуявшего все великие державы от Германи и до Японии.

Чем же вызвано это упорное стремление утвердиться на древнем континенте Азии, которое обыкновенно окутывается пеленой историко-культурных стремлений и задач?

Основой колониальной политики всех капиталистических государств является прежде всего «рельсовый вопрос, борьба за так называемые железнодорожные концессии, т.-е. за монопольное разрешение тому или иному государству проводить рельсовую дорогу на данной территории».

Павлович и рассматривает рельсовую политику держав в Малой Азии, т. е. политико-экономическую историю Багдадской и Сев.-Анатолийской железных дорог.

Мы видим здесь ряд своеобразных комбинаций, необычайно характерных для современных капиталистических государств.

Франция и Англия, упорно враждующие с Германией по целому ряду вопросов, выступают в то же время «пайщиками» последней при проектах проведения Багдадского ж. д. пути. Французские капиталисты финансируют с этой целью «Дейче Банк», англичане же почти накануне войны подписывают договор с Германией о Багдадской дороге, удовлетворяющий почти все притязания крайних немецких империалистов относительно этой концессии.

Вообще, в англо-франко-германских конфликтах из-за Багдадской дороги мы имеем не борьбу между конкуррентами, а скорее «споры, нелады, трения между компаньонами одного и того же коммерческого предприятия».

Лишь интересы России и Германии в вопросе о железных дорогах в Малой Азии оказались совершенно непримиримыми, благодаря традиционной русской политике, стремящейся удерживать Турцию в состоянии экономической отсталости и политической слабости.

Русская империя систематически препятствует багдадским планам немцев, пока этот конфликт не приводит вместе с другими к грандиозному мировому столкновению.

Таким образом интересная и содержательная книжка Павловича приводит нас к заключению, что, «поскольку речь идет о турецком наследстве, о роли этого фактора в мировой войне, последняя прежде всего явилась фатальным последствием русско-германского антагонизма в оттоманском вопросе».

В. Г.

Покровский, М. Франция до и во время войны. П. Изд. газеты «Новая Жизнь». 1918. Стр. 110. Ц. 2 р. 25 к.

Небольшая книжка М. Н. Покровского о Франции является одним из выпусков интересно задуманной серии, характеризующей европейские и вне-европейские страны до и во время войны. В целом виде, так, как она была задумана, серия не осуществилась; отдельные части ее появились в различных изданиях (так, напр., введением к ней служит известная книжка Н. Ленина об империализме). Появившиеся книжки серии восполняют существенный пробел нашей популярной литературы, в период царизма весьма бдительно охраняемой по части затронутых в серии проблем.

М. Н. Покровский в своей работе дает общий очерк хозяйственного, социального и политического уклада Франции ко времени начала настоящей войны, а также отмечает те изменения, которые внесены войной в ее первые годы. Как и все, что выходит из-

под пера Покровского, очерк написан мастерски, при чем особую ценность ему придают тонкие и остроумные, непосредственные наблюдения автора, в течение ряда лет невольного обитателя берегов Сены.

Можно лишь указать, что первая глава, характеризующая особенности экономической жизни Франции и происходящих в ней за последнее время изменений, составлена несколько кратко и схематично; следовало бы или сократить ее еще больше, слив со второй главой, или подробнее и обстоятельнее развить затронутые вопросы.

Вторая глава, трактующая о французском капитализме, особенно о капитализме в его новейшей фазе, весьма любопытна; следует отметить страницы, посвященные роли банков в международной политике третьей республики. Жаль только, что автор, стесненный размером книжки, не мог остановиться на колониальной политике правящей французской буржуазии; проблема «колониальной Франции» в настоящее время очень и очень выдвигается на передний план. Не всегда здесь можно говорить, как это часто делается, о «сытом» империализме.

Третья глава о политическом строе представляет ряд ярких и красочных примеров того, к чему сводятся на практике громко декларированные принципы буржуазной демократии. Чрезвычайно удачно отмечены «бонапартистское» настроение и политическая роль клерикализма.

Наиболее свежий и интересный материал дает четвертая и заключительная глава, характеризующая социалистическое движение. Очертив яркими штрихами основные этапы социалистического движения от великой революции и по об'единительный конгресс социалистической партии, автор подробно останавливается на новейшей фазе развития рабочего движения и его отражения в общем ходе общественно-политических отношений.

Заключительные страницы касаются тех, уже весьма существенных перемен, какие внесли первые годы и в социально-экономические и в политические отношения. Здесь, однако, лишь намечаются вопросы, еще ожидающие своих ответов.

Книжку Покровского, доступную по цене, можно рекомендовать самому широкому распространению; она прямо необходима в библиотеках культурно-просветительных общественных организаций

И. Николин.

Критика и история литературы

Фриче. В. Пролетарская поэзия. М. «Денница». 1918. Стр. 82. Ц. 1 р.

До сих пор пролетарская поэзия вместе с той жизнью и средой, из которой она выростала, оставалась, по большей части, за порогом историко-литературного изучения. Задачей небольшой книжки Фриче является дать краткий очерк ее истории. Правда, краткость и конспективность этого очерка делают его лишь введением к действительному изучению. но самый перечень имен уже служит вехами, по которым может итти исследователь. Среди перечисленных авторов есть и такие, которые почти не появлялись на страницах критики, есть и такие более или менее известные певцы рабочей доли, как Э. Эллиот, Пьер Дюпон, автор «Интернационала» Эжен Потье, нежная и сильная душой Ада Негри, поэт камня и железа Верхарн. Из русских упомянуты Шкулев, Нечаев, Савин, Розенфельд.

Вместе с характеристикой поэтов, автор дает беглый обзор их эпохи и различных моментов рабочего движения. Книга читается легко. Ее оживляют цитируемые автором отрывки из оригинальных произведений и переводов.

В. С.

Искусство.

Керженцев. В. Творческий театр. Пути социалистического театра. П. «Книга». 1918. Стр. 71. Ц. 2 р.

Книга Керженцева принадлежит к числу заслуживающих большого внимания сочинений, вышедших в свет уже в молодой, революционной России. В ней—не только критика существующего театра, переданного нам по наследству от старого строя, в ней—попытки создания театра нового, предначертания будущих путей.

На смену старому статическому театру должен притти театр новый, «творческий», динамический, где бы не было профессионалов, раз навсегда закрепленной фабулы и определенного места для исполнения, но, сливая жизнь зрителей с жизнью актеров, сценой служили бы то площадь, то перекресток, то склон горы, то опушка леса,—сама пьеса являлась бы плодом свободной, коллективной импровизации, а исполнитель—выступивший из рядов зрителей-гражданин, который завтра вернется к своим обычным занятиям, уступив место другому. На этом пути могут воссоединиться актер и зритель, отсюда изойдет новое, чуждое буржуазным эпохам, коллективное, соборное, всенародное творчество. Другим должен быть и репертуар такого театра: с героическими индивидуальностями и захватывающей жизнью масс.

Стремление к такого рода сценическому искусству в человечестве было и есть: от древней трагедии оно идет к средневековым мистериям. В наше время намеками на него могут служить так наз. «пэджент'ы» в Англии (массовые постановки под открытым небом).

Многое в точках зрения автора еще связано со старыми традициями, не освободилось от них, они словно не дают автору досмотреть до конца раскрывающиеся перед ним перспективы, рассказать о действительно социалистическом театре, с совершенно новым бытом, новой психологией и актера и зрителя.

Поэтому и его пролетарский театр (на что уже указывала критика) было бы правильнее характеризовать, как преддверие к социалистическому театру, как то русло, через которое истекут в будущее новые замыслы и осуществления.

Но пусть социалистический театр автором в конкректных формах еще не предуказан: от его книги веет свежестью растворенных дверей и окон, после нее театр становится вновь убедительным и захватывающим, хочется в него итти и для него работать.

Написана книга легким, острым, живым стилем, в ней много полезных наблюдений и метких характеристик.

Она может быть рекомендована, как одно из основных сочинений о новом театре.

Вера Станевич.

Мелос. Сборник статей о музыке под ред. Игоря Глебова и П. П. Сувчинского. Книга 1-ая. П. 1917. Стр. 133. Ц. 6 р. 50 к.

Музыка не особенно была богата литературой и в прошлом,—теперь же, в связи с переживаемым книгой кризисом, прекратилось и то немногое, что выходило в свет. Так, перестали выходить журналы — московский «Музыка» и петроградский «Музыкальный Современник»,—один из немногих хороших у нас журналов по искусству вообще.

Поэтому особенно радостно приветствовать выход в свет сборника статей о музыке «Мелос», под редакцией ушедших из «Музыкального Современника» Игоря Глебова и П. П. Сувчинского,—сборника, явившегося как бы на смену окончивших свое существование журналов.

Будучи единственным теперь в области музыкальной литературы явлением, сборник объединяет имена почти всех выдающихся теоретиков музыки нашего времени.

Среди статей сборника особенно хочется отметить статью о ритме М. Сабанеева, чуть ли не единственную по этому вопросу (если не считать некоторых трудов Б. Л. Яворского и «Символизма» Андрея Белого, давно уже исчезнувших из продажи). Статья написана, к сожалению, недостаточно серьезно, нося немного фельетонный характер, как и все,

что выходит из-под пера этого талантливого, но не лишенного поверхносности, критика.

Не затрагивая вопроса с достаточной глубиной, автор дает ряд суб'ективных определений ритма, не лишенных значительного интереса и остроумия. Придерживаясь метода познания эмпирического, автор—через разложение основных форм искусства на составные их части («эстетические атомы и потенц алы») пробует дать понятие «художественного ритма» не только во временных формах искусства, но и пространственных. Таким образом, «ритм есть принцип наименьшего действия в искусстве»; из этого определения вытекает и понятие формы и содержания: «форма есть... воплощение идеи ритма в произведении. Содержание же есть явленный в этом произведении эстетический потенциал целаго». И поэтому—«форма должна поглощаться содержанием, ибо иначе принцип ритма не воплотится и само содержание... падает».

Тут же, наряду с определением ритма, автор дает ряд законов о свойствах эстетических потенциалов и определения метра, формы, стиля, гения и т. п.

Статья читается легко и с интересом, как, впрочем, и все, что пишет Л. Сабанеев.

Кроме разобранной статьи, необходимо отметить статьи и заметки Н. Як. Брюсовой, давшей краткую и сжатую, но глубокую и сильную характеристику творчества Шопена и Скрябина; Н. О. Лосского, философа, построяющего миропознание на интуитивном творчестве, и передовую статью Игоря Глебова.

Весь сборник производит весьма отрадное впечатление, как своим содержанием, так и своей внешностью—бумагой и печатью—довольно неожиданной для нашего времени. Будем с нетерпением ждать последующих выпусков.

Г. Щ.

Художественная литература

Богданов, А. Красная звезда. Роман-утопия. М. Изд. 2-ое «Кн-ства писателей в Москве». 1918. Стр. 174. Ц 4 р. 50 к.

Богданов. А. Инженер Мэнни. Фантастический роман. М. Изд. 2-ое. «Волна». 1918. Стр. 143. Ц. 4 р. 50 к.

Среди произведений, пытающихся изобразить жизнь будущего человечества, книга А. Богданова может занять видное место— и потому, что его утопия не представляет собой праздной болтовни фантазирующего человека о том, что будет через 100 или 500 или 1000 лет. и потому, что она читается с почти захватывающим интересом. Очень часто фантазии о будущем пишутся авторами без определенного целостного взгляда на жизнь, авторами без нравственного идеала, и в них рассказывается о будущих чудесах техники, о будущих формах общественного быта такое, что не соответствует ни развитию науки, ни ходу исторического процесса, ни каким-либо прогрессивным течениям общественной мысли. Иногда романы-утопии, как, например, произведение Беллами «Через сто лет», бывают написаны серьезно, с точки зрения общественного идеала, но скучно.

А. Богданов сумел свою утопию написать так, что она является удачной попыткой представить будущую жизнь человечества с точки зрения научного социализма. Он изображает грядущий общественный строй сообразно тому, что намечается уже в настоящее время. Будущее человечество А. Богданова не делится на отдельные народы, оно говорит на одном языке, более гибком и выразительном, чем современные языки. оно не делится на взаимно враждующие классы, почти не имеет различий в бытовой жизни между мужчиной и женщиной. Будущее человечество проникнуто духом коллективной солидарности (общественного содружества), и нет надобности поэтому в законах, которые обуздывали бы злую волю отдельных его членов. Воспитание успешно борется с теми не-общественными инстинктами: чувством собственности, жестокостью, которые, по законам наследственности, проявляются иногда в детях. Дух общественности так силен в человечестве будущего. что у него уже нет места великим людям. Отсутствие внутренней борьбы, сохраняя много сил. делает будущее человечество весьма могущественным в борьбе с природой.

Так представляет будущее человечества А. Богданов с точки зрения социалистического идеала. Интересным же роман делают. помимо того, что он написан легко и просто, такие подробности, как путешествие героя романа Леонида на планету Марс. где он наблюдает жизнь марсиан, жизнь сходную по своему типу с нашей земной. но уже достигшую социалистической ступени развития; роман Леонида с марсианкой Нэтти, его возвращение на землю. после того, как в отсутствие Нэтти, отправившейся в ученую экспедицию на Венеру. он, не выдержав напряженности жизни на Марсе, сначала заболел, а потом, повинуясь земному инстинкту ревности, убил прежнего мужа Нэтти, его участие в революции по возвращении на землю и т. п.

Книгу А. Богданова можно смело рекомендовать и как интересную и как полезную, поскольку она изображением идеального, но в той или иной мере осуществимого будущего может вдохнуть бодрость в нас, утомленных жестокой международной и социальной войной.

Во второй своей книге, «Инженер Мэнни», А. Богданов рассказывает о тех временах жизни на Марсе, когда там, подобно тому, как сейчас это происходит у нас на земле, разлагался капитализм и в тяжелых муках рождался социалистический строй. Рассказ ведется от имени Леонида, снова увезенного Нэтти на Марс и начавшего там работу по сближению двух миров, Марса и Земли.

И эта вторая книга А. Богданова читается также с интересом.

А. Ам—ский.

Сборник пролетарских писателей под ред. М. Горького, А. Серебровой и А. Чапыгина. П. «Парус». 1918. Стр. 207. Ц. 3 р.

Трудно создать искусство новое по духу, а не только по темам; может быть это возможно лишь, как результат целой эпохи: лучших писателей помещичье-буржуазная эпоха дала по истечении многих веков своего существования.

Сборник пролетарских писателей является таковым именно скорее только по темам. Приемы и манера письма большинства его участников, за исключением Дозорова-Гастева еще чисто интеллигентские; это—новые мысли о людях, но не новые переживания, не новые люди. У некоторых авторов (И. Дозоров-Гастев, Всев. Иванов, Н. Рыбацкий, М. Радлов) есть новизна и свежесть в языке; их вещи—лучшие во всем сборнике, особенно рассказ Радлова, полный живого внутреннего трагизма и какого-то действительного касания к интимным и тайным содроганьям согрешившей души; рассказ М. Чернокова «Вольница» испорчен слишком большой анекдотичностью содержания.

Из поэтов сборника следует отметить М. Герасимова, К. Одинцова и Ив. Морозова, хорошо владеющих стихом и не чуждых эстетизма. Но именно этот-то эстетизм и переносит книгу в разряд неновых и интеллигентских, ибо от нее хотелось бы, пусть даже «некрасивых», косноязычных и грубых, но все-же мощных слов.

В. С.

Франс, А. Боги жаждут. Роман. М. «Универсал. библиот». 1917. Стр. 316. Ц. 3 р. 50 к.

Есть три пути для художественно-беллетристической передачи исторической эпохи или отдельного крупного события в жизни народа.

Первый путь состоит в описании психологии и действий реального исторического лица, героя, который как бы сконцентрировал в себе весь смысл происходящих событий.

Или вторым путем, наиболее трудным, художник воссоздает жизнь и переживания народных масс, которые всегда являются настоящими деятелями всех великих событий, но деятелями безымянными, неоставляющими никаких следов своей психологии, интимной стороны совершаемых ими событий.

Наконец, путь третий, сочетающий два предыдущих, заключается в передаче событий под углом зрения одного из участников и творцов их; художник прослеживает здесь ход и психологию событий в жизни какого-либо скромного обывателя, рядового участника общественной жизни. Для великой французской революции образцом первой—«героической» романтики может служить роман О. Бальзака «Шуаны», до некоторой степени примером второй манеры—«колективно-психологической»—хроника Эркмана—Шатриана «История крестьянина» и, наконец образцом третьяго беллетристического метода—исторического мещанского романа»—недавно вышедшее в русском переводе произведение А. Франса «Боги жаждут». Роман этот прямо-таки драгоценен для нас, благодаря поразительному сходству революционной эпохи, описываемой в нем, с событиями наших дней.

Мы видим Францию, переживающую родильные муки своей революции.

«Круг из железа, пламени и ненависти охватил огромный революционный город... Положение вещей было ужасно; лучшая армия республики была окружена в Майнце; Валансьен в осаде, Фонтаней взят вандейцами, в Лионе восстание; в Севеннах возмущение, испанская граница обнажена. Две трети департаментов захвачены или объяты волнениями. Париж под выстрелами австрийских пушек, без денег, без хлеба». (Стр. 6, 7).

Подставьте вместо французских департаментов названия наших губерний, замените Париж—Москвой и вы получите абсолютное тождество двух эпох, отделенных одна от другой столетием.

Кто же спас Францию от этой гибели, кто извлек ее из этого трагического положения?

«Маленькие люди», отвечает на этот вопрос, в полном согласии с исторической действительностью,—Анатоль Франс.

Это они, пылкие энтузиасты, «полные терпенья», которые после каждого поражения подготовляли невозможный триумф»,—они победили всю Европу. Эти маленькие люди, уничтожившие королевскую власть, опрокинувшие старый мир... они не ожидали пощады от своих врагов. У них был выбор только между победой и смертью. Отсюда их усердие и их спокойствие». (9 стр.).

Революционная биография одного из «малых сих», никому не ведомого якобинца и художника Эвариста Гамелена, и составляет содержание романа А. Франса.

Биография эта не изобилует внешними

событиями или глубокими душевными переживаниями.

Прямолинейный фанатик, исповедующий с первых страниц романа культ Марата и Робеспьера, верующий, что жесточайший террор приведет за собою царство добродетели и милосердия, наконец ненавидящий атеистов наряду с федералистами и сторонников равенства—наряду с роялистами. Эварист Гамелен без малейших душевных перемен и колебаний проходит перед нами всю свою карьеру от члена революционной секции «Нового моста» до присяжного революционного Трибунала, пока роковая тележка не увозит его на площадь Равенства для... гильотинирования.

Но именно эта непоколебимая твердость в проведении совершенно метафизических принципов в области политики, этот мрачный энтузиазм, имеющий в себе что-то религиозно-фанатическое, являющиеся основными чертами характера Э. Гамелена, всего ближе приближают нас к психологии великих революционеров 93 года, сумевших защитить завоевания революции от монархическо-дворянского заговора всей Европы, правда, залив ее потоками крови.

Для того, чтобы убедиться, насколько эпоха, описываемая А. Франсом, даже в мелочах, совпадает с нашей трагической действительностью, достаточно указать на ряд бытовых мелочей, которыми роман так и пестрит. Вот мы слышим бедную женщину, обвиняющую революцию в нищете и лишениях, и ее сына, объясняющего все эти несчастия происками «скупщиков и биржевиков» (стр. 20), мы наблюдаем в лавке сцену (стр. 29), как продавщица тщательно изучает на свете ассигнацию, т. к. вся Франция была в это время наводнена фальшивыми деньгами, вот герой романа стоит в «хвосте» перед булочной, т. к. с установлением предельных цен зерно и мука тотчас же исчезли из продажи, «женщины с яростью работают локтями и бедрами, чтобы сохранить свои места или завладеть лучшими», «подходит наклейщик афиш и наклеивает на стену об'явление об установлении мясного пайка» и т. п.

А вот выбранные наудачу два примера психологии парижской массы обывателей:

«Революция нарушила правильное питание во всех семьях, большинство граждан не имело чем кормиться. Люди, которые, подобно Ж. Блэз (крупному торговцу-спекулянту), разживались при всеобщем бедствии, шли к ресторанам, где выявляли себя, об'едаясь» (Стр. 137). Про того же Жана Блэза мы узнаем, что, «как и все контр-революционеры, он питал уважение к республиканским властям. А с тех пор, как на него донесли за мошенничество в деле поставок на армию, революц. Трибунал стал внушать ему почтительный страх» (120 стр). и т. п., и т. п.

Все эти факты, быть может и незначительные сами по себе, драгоценны в том отношении, что они приближают нас к истинной физиономии великой франц. революции, которая сейчас завуалирована покровом сентиментальных фраз и чувствований и нарочитой идеализацией всех ее действующих лиц.

Сейчас очень распространено обыкновение (коренящееся, конечно, в глубоком невежестве) противопоставлять франц. революцию, как нечто красивое и благородное, нашей сермяжной русской революции.

Роман Ан. Франса, написанный, кстати сказать, еще до войны, дает возможность убедиться этим любителям благородных народных зрелищ, что все революции по внешним формам своим одинаковы и ни одну из них нельзя делать, оставаясь в «чистых перчатках».

В. Г.

Исход. Литературно-Художественный Альманахъ. М. «Художественный Клуб» 1918. Стр. Ц. 4 р.

«Исход» производит двойственное впечатление. Наряду с подлинно-футуристическими стихами таких «крайних» поэтов, как А. Мариенгоф, И. Старцев, мы встречаем здесь стихотворения, написанные «по старине» и в смысле формы, и в смысле содержания, принадлежащие Мандельштаму и Вирганскому.

Наиболее интересными в сборнике являются стихотворения А. Мариенгофа, которые несмотря на всю нарочитую изломанность формы их, обнаруживают, вместе с тем, свежее незатасканное поэтическое чувство.

Из стихотворений «Консервативных» лучшим является «Декабрист»—Мандельштама.

Наименее удачной частью Альманаха являются рисунки, написанные по обычному футуристическому трафарету. Издана книжка весьма опрятно и даже изящно.

Новые книги.

ФИЛОСОФИЯ.

Мысль и Слово. Философский ежегодник, изд. под ред. Г. Шпета. Кн. I. М. Изд. Г. А. Лемана и С. И. Сахарова. 1917. Стр. 435. Цена 11 р.

Оглавление: Г. Шпет: Мудрость или разум? — М. Гершензон: Мудрость Пушкина.— Л. Шестов: Самоочевидные истины.—П. Блонский: Кн. С. Н. Трубецкой и философия.— А. Лазарев: Философия Бергсона.—И. Румер: Философия Шпира.

Критика: Е. Лундберг: Творчество, как спасение.— Г. Шпет: Философия Джоберти. — Г. Шпет и А. Бачинский: Некоторые черты из представления Лосского о природе.—А. Бачинский и Г. Шпет: Фидеизм проф. Хвольсона.

Книги, вышедшие в 1916 году (рецензии):

Н. Самсонов: Фихте. Избранные сочинения. Т. I.—Г. Шпет: Юм. Исследование о человеческом уме.—Г. Шпет: Гилров. Руководство к изучению философии.—П. Блонский: Гуляев. Лекции по истории древней философии. П. Блонский: Шилкарский. Типологический метод в истории философии.—Н. Самсонов: Нечаев. Теизм, как проблема разума.—П. Блонский: Деборин. Введение в философию диалектического материализма.—(Автореферат): Шпет. История, как проблема логики. Ч. I.— Н. Самсонов: Г. И. Челпанову. Статьи по философии.—Е. Старынкевич: Минин. Главные направления древне-церковной мистики. — Е. Старынкевич: Статьи по философии в журнале «Вопросы философии и психологии» за 1916 г.

СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ.

Залевский, К. Национальный вопрос и Интернационал. П. «Жизнь и Знание». 1918. Стр. 115. Цена 1 р. 50 к.

Оглавление: Значение национального вопроса для пролетариата.—Национальный вопрос и Интернационал в прошлом.—Современная эпоха и национальный вопрос.—Империализм и национальные движения.—Эмансипация колоний.—Российская Империя.—Национальные движения и духовная культура.—Программа Интернационала в сфере национального вопроса.—Интернационал и национальные движения в России.—Возражения против постулата права народов на самоопределение.—Заключение.

Из заключения: «Возрождающемуся Интернационалу предстоит начертать на своем знамени, наряду с диктатурой пролетариата для свершения социалистического переворота— Союз свободных народов, как конкретную форму этой диктатуры, и как неизбежный этап — право народов на самоопределение».

Ильин, В. (Н. Ленин). Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов. П. «Жизнь и Знание». 1917. Стр. 271. Цена 4 р. 50 к.

Оглавление: Аграрная программа социал-демократии в русской революции (1907 г.).— Экономические основы и сущность аграрного переворота в России.—Аграрные программы Р. С. Д. Р. П. и их проверка революцией.— Теоретические основы национализации и муниципализации. — Политические и тактические соображения в вопросах аграрной программы.—Классы и партии по прениям во второй Думе об аграрном вопросе.—Заключение.—Послесловие.

Из послесловия: «Настоящая работа написана в конце 1907 года. В 1908 году она была напечатана в Питере, но царская цензура захватила и уничтожила ее. В настоящее время революция поставила аграрный вопрос неизмеримо шире, глубже и острее, чем в 1905—1907 годах. Ознакомление с историей нашей партийной программы в первой революции поможет, я надеюсь, правильнее разобраться в задачах теперешней революции».

Ильин, В. Из истории социал-демократической аграрной программы (статьи 1901 — 1906 годов). П. «Жизнь и Знание». 1917. Стр. 132. Цена 1 р. 75 к.

Оглавление: Рабочая партия и крестьянство (1901 г.).—Аграрная программа русской социал-демократии (1902 г.)—Пересмотр аграрной программы рабочей партии (1906 г.)—Аграрный вопрос на Стокгольмском с'езде (1906 г. Апрель).—Приложение: Проекты программ, внесенных на Стокг. С'езд, и принятая с'ездом программа.

Ильин, В. (Н Ленин). Новые данные о законах развития капитализма в земледелии. Вып. I. Капитализм и земледелие в Соед. Штатах Америки. П. «Жизнь и Знание». 191-. Стр. 104. Цена 2 р.

Из текста: «Передовая страна новейшего капитализма представляет особенные интересные изучения общественно-экономического строя современного сельского хозяйства и его эволюции. Получается такой точный и богатый материал, какого нет ни в одной стране мира».

Ленин, Н. (В. Ульянов). Аграрный вопрос в России к концу 19-го века. П.—М. «Жизнь и Знание». 1918. Стр. 80. Цена 1 р. 75 к.

Из предисловия: «Задача настоящей статьи —дать краткий очерк всей совокупности общественно-экономических отношений в русском

сельском хозяйстве. Такая работа должна подвести итоги марксистскому исследованию, указать место каждой сколько-нибудь крупной черты нашей сельско-хозяйственной экономики в общем строе русского народного хозяйства, обрисовать общую линию развития аграрных отношений в России и вскрыть те классовые силы, которые определяют так или иначе это развитие. Мы рассмотрим поэтому с указанной точки зрения землевладение в России, затем помещичье и крестьянское хозяйство, а в заключение дадим общие выводы о том, к чему привела наша эволюция в течение 19 века и какие задачи завещала она 20 веку».

Каутский, К. Путь к власти. Перев. с нем. под ред. Н. Л. Мещерякова. М. «Волна». 1918. Стр. 79. Цена 1 р. 50 к.

Оглавление: Предисловие автора.—Завоевание политической власти.—Предсказание революции.—Врастание в государство будущего.—Экономическое развитие и воля.—Ни революция во что бы то ни стало, ни законность во что бы то ни стало.—Рост революционных элементов.—Смягчение классовых противоречий.—Обострение классовых противоречий.—Новый век революций.

Из предисловия: «Новое рассмотрение вопроса о политической революции, о великих политических сдвигах, кажется мне, своевременным, как раз теперь, когда борьба против личного режима и вопросы государственного устройства интересуют весь мир. Современная ситуация и особенности ее задачи — это и стало главной темой настоящего сочинения».

Каутский, К. Экономическое учение Карла Маркса. Перев. И. М. Дебу. П. «Луч». 1918. Стр. 158. Цена 2 р. 60 к.

Книга представляет новое издание на русском языке известного изложения экономического учения Маркса. Книга делится на 3 отдела: I. Товар, деньги, капитал.—II. Прибавочная ценность.—III. Заработная плата и доход с капитала.

Маркс и Энгельс. Манифест коммунистической партии. С предисл. К. Каутского. Перев. П. Орловского. П. Изд. 3-е. «Жизнь и Знание». 1918.—Стр. 78. Цена 2 р.

Это новое издание на русском языке знаменитого Манифеста Коммун. Партии, составленного Марксом и Энгельсом по поручению Лондонского конгресса коммунистов 1847 г. К манифесту приложен ряд об'яснительных предисловий Маркса — Энгельса и К. Каутского.

Мещеряков, В. Аграрная программа русских социал-демократов (1883 — 1917). П. «Прибой». 1918. Стр. 58. Цена 1 р. 50 к.

Книга была написана еще до октябрьской революции, но ее печатание затянулось по техническим причинам. Она содержит и историю постепенного расхождения различных течений русских социалистических партий в вопросе об аграрной программе и обоснование позиции, занятой при этом расхождении большевиками.

Мещеряков, В. Национализация и социализация земли. П.—М. «Жизнь и Знание» 1918. Стр. 63. Цена 2 р.

Оглавление: I. Национализация земли у русских социал-демократов: На заре туманной юности.—Девяностые годы.—«Искра» и программа 2-го с'езда Р. С.-Д. Р. П.—Аграрные лозунги социал-демократии в революции 1905 — 1906 гг.—Национализация земли на 4-ом с'езде Р. С.-Д. Р. П.—Между двумя революциями (1907—1917).—Победа второй русской революции (1917 г.).—II. Земельное законодательство большевистского правительства: Декрет о земле и закон о социализации земли.—III. Марксизм и социализация земли.

Памяти Карла Маркса. 5 мая 1818—5 мая 1918 г. Сборник статей: Г. Зиновьева, Ю. Каменева, Н. Ленина, Р. Люксембург, Ф. Меринга, П. Орловского, Г. Роланд-Гольст, Ю. Стекловa. С предисл. Г. Зиновьева, с портр. Карла Маркса. П. Изд. П. С. Р. и К. Д: 1818: Стр: 187: Цена 3 р.

Оглавление: Жизнь и деятельность Карла Маркса.—От демократизма к социализму.—Маркс и Энгельс.—Марксизм и ревизионизм.—Памяти Карла Маркса.—К истории марксизма в России.—Маркс и пролетариат в буржуазной революции.—Маркс в эмиграции.

Из предисловия: «Этот сборник статей выпущен был нами в 1908 году к 25-летию со дня смерти Карла Маркса, но был тогда немедленно конфискован царской полицией. Переиздавая этот сборник сейчас, мы вычеркнули из него несколько статей: это—статьи, принадлежащие литераторам, которые ушли из рядов социалистов-интернационалистов. В нынешнее издание сборника входит только одна новая статья: начало биографии Маркса, написанной Фр. Мерингом».

Энгельс, Ф. Принципы коммунизма. (Первоначальный проект «Коммунистического Манифеста»). Перев. Г. Сафарова. Под ред. Г. Зиновьева. П. «Прибой». 1917. Стр. 31. Цена 30 к.

Из предисловия: «Это произведение не столь обстоятельно, как «Коммунистический Манифест», но более вдается в частности и, благодаря этому, а также и благодаря обработке содержания в форме вопросов и ответов, становится более понятным читателю, не вполне проникшему в мир социалистических идей. И вместе с тем от этого оно не становится менее научно продуманным. С полным правом можно назвать его **популяризацией** основных идей Коммунистического Манифеста, и в то же время оно служит ценным дополнением этого гениального произведения».

Энгельс, Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. (По Моргану). Перев. И. М. Дебу. П. «Луч». 1918. Стр. 87. Цена 1 р. 60 к.

Оглавление: Введение. — Доисторические культурные периоды.—Семья.—Род у ирокезов.—Греческий род.—Образование афинского государства.—Римский род и римское государство.—Род у кельтов и германцев.—Образование немецкого государства.—Варварство и цивилизация.

Новое русское издание известного труда Энгельса, в котором автор, воспользовавшись критическими заметками Маркса к сочинению Моргана, приложил материалистическую точку зрения к исследованию вопроса о проис-

хождении семьи, частной собственности и государства.

ИСТОРИЯ.

Владимиров, Л. Война и Балканы. Под ред. М. Н. Покровского. П. Изд. газ. «Новая Жизнь». 1918. Стр. 92. Цена 2 р.

Оглавление: Социально-политический уклад Балканских стран. — Европейский капитал и Балканы.—Социалистическое движение на Балканах.—Эволюция балканского вопроса.—Европейская война и Балканы.

Каутский, К. Карл Маркс и его историческое значение. Перев. под. ред. Д. Рязанова. П. 2-ое изд. Изд. Петрогр. Совета Раб. и Солд. Деп. 1918. Стр. 43. Цена 1 р. 25 к.

Оглавление: Предисловие. — Введение.—Синтез естественных и общественных наук.—Маркс и Энгельс.—Синтез английской, французской и немецкой мысли.—Соединение рабочего движения с социализмом.—Синтез теории и практики.

Из предисловия: «То, что я предлагаю, не является панегириком Марксу... Я скорее ставлю себе целью облегчить понимание того, что Маркс дал миру... Предлагаемая работа является не только главой из истории нашей партии, она хочет внести также лепту и в решение современных вопросов».

Керженцев, В. Англия и англичане. Очерки современной Англии. П. «Социалист». 1918. Стр. 156. Цена 3 р. 50 к.

Из рецензии: «Здесь автор дает ряд картин прошлой жизни Англии, выясняя происхождение того или иного учреждения и обильно сопровождая изложение цифрами. Перед читателем проходит и английский город, берущий 78 проц. населения, и английская деревня, в которой за последнее время замечалась абсолютная убыль площади посевов. Далее читатель в ряде очерков знакомится с государственным строем, политическими партиями, правами граждан, местным самоуправлением, образованием, английским рабочим, женским движением и т. п.». (Ст. Кривцов. «Рабочий Мир». 1918. №).

Мендельсон, С. Парижская коммуна 18 марта. Ее происхождение и значение. Пер. с нем. П. «Пролетарская Мысль». 1918. Стр. 79. Цена 1 р. 40 к.

Оглавление: Последние годы Империи. — Время от битвы при Седане до 18 марта.—Центральный Комитет.—Принципиальное значение Коммуны.—Итоги деятельности Коммуны.

Из текста: «Руки» должны были доказать, что у них есть также головы. Коммуна передала рабочему классу государственную власть и дала ему, таким образом, возможность доказать, что он является классом, способным управлять страной. Этого одного обстоятельства достаточно, чтобы признать за Коммуной выдающееся значение: уже благодаря одному ему история Коммуны является крайне важной страницей в истории стремящегося к свободе человечества».

Павлович, М. (Мих. Вельтман). Милитаризм, маринизм и война 1914—1918 г.г. (Военные бюджеты и военные силы европейских государств накануне войны). М. «Жизнь и Знание». 1918. Стр. 128. Цена 2 р. 65 к.

Оглавление: Вместо предисловия.—Военные бюджеты европейских государств накануне войны.—Военная подготовка и военные силы европейских государств накануне войны. Милитаризм и маринизм.—Маринизм.—Морские вооружения европейских государств.

Из предисловия: «В течение последних десятилетий, а в особенности с наступления XX столетия военные расходы во всех европейских государствах растут со сказочной быстротой. Все государства одно за другим втягиваются в какой-то заколдованный круг, в котором одно звено связано с другим, и где расходы одного государства немедленно вызывают соответствующее финансовое напряжение в целом ряде других государств. В предлагаемой работе автор изучает вопрос о милитаризации бюджетов и политике вооруженного мира накануне войны».

Рязанов, Д. Две правды. Народничество и марксизм. (Очерк из истории русской интеллигенции). П. Изд. 3-е. Изд-ство П. С. Р. и С. Д. 1918. Стр. 76. Цена 90 к.

Из предисловия: «Представляет-ли русский марксизм продукт «чужеядного творчества» или, наоборот, такое же необходимое звено в развитии русской общественной мысли, как и народничество 70-х годов? Является ли он «отказом от наследства 70-х годов» или, наоборот, переработкой его и дальнейшим развитием «основной тенденции» революционного народничества? Ответ на эти вопросы я старался дать в своей брошюре».

Стеклов, Ю. Карл Маркс, его жизнь и деятельность. П. «Жизнь и Знание». 1918. Стр. 115. Цена 3 р. 50 к.

Оглавление: Годы подготовки.—Выработка нового миросозерцания. — Революция 1848—1849 года. — Период реакции. — Интернационал.—Содействие социалистическому движению в отдельных странах.—Из личной жизни Маркса.—Значение Маркса в науке.

Книга содержит обстоятельно, живо написанный очерк жизни и деятельности К. Маркса.

КРИТИКА И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Кирик Левин. А. И. Герцен. Личность. Идеология. М. «Денница». 1918. Стр. 228. Цена 6 руб.

Оглавление: Предисловие.—Личность А. И. Герцена.—Мораль. — Любовь. — Философия истории.—Педагогические идеи. — Политические идеи. — Польский вопрос. — Славянофильство и западничество. — Социализм. — Тактика.

Из предисловия: «Герцен уже более не пророк и не апостол. Герцен — просто история, наше прошлое, об'ект для изучения... Задача этой книги — дать общий очерк идеологии А. И. Герцена. В своем изложении я стремился к полному беспристрастию. В моей книге нашли отражение не только основные взгляды А. И. Герцена, но и противоречащие им положения, которые были отчасти плодом увлечения, отчасти результатом эволюции в мировоззрении знаменитого публициста».

Чуковский, К. Поэзия грядущей демократии. Уот Уитмэн. П. «Парус». 1918. Стр. 153. Цена 4 р. 50 к.

Оглавление: От автора.—Уот Уитмэн (критико-библ. статья).—Стихи Уота Уитмэна.—Дети Адама.—Аир.—Разные стихотворения.—Русское об Уитмэне. — Послесловие Луначарского.

Из предисловия: «Почти все стихотворения Уитмэна предлагаются здесь в новом переводе. Думаю, что книжка моя своевременна. Мы можем не любить Уота Уитмэна, но мы должны его знать. Европа уже давно ввела его в свой обиход. Особенно во Франции за последние годы утверждается культ его духа. Я верю, что американскому барду суждено сыграть и в нашей поэзии ту же огромную роль».

Из послесловия: «Мощь и грандиозная красота уитманизма заключается в коммунизме, коллективизме».

ИСКУССТВО.

Жюльен Тьерсо. Празднества и песни французской революции. П. «Парус». 1918. Стр. 254. Цена 4 р.

Оглавление: Предисловие. I. Восемьдесят девятый год. II. Праздник Федерации. III. Погребальные торжества: Триумф Вольтера. — Празднование Конституции. IV. Девяносто второй год: Отечество в опасности.—Песни. V. Девяносто третий год.—Празднества в честь разума.—Песни победы. VI. Праздник в честь Верховного Существа. VII. Республиканское искусство во II г.—Походная песнь. VIII. От 9-го термидора к 18-му брюмера. IX. Консульство.—Конец национальных празднеств.

Из предисловия: «Книга эта является результатом почти тридцатилетних исследований и размышлений... Так как мысли мои были всецело заняты музыкой, то главной задачей я и поставил себе выяснение роли в торжественных церемониях именно этого искусства... Наконец, обобщая свои наблюдения.... я пытался выяснить, не могут ли музыка, с одной стороны, и народный дух, с другой, извлечь обоюдную пользу из взаимного проникновения, а, главное, не сможет ли современное искусство, или, вернее, искусство будущего, стать на твердую почву, если будет черпать свое вдохновение в идеалах, подобных идеалам творцов Революции».

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Владимирцев, Т. Михаил Ширяев. (Записки охранника). П. «Земля». 1918. Стр. 220. Цена 5 р.

Из предисловия: «В предлагаемой повести нет ни одного выдуманного факта. Все, изложенное в «Михаиле Ширяеве», имело место в действительности. При изложении внешнего ряда фактов я взял на свою ответственность только последовательность фактов и, конечно, их освещение: в этом отношении я не мог быть об'ективным».

Гастев, А. (И. Дозоров). Поэзия рабочего удара. П. Изд. «Пролеткульта». 1918. Стр. 150. Цена 2 р.

Из предисловия: «Пролеткульт взял на себя задачу собирать, об'единять пролетарское творчество... Работу эту начинаем мы, выпуская «Поэзию рабочего удара» Алексея Гастева».

О книге Гастева см. Литер. отд., стр.

Горький, М. Русские сказки. П. «Парус». 1918. Стр. 79. Цена 1 р. 75 к.

«Русские сказки» — это сжатые очерки, в сатирической форме касающиеся как частных сторон русской жизни последних лет, так и более широких социально-политических тем, связанных с революцией».

Демьян Бедный. Всяк Еремей про себя разумей. Пролетарские басни. С рисунками худ. А. З. П. «Прибой». 1917. Стр. 60. Цена 75 к.

Оглавление: Монголия.—Тофута Мудрый.—Птицы.—Ловля гусей.—Пушка и соха.—Кровное. — Лапоть и сапог. — Хозяин. — Конь и хозяин.—«Благодетель».—Зараза.—Предпраздничное.—Иные времена.—Паук, муха и пчела.—Социал-заяц.—Благотворитель. — Гастролер. — «Натуралист».—Ослы.—Купидошка.—Патриотка своего двора.—Катавасия.—Урожай.—Утешитель.—Слово на питие.—Эпитимия.

Демьян Бедный. В огненном кольце. М. «Прибой». 1918. Стр. 48. Цена 1 р.

Оглавление: Молодняк. — Темнота. — Птицеловы. — Псой. — Грешник. — Толкователи. — Лукерья. — Господская тень. — Предостережение. — У господ на елке.—Горькая правда.—Мазн.—Мой стих.—Работнице. —Батрацкая песня.—Песня деда Софрона.—Дед Софрон на завалинке.—Девичья песня. —Казачья песня.—Трудовое войско.—Революционный гудок.—Братьям.—Коммунистическая марсельеза.—Не забывайте клятвы.—В огненном кольце.

Демьян Бедный. Земля обетованная. М. Кн. скл. «Волна». 1918. Стр. 32. Цена 75 к.

Из рецензии: «Автору пришла удачная мысль взять сходный по обстановке момент народного движения из Ветхого Завета и модернизовать кое-какие детали библейского сказания на современный манер. Так Моисей, революционный вождь народа израильского, превращается в большевика. В минуты безверия и апатии полезно прочесть эту яркую, бодрящую, остроумную сатиру» («Правда», № 93, 1918).

Демьян Бедный. О попе Панкрате, о тетке Домне и явленной иконе в Коломне. М. Кн-ство Всеросс. Центр. Исполн. Ком. С. Р., С., Кр. и Каз. Деп. 1918. Стр. 32. Цена 1 р.

Из рецензии: «Этой весной в Коломне об'явилось «чудо»: какая-то баба на духу открыла местопребывание чудотворной иконы. Как такие штуки подстраиваются, это и рассказывает талантливый сатирик в язвительных, остроумных стихах... «Повесть» иллюстрирована типичными мелкими рисунками». («Веч. Изв. С. Р. и К. Д.». 1918, № 12)

Демьян Бедный. Про землю, про волю, про рабочую долю. Повесть в 2-х частях. С рис. худ. А. З. П. «Прибой» 1918. Стр. 128. Цена 2 р. 25 к.

Эта сатирическая повесть рисует разруху, внесенную войной в жизнь дореволюцион-

ной деревни, различные уродства дореволюционной русской действительности, деятельность правительства *Керенского*. Изложение перемежается баснями, лирическими стихотворениями, «песнями».

Красный звон. Стихи С. Есенина, Н. Клюева, П. Орешина, А. Ширяева. Со вступительной статьей Иванова-Разумника. П. «Революционная мысль». 1918. Стр. 95. Цена 4 р.

В книге собраны стихи четырех поэтов крестьян, посвященные тяжкой доле народных масс перед революцией и самой революции.

Ада Негри. Стихи. Предисловие В. М. Фриче. М. «Денница». 1918. Стр. 45. Цена 1 р. 50 к.

Из предисловия: «Дитя народа, Ада Негри стала, естественно, поэтессой народа... В стихах Ады Негри бьется... сердце всех угнетенных, слышится печаль всех обездоленных. Ее песни — плач над тяжелой долей труда».

Орешин, П. Зарево. Стихи. П. «Революционный социализм». 1918. Стр. 92. Ц. 3 р.

См. Литерат. отд., стр.

Уэллс, Г. Мистер Бритлинг и война. Ром. Авториз пер. с англ. М. Ликиардопуло. П. «Парус». 1918. Стр. 387. Цена 7 р.

Роман изображает вторжение ужаса войны в атмосферу самодовольного мещанства современной культурной Англии, выразителем которого является для автора мист. Бритлинг — третьестепенный английский писатель.

Шевченко, Т. Запретный Кобзарь. В переводах *собрал* П. А. Белоусов. М. «Грань». 1918. Стр. 79. Цена 2 р.

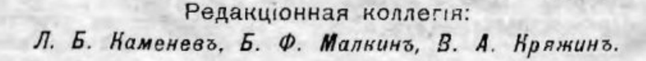
Из предисловия: «Настоящее издание переводов произведений Т. Г. Шевченко является дополнением ко всему тому, что до сих времени переводилось из «Кобзаря». В него вошли только переводы произведений Шевченко *ни разу не бывшие в печати*, или же те, которые ранее печатались с цензурными изменениями и пропусками».

Шишков, В. Тайга. Повесть. П. «Парус». 1918. Стр. 158. Цена 3 р. 50 к.

В этой повести автор живо рисует своеобразную жизнь затерянной в тайге сибирской деревни Кедровки, где «все было по своему, по-таежному: и своя правда была — особая, и свои грехи — особые, и люди в ней были другие». (Из повести).

Редакцiонная коллегiя:

Л. Б. Каменевъ, Б. Ф. Малкинъ, В. А. Кряжинъ.

Цена 5 руб.